

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

ЧЕРЕМНЫХ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОБАКЕ
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

5.9.5 Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Баженова Е. А.

Пермь – 2024

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основания исследования	17
1.1. Антропоцентрическая парадигма и когнитивно-дискурсивное направление современной лингвистики.....	17
1.2. Лингвокогнитивные подходы к изучению представлений о животных	26
1.2.1. Зоонимы и зооморфизмы как предмет лингвистического анализа	26
1.2.2. Когнитивно-дискурсивная структура понятия <i>собака</i>	37
1.3. Собака как объект описания в кинологии.....	43
Выводы.....	55
Глава 2. Представления о собаке по данным лексикографии и паремиологии	57
2.1. Лексикографический анализ лексемы <i>собака</i> и ее дериватов	57
2.1.1. Этимология слова <i>собака</i>	57
2.1.2. Семантическая структура лексемы <i>собака</i> по данным толковых словарей	60
2.1.3. Синтагматические и парадигматические связи лексемы <i>собака</i>	73
2.1.4. Деривационное поле лексемы <i>собака</i>	77
2.2. Представления о <i>собаке</i> по данным сборника поговорок и пословиц В.И. Даля	84
Выводы.....	105
Глава 3. Образ собаки в современных дискурсивных практиках	107
3.1. Представления о собаке в профессиональном кинологическом дискурсе на фоне непрофессионального.....	107
3.2. Образ служебной собаки в художественном тексте	125

3.3. Стереотипные представления о собаке в исследованных дискурсах	141
Выводы.....	152
Заключение	154
Библиографический список.....	160
1. Научная литература	160
2. Словари и энциклопедии	178
ПРИЛОЖЕНИЯ	182
Приложение 1. Пословицы о собаках из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа»	182
Приложение 2. Опросные листы для изучения представлений о собаке современных носителей русского языка.....	195
Приложение 3. Антипословицы о собаке из словаря Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа»	197

Введение

Диссертация посвящена изучению стереотипных представлений о собаке, сформированных в русском языковом сознании и получивших выражение в соответствующем понятии.

Выбор темы обусловлен прежде всего тем, что названия животных (зоонимы), к которым относится слово *собака*, «один из самых древних пластов лексики во всех языках мира» [Назаретян 2011: 510]. В то же время это значимая часть национальной языковой картины мира, которая всегда привлекала внимание ученых. Интерес к этой теме усилился в последние десятилетия в связи с развитием когнитивной лингвистики. Более того, некоторые исследователи считают, что «неологический бум, имеющий универсальный характер, особенно заметен в группе зоонимов» [Катлинская 2001: 187].

Однако в многочисленных работах, посвященных зоолексике, основное внимание уделяется изучению метафорических образов животных (зооморфизмов) как «продуктов» когнитивной деятельности носителей языка, способности человека воспринимать действительность и интерпретировать ее посредством образов животных. Так, в трудах лингвокультурологической и сравнительно-сопоставительной направленности достаточно полно отражены метафорические и мифологические аспекты образа собаки в русской паремиологии. В то же время изучение представлений о собаке как первом одомашненном животном нельзя считать завершенным, особенно в контексте активного развития когнитивной лингвистики и дискурсологии. Наш угол зрения на поставленную проблему определяется тем, что совокупность сведений о собаке дает возможность воссоздать ее многогранный образ, формировавшийся на протяжении длительного времени в русском коллективном сознании. Решение этой проблемы важно для понимания

языковой и экстралингвистической природы различных феноменов действительности, поскольку знания о собаке безусловно относятся к «феноменологическим когнитивным структурам» [Красных 2003: 64]. «Развертывание» таких структур посредством лингвокогнитивной интерпретации разного рода текстов позволяет изучать способы кодирования, хранения и передачи информации, что отвечает актуальным потребностям современного языкознания в постижении многомерного лингвоментального существования человека.

В когнитивной лингвистике, которая в настоящее время находится на этапе накопления научного знания о связи языка и мышления в рамках той или иной этнокультурной общности, актуальным является исследование представлений о значимых понятиях национальной языковой картины мира. Одним из способов решения этой проблемы является когнитивно-дискурсивный анализ таких понятий. В связи с этим **актуальность** диссертационного исследования определяется тем, что оно направлено на разностороннее научное описание понятия *собака* как многомерного лингвокультурного феномена, отражающего культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия. На концептуальное содержание, смысловой объем и семантическую структуру понятия *собака* оказывают влияние дискурсивные особенности коммуникации в определенной социальной сфере. В данной работе основное внимание уделяется изучению смысловых приращений понятия *собака*, которые сформировались в паремиологическом, кинологическом и художественном дискурсах.

Обобщенным объектом диссертационного исследования являются представления о собаке в русской лингвокультуре; **обобщенным предметом** – семантическая эволюция понятия *собака* с учетом его функционирования в разных дискурсах.

Исследование включает два взаимосвязанных аспекта.

В рамках **первого аспекта** проводится синхронный и диахронный лексический анализ слова *собака*. **Объект** данного анализа – толкования слова в словарях русского языка XVIII–XXI вв.; **предмет** – семантика слова *собака* и его производных. В результате устанавливается семантическая структура исследуемого понятия в русском языке.

Второй аспект соотносится с изучением смысловых приращений понятия *собака*, репрезентированных в разных дискурсах: **паремиологическом** (по данным текстов малых фольклорных жанров); **профессиональном кинологическом** на фоне **непрофессионального молодежного** (по данным социолингвистического опроса кинологов и не кинологов); **художественном** (по результатам анализа двух повестей о служебных собаках). **Объектом** анализа является направленная выборка материала, эксплицирующего стереотипные представления о собаке, сформированные в разных дискурсивных практиках; **предметом** – смысловое наполнение дискурсивных вариантов понятия *собака*. В результате устанавливаются дискурсивные приращения этого понятия.

Цель исследования заключается в выявлении стереотипных представлений о собаке носителей русского языка посредством комплексного (синхронно-диахронного семантического и когнитивно-дискурсивного) анализа семантической структуры и смыслового объема понятия *собака*.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть проблематику когнитивно-дискурсивного направления современной лингвистики;
- 2) осветить историю изучения зоонимов, включая слово *собака*, в лингвистических исследованиях;
- 3) по лексикографическим источникам XVIII–XXI вв. определить этимологию слова *собака*, его семантику, синтагматические и парадигматические связи, деривационное поле;

4) описать образ собаки, сформировавшийся к середине XIX в. в русских фольклорных текстах малых жанров, и выявить смысловые приращения понятия *собака* в паремиологическом дискурсе;

5) провести социолингвистический опрос современных носителей русского языка (кинологов и не кинологов) и установить смысловые приращения понятия *собака*, сформировавшиеся в профессиональном кинологическом и непрофессиональном дискурсах;

6) изучить содержание образа служебной собаки в русских прозаических текстах второй половины XX в. и выявить смысловые приращения понятия *собака* в художественном дискурсе;

7) на основе сопоставительного анализа образа собаки, репрезентированного в каждом из дискурсов, описать эволюцию представлений о животном в русской лингвокультуре.

Согласно **гипотезе** настоящего исследования, понятие *собака* в русском языке характеризуется сложной структурой, включающей инвариантные значения и дискурсивные семантические приращения. **Инвариантные значения**, являющиеся базовыми, закреплены в толковых словарях; **дискурсивные приращения** формируются под влиянием экстралингвистических факторов в определенной речевой практике. Мы предполагаем, что понятие *собака* эволюционирует в связи с изменением функций животного и повышением его ценности в коллективном восприятии носителей русского языка.

Материал диссертации включает следующие источники:

– 64 дефиниции слова *собака*, содержащиеся в 25 толковых, этимологических, синонимических, семантических, словообразовательных и других словарях русского языка XVIII–XXI вв.;

– 473 паремии со словом *собака*, извлеченные из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» (сборник завершен в 1853 г. и впервые опубликован в 1862 г.);

– 300 ответов, полученных в ходе опроса 150 кинологов (курсантов Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации и студентов Пермского института ФСИН России), а также 150 студентов разных факультетов Пермского государственного национального исследовательского университета, не имеющих отношения к специализации «Кинология»;

– двух художественных произведений о служебных собаках: повестей Израиля Меттера «Мухтар» (1960) и Георгия Владимова «Верный Руслан» (1974);

– 27 антипословиц со словом *собака*, включенных в словарь Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2005).

Степень разработанности проблемы. Понятие *собака* уже привлекало внимание культурологов, фольклористов и лингвистов. Специальному изучению мифологических корней народных представлений о собаке посвящены работы Б.А. Успенского [Успенский 1982, 1994], В.М. Мокиенко [Мокиенко 2003] и других ученых [Левкиевская 2000; Шапарова 2003; Архангельская 2020]. Репрезентации концепта *собака* в паремиологическом фонде русского языка рассматривает Н.И. Маругина [Маругина 2009], используя фреймовый подход к описанию материала. Образу собаки в детской художественной литературе посвящены работы М.С. Костюхиной [Костюхина 2020]. На изучение кинологической лексики направлена докторская диссертация И.М. Фатеевой [Фатеева 2011]. Номинации животных, в том числе слово *собака*, также исследованы в сопоставительном и типологическом аспектах [Галимова 2004; Солнцева 2004; Устуньер 2004; Москаленко 2005; Скинаина 2007; Буренкова 2008; Семина 2008; Бектемирова 2009; Гукетлова 2009; Карташкова 2009; Бутина 2012; Казакова 2012; Ван Минци 2015; Мусси 2017; Виноградова 2020; Николаева 2022]. Все это

свидетельствует о живом интересе лингвистов к концептуальной сфере *животные* и необходимости ее дальнейшего изучения.

Научная новизна диссертационной работы:

– посредством семантического и когнитивно-дискурсивного анализа впервые исследовано понятие *собака* и установлена эволюция представлений о его референте в русской лингвокультуре;

– выявлены инвариантные значения понятия *собака* и его дискурсивные смысловые приращения, сформированные в ряде речевых практик XIX–XXI вв.;

– для научного анализа понятия *собака* в исследовательское поле введен новый материал, в том числе полученный экспериментальным путем.

Теоретическая значимость диссертации состоит в уточнении семантической структуры слова *собака* с учетом его функционирования в различных дискурсах на разных синхронных срезах русского языка, что имеет ценность для лексикологии, лексикографии, семасиологии и когнитивной лингвистики. На основе реализованного в работе когнитивно-дискурсивного подхода к интерпретации лексической единицы возможна разработка словаря нового типа, содержащего информацию о смысловом объеме слова-понятия в разных речевых практиках.

Практическая значимость диссертации определяется тем, что ее материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах по современному русскому языку, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, дискурсологии, а также при составлении словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов.

Методологической основой исследования являются идеи, изложенные в работах по *семантике* (Ю.Д. Апресян, И.М. Кобозева, Г.В. Колшанский, Л.А. Новиков, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, О.Н. Трубачев и др.); *когнитивной лингвистике* (Н.Д. Арутюнова,

А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, С.А. Жаботинская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.В. Морковкин, З.Д. Попова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.); *лингвокультурологии* (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Е.М. Верещагин, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, Т.А. Гридина, Ф.Н. Гукетлова, А. Зализняк, В.И. Карасик, М.Л. Ковшова, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, И.Б. Левонтина, Г.Н. Манаенко, В.А. Маслова, Г.Л. Пермяков, З.И. Резанова, Г.Н. Складарская, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцева, Е.Г. Хомякова, А.Д. Шмелев, Е.Е. Юрков и др.); *теории дискурса и дискурсивному анализу* (И.Т. Вепрева, Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Ю.Е. Прохоров, О.Г. Ревзина, К.Ф. Седов, В.И. Шенкман и др.); *зоолексикологии* (А.В. Балабанова, В.И. Зимин, В.М. Мокиенко, В.В. Морковкин, В.А. Степаненко, Л.А. Хачатурова, А.В. Цыганкова и др.).

Опираясь на идеи предшественников, кратко определим основные понятия нашего исследования.

Дискурс – «речь как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Арутюнова: эл. ресурс]; «когнитивный “котел”, в котором происходит смыслообразование» [Алефиренко 2008: 77].

Дискурс кинологический – профессиональная межвидовая коммуникация, включающая различные типы взаимоотношений человека и собаки [Белозёрова, Шапочкин 2011].

Дискурс паремиологический (паремический) – совокупность фольклорных текстов малых жанров, репрезентирующих исторический опыт народа-носителя и национальный менталитет [Гриченко 2021; Ковшова 2018].

Дискурс художественный – «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-

художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства» [Фещенко 2021: 16].

Дискурсивная практика – социально устоявшаяся, стереотипно воспроизводимая речевая деятельность в рамках определенного типа дискурса [Куликова и др. 2015].

Концепт – «ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств» [Маслова 2004: 37–38].

Концептуализация понятия – процесс формирования концепта, сопровождающийся накоплением коллективных представлений о значимом явлении лингвокультуры в сознании ее носителей.

Лексическое значение слова – «психический феномен, представляющий собой общественно достигнутое знание о предмете номинации» [Стернин 1985: 21].

Лингвокультура – «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах культура, явленная нам в языке и через язык» [Красных 2013: 123].

Образ – наглядно-чувственное представление о явлении действительности.

Образ художественный – форма творческого воспроизведения явления действительности, имеющая эстетическое значение.

Понятие – «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений» [Степанов 1990: эл. ресурс].

Семантическая структура слова – «упорядоченная совокупность значений многозначного слова» [Немченко 1994: 217].

Смысловой объем понятия – совокупность значимых свойств и характеристик явления действительности, которое отражается данным понятием.

Стереотипные представления – коллективный образ явления действительности, включающий чувственные впечатления о нем.

Выбор методов и методик исследования обусловлен целью работы и совокупностью поставленных задач. **Общенаучные методы** представлены наблюдением, обобщением, классификацией, интерпретацией, сопоставлением. Из специальных **лингвистических методов** использованы следующие виды анализа: *лексикографический, компонентный, семантический, стилистический, дискурсивный* и *экспериментальный*. Корпус эмпирического материала сформирован посредством *метода направленной выборки*. Для определения соотношения значений лексемы *собака* в словарях XVIII–XXI вв., частотности номинаций животного и распределения его оценок в поговорочных текстах XIX в., изучения результатов ассоциативного эксперимента использован *количественный анализ*. Указанные методы дополняются *методикой социолингвистического опроса*, которая позволила выявить представления о собаке современных носителей русского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для изучения стереотипных представлений о собаке, сформировавшихся в русской лингвокультуре, необходим комплексный анализ понятия *собака* с привлечением словарей, текстов, относящихся к дискурсивным практикам разных временных срезов, а также экспериментальных данных.

2. Информация о семантической структуре слова *собака*, его словообразовательном потенциале, синтагматических и парадигматических связях, полученная в результате анализа лексикографических источников

XVIII–XXI вв., показывает, что данное слово является номинацией важной для социума реалии и входит в активный запас лексики русского языка.

3. В процессе функционирования в определенных социокультурных условиях закрепленные в словарях лексические значения слова *собака* дополняются дискурсивными приращениями, которые формируются в речевых практиках под воздействием экстралингвистических факторов.

4. В стереотипных представлениях о собаке, объективированных в фольклорных текстах малых жанров середины XIX в. и отражающих традиционную крестьянскую культуру, преобладает негативная оценка животного (внешняя непривлекательность, бездеятельность, злобность, прожорливость, глупость и др.), являющаяся основой зооморфной характеристики человека.

5. Данные социолингвистического опроса демонстрируют характерные для носителей современного русского языка (кинологов и не кинологов) стереотипные представления о собаке как *верном, преданном и надежном друге*, от общения с которым человек испытывает *радость и счастье*; однако будущие кинологи, в отличие от не кинологов, также видят в собаке *специальное средство для выполнения служебно-боевых задач, товарища по службе*.

6. В художественных текстах второй половины XX в. служебная собака наделяется антропоморфными качествами (умом, способностью сопереживать, анализировать ситуацию и принимать правильные решения и др.), ее образ является средством выражения морально-этической проблематики произведения и оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателей.

7. Эволюция представлений о собаке в русской лингвокультуре заключается в повышении ценности этого животного в коллективном русскоязычном сознании.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и одобрена на кафедре русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета 9 декабря 2024 г. Основные положения работы представлены на следующих научных конференциях:

– Всероссийской научно-практической конференции «Пермский военный институт войск национальной гвардии: векторы развития науки и технологий» (г. Пермь, ПВИ ВНГ, 2 ноября 2021 г.);

– IV Международной научно-практической конференции «Актуальные научные исследования» (г. Пенза, 20 февраля 2022 г.);

– IX Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы научных исследований» (г. Саратов, 30 июня, 2023 г.);

– Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Филология в XXI веке» (г. Пермь, ПГНИУ, 19–20 мая 2023 г.);

– IV Всероссийской ежегодной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук» (С.-Петербург, 15 декабря 2023 г.).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. *Черемных Ю.А.* Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 753–761 (в соавторстве с В.И. Шенкман).

2. *Черемных Ю.А.* Семантическая динамика лексемы *собака* по данным лексикографических источников // Казанская наука. 2024. Вып. 7. С. 190–193.

3. Черемных Ю.А. Представления о собаке в современном кинологическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 10 (58). URL: <https://rulb.org/archive/10-58-2024-october/10.60797/RULB.2024.58.16>. DOI: 10.60797/RULB.2024.58.16.

Статьи в научных журналах и сборниках материалов научных конференций:

4. Черемных Ю.А. Понимание концепта в когнитивной лингвистике // Филология в XXI веке. 2021. № 2 (8). С. 33–44.

5. Черемных Ю.А. Репрезентация представлений о СОБАКЕ в русской языковой картине мира // Актуальные научные исследования: сб. ст. IV Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2022. С. 192–198.

6. Черемных Ю.А. Семантический и лингвокультурологический аспекты понятия «собака» в русской паремиологии // Современный ученый. 2023. № 1. С. 53–58.

7. Черемных Ю.А. Реализация концепта *собака* в русском поэтическом дискурсе // Вестник Вологодского государственного университета. Исторические и филологические науки. 2023. № 2 (29). С. 106–111.

8. Черемных Ю.А. Семантические особенности лексикографических данных концепта «собака» // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 7 (133). URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.60>.

9. Черемных Ю.А. Ассоциативный эксперимент как метод изучения концептов // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук: сб. науч. тр. IV Всероссийской ежегодной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук», г. Санкт-Петербург, ноябрь – декабрь 2023 года. СПб.: Пересвет, 2023. С. 108–114.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения.

В **первой главе** излагаются важнейшие идеи когнитивной лингвистики и теории дискурса, описывается история изучения зоонимов и зооморфизмов включая зоолексему *собака*, а также дается характеристика кинологии как экстралингвистической основы для изучения научных представлений о собаке. **Вторая глава** посвящена анализу этимологии и семантики слова *собака*, описанию его парадигматических и синтагматических связей, выявлению дериватов. Во втором разделе главы исследуются фольклорные тексты малых жанров как целостный паремиологический дискурс, отражающий коллективные представления о собаке, сформированные в русском языковом сознании на протяжении многовековой истории одомашнивания животного и взаимодействия с ним человека. В **третьей главе** рассматривается смысловой объем понятия *собака* в профессиональном кинологическом дискурсе (на фоне непрофессионального молодежного) и в художественных текстах о служебных собаках.

В **заключении** приведены основные выводы исследования. **Библиографический список** включает в себя 205 наименований. Диссертация содержит три **приложения**: 1) пословицы о собаках из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа», 2) опросные листы для изучения представлений о собаке современных носителей русского языка – респондентов-кинологов и респондентов-не кинологов, 3) антипословицы о собаке, опубликованные в словаре «Антипословицы русского народа». В диссертации содержится 5 таблиц и 8 рисунков.

Глава 1. Теоретические основания исследования

1.1. Антропоцентрическая парадигма и когнитивно-дискурсивное направление современной лингвистики

Традиционно в лингвистике выделяют три научные парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую.

Сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Под знаком этой парадигмы лингвистика развивалась в XIX в. В 20-е годы XX в. сформировалась системно-структурная парадигма, связанная прежде всего с идеями Ф. де Соссюра. Хотя интерпретация языка как системно-структурного образования сохраняется и в настоящее время, однако ключевую роль в развитии лингвистической науки с конца XX в. начинает играть антропоцентрическая парадигма.

Примечательно, что отношения «язык и человек», «язык и культура» привлекают внимание исследователей уже в XIX в. (см. труды В. фон Гумбольдта, Э. Бенвениста, А.А. Потебни и других ученых), однако в первой половине XX в. эта проблематика отошла на второй план, и лингвисты, по справедливой оценке Ю.К. Волошина, «многие десятилетия изучали “человека молчавшего” (язык был как бы сам по себе, а человек – сам по себе). Осознание необходимости изучать язык и человека комплексно, т.е. “говорящего человека”, побудило исследователей уделить серьезное внимание всем аспектам этой сложной проблемы» [Волошин 2000: 20].

Антропоцентрическая парадигма вернула человеку статус «меры всех вещей», поставила его «в центр мироздания» [Воркачев 2001: 64], переключила внимание исследователей «на человека в языке и язык в

человеке» [Маслова 2001: 6]. Человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», и это придает ему право «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», который определяет его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [там же: 6–7]. Для понимания «языка в человеке» необходимо «выйти за пределы языка, обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2003: 4–7]. Иными словами, следует обратиться к мышлению человека, или когниции (от лат. *Cognitio* – ‘познание’).

Закономерности отражения в языке познавательных процессов с конца XX в. изучаются в новом лингвистическом направлении – когнитивной лингвистике. Е.С. Кубрякова подчеркивает яркую тенденцию «сблизить исследование когниции с изучением языка. <...> На долю лингвиста выпадает поэтому строить предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание. Про эту ипостась языка и говорят, что он обеспечивает доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» [Кубрякова 1994: 37].

Появление когнитивной лингвистики ознаменовалось изданием «Краткого словаря когнитивных терминов» [Кубрякова и др. 1996]. А.П. Чудинов назвал этот словарь «своего рода генератором целого ряда дискуссий, в том числе дискуссии о статусе исследований по проблемам когнитивистики, <...> о научных направлениях и научных школах, определяющих специфику российской когнитивной лингвистики» [Чудинов 2015: 117]. «Признанным лидером отечественной когнитивистики долгие годы была Е.С. Кубрякова, которая сумела сплотить вокруг себя коллектив

талантливых специалистов из разных регионов России и ближнего зарубежья» [там же: 119].

В рамках когнитивной лингвистики сформировались такие направления, как *лингвокультурология* и *лингвоконцептология* (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.П. Москвин, М.В. Пименова, С.Н. Плотникова, И.А. Стернин, Е.Е. Юрков и др.); *когнитивная ономастика* и *сопоставительная метафорология* (Л.М. Алексеева, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Н.В. Васильева, Л.И. Гришаева, Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Э.Р. Лассан, С.Л. Мишланова, Г.Г. Слышкин, А.П. Чудинов и др.); *когнитивная лингвоперсонология* и *лингвоаксиология* (Е.В. Бабаева, В.Н. Базылев, Л.Г. Викулова, М.В. Гаврилова, Р.Д. Керимов, А.П. Седых, Е.Ф. Серебренникова, Е.В. Шустрова и др.) и др.

Связь языка и сознания в когнитивной лингвистике доказывается тем, что «знание функционирует как объективный феномен, как некое невербализованное “хранилище” смыслов, к которому обращается человеческое сознание всякий раз, когда возникает необходимость превратить отвлеченную или абстрактную идею в предметное, конкретное понятие. Любой индивид начинает новый познавательный процесс не с чистого листа, а с уже сформировавшихся в социуме общих мнений и стереотипов» [Шульженко и др. 2015: 123–124].

Далее кратко остановимся на содержании понятия *концепт* (от лат. *Conceptus* – ‘понятие, зачатие’), разработанного в когнитивной лингвистике. Следует отметить, что интерпретируется это понятие неоднозначно. «Расхождения в трактовке концепта обусловлены тем, что концепт является точкой пересечения двух очень интересных, дополняющих друг друга направлений: лингвокогнитологии и лингвокультурологии. Различия между ними объясняются выбором цели

исследования: концепт как объект лингвокогнитивного или лингвокультурного исследования. Общим для обоих подходов является трактовка концепта как ментального образования, структуры знания и сознания» [Гольдберг 2007: 11].

Другие исследователи считают концепт «дискретным ментальным образованием, являющимся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающим относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющим собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущим комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24]. Под руководством В.И. Карасика и И.А. Стернина подготовлено многотомное издание «Антология концептов» (тт. 1–8, 2005–2011 гг.) – «концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении» [Антология концептов 2005 и др.].

Что касается *концептуализации*, то она определяется в качестве «важнейшего процесса познавательной деятельности человека, заключающегося в осмыслении поступающей к нему информации и приводящего к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [Кубрякова и др. 2014: 442].

Р.М. Фрумкина называет концептуализацию «процессом поиска смысла» [Фрумкина 2003: 63]. Она «формируется не в лаборатории, а в контексте социальной жизни, ибо создание смыслов определяется культурой, а не природой» [там же]. Иными словами, концептуализация детерминирована конкретной культурой и «универсалиями человеческого общения, фундаментальными категориями (пространство, время)

мировосприятия» [Костюшкина и др. 2006: 43]. Концептуализация приводит к созданию «ментального образа действительности, сформированного когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющегося результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления» [Попова, Стернин 2007: 37].

Важным для проблематики нашего исследования является понятие национальной когнитивной картины мира, которое также разработано в когнитивной лингвистике. Вышеупомянутые авторы считают, что когнитивная картина мира проявляется «в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и “общих мнениях”, в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» [там же].

Кроме того, для нас принципиально важно учитывать связь когнитивистики с теорией дискурса (от франц. *discours* ‘речь, беседа, разговор’).

Хотя теория дискурса активно разрабатывается во второй половине XX в. (Р.-А. де Богранд, Т. ван Дейк, В. Дресслер, У. Лабов, Р. Лангакер, П. Серию, З. Харрис, У. Чейф и др.), ее предпосылки (понимание языка как средства коммуникации) содержатся уже в трудах классиков языкознания XIX – начала XX в.: Ш. Балли, Э. Бенвениста, Л. Витгенштейна, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф. де Соссюра, Л.В. Щербы и др.

В современной лингвистике дискурсивный анализ оказался еще более востребованным в связи с усилением информационного потока, появлением новых форматов общения в цифровой среде, стремлением «исследовать не абстрактный язык, не речь “как таковую”, а живую речь в условиях реального общения» [Дискурс в современном мире 2011: 7].

В настоящее время общепринятой можно назвать дефиницию дискурса, предложенную Н.Д. Арутюновой: «связный текст в совокупности

с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах); речь, погруженную в жизнь» [ЛЭС: эл. ресурс]. Данное определение лежит в основе и нашего понимания дискурса.

Обусловленность дискурсивной языковой практики экстралингвистическими факторами отмечается и другими исследователями, которые в то же время стремятся отделить понятие *дискурса* от близких понятий *речь, речевая деятельность, текст, диалог, функциональный стиль* и др. В подтверждение сказанного приведем ряд дефиниций: «динамический процесс использования языка в качестве инструмента общения, с помощью которого субъекты речевого взаимодействия в определенной ситуации выражают значения и осуществляют свои речевые намерения» [Михальская 1998: 382]; «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [Красных 2003: 113]; «текст в ситуации реального общения» [Карасик 2004: 238]; «объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей» [Седов 2004: 8].

Приведенные определения показывают, что в настоящее время дискурс интерпретируется преимущественно в двух планах: как коммуникативный **процесс**, т. е. речемыслительная деятельность в определенном социокультурном контексте, и как **продукт** этой деятельности, т. е. определенная структура, например текст или совокупность текстов. Однако, как считает Н.И. Клушина, «термин *дискурс* в современной российской лингвистике, несмотря на множество научных

определений и теорий, на практике используется в значении “совокупность текстов”, т. е. дискурс – это тексты, объединенные по определенному параметру» [Клушина 2016: 82]. Такими параметрами, с точки зрения автора, выступают «тема (напр., *театральный дискурс*), событие (*крымский дискурс*), жанр (*новостной дискурс*), возраст (*студенческий дискурс*), тональность (*агрессивный дискурс*), персона (*дискурс Черномырдина*) и т. п. Стил ь также становится дискурсоформирующим параметром, который группирует тексты: *научный дискурс, публицистический дискурс, официально-деловой* и т. п.» [там же: 80].

Нельзя не отметить большой вклад в теорию дискурса В.И. Карасика, который разработал типологию дискурсов, выделив институциональные (статусно-ориентированные) и личностные (лично-ориентированные) дискурсы [Карасик 2006: эл. ресурс].

Для проблематики нашего исследования важно подчеркнуть, что «по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2000: 23]. Аналогичную позицию занимает О.Г. Ревзина, по мнению которой к когнитивной составляющей дискурса «относится знание, содержащееся в дискурсивном сообщении» [Ревзина 2005: эл. ресурс].

Как видим, интеграция дискурс-анализа с когнитивной лингвистикой детерминирована тесной связью коммуникативной и когнитивной сторон дискурса. По существу дискурсивная речевая деятельность является коммуникативно-когнитивной, поскольку она реализуется в целом ряде аспектов: информационном, аксиологическом, психологическом, социально-культурном и др. Эту мысль точно выразила Е.О. Менджерицкая: «Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления и подачи информации, а также особенности ее восприятия; для адекватного понимания сообщаемой

информации необходимо совпадение так называемых когнитивных баз, или фоновых знаний, участников коммуникации, т. е. наличие определенных знаний и представлений, характерных для членов данного национального языкового сообщества» [Менджерцкая 2011: 77]. Автор акцентирует внимание на том, что «когнитивный подход является основой дискурсивного анализа и позволяет не только провести различия между разными аспектами лингвистического исследования, но, что еще более важно, объединить, интегрировать эти различные аспекты с целью рассмотрения текста во всей его полноте и целостности» [там же: 73–74].

Приведем еще одну яркую цитату, в которой акцентируется внимание на когнитивной природе дискурса. Последний, по мнению Н.Ф. Алефиренко, является «когнитивным “котлом”, в котором происходит смыслообразование, лингвосомиозис средств не прямой и косвенно-производной номинации. Таковым дискурс становится в силу его сложной коммуникативно-когнитивной природы: в его состав входят не только продукты линейной речевой деятельности (тексты), но и явления нелинейного характера (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации» [Алефиренко 2008: 77].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что дискурс характеризуется двуплановостью: это одновременно результат и процесс речемыслительной деятельности. Результативный план является собственно лингвистическим, он «связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов» [Красных 2003: 114]. Процессуальный план является «лингво-когнитивным», он «связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции» [там же].

В когнитивно-дискурсивном направлении современной лингвистики немаловажное значение имеет понятие языкового сознания (см., напр., [Баринова и др. 2010; Красных 2003]). Так, В.В. Красных считает, что оно «непосредственно связано с процессами порождения и восприятия речи» [Красных 2003: 15]. Благодаря феномену языкового сознания возможно лингвистическое изучение «национального ментально-лингвального комплекса, национальной концептосферы» [там же].

Когнитивно-дискурсивный подход позволяет изучить, как сознание отражается в речи, и понять механизмы восприятия, хранения и воспроизведения информации. См.: «Оба процесса – когниция и коммуникация (дискурс) – имеют дело со знаниями, мнениями, оценками людей, с обобщением их опыта, с верованиями и убеждениями и т. п., а также с объективацией всей этой информации в определенных языковых формах» [Лузина 2008: 43]. Поэтому в когнитивно-дискурсивных исследованиях большое внимание уделяется экстралингвистическим факторам (социокультурным, психологическим, этническим, прагматическим и др.), имеющим как познавательную, т. е. когнитивную, так и дискурсивную, т. е. коммуникативную, природу. Вместе с тем, поскольку язык является «средством обеспечения когнитивной деятельности человека (во всем разнообразии и многообразии ее конкретных проявлений), протекающей в постоянных актах коммуникации, функции когниции и коммуникации не могут быть жестко противопоставлены друг другу» [Кубрякова 2012: 66].

В заключение отметим, что когнитивно-дискурсивное направление развивается также в трудах В.З. Демьянкова, А.А. Кибрика, М.Л. Макарова, О.Г. Ревзиной, Л.В. Цуриковой и других исследователей. Данный подход лежит в основе и нашей диссертации. В качестве объекта мы неслучайно выбрали домашнее животное, исторически связанное с бытом носителей русской лингвокультуры и являющееся частью национальной когнитивной

картины мира. Изучение представлений о собаке дает основания предполагать, что они формируются под влиянием дискурсивных факторов. Эти представления могут быть разными в фольклорных и книжных, традиционных и современных текстах. Иными словами, они отражают как наивную (см. паремии из словаря В.И. Даля), так и художественную (в литературных произведениях) и научную (в кинологических текстах) картины мира.

1.2. Лингвокогнитивные подходы к изучению представлений о животных

1.2.1. Зоонимы и зооморфизмы как предмет лингвистического анализа

Лексическая группа «названия животных» образует богатый тематический пласт словарного состава любого языка и является частью национальной картины мира, поскольку приручение и использование животных – важные этапы освоения природы в общечеловеческой истории. Животные всегда имели большое значение в жизни человека, в его хозяйственной деятельности. Это особенно относится к периоду древности, когда сам человек еще был неотъемлемой частью животного мира.

В работе А.С. Маслова читаем: «В культуре любого этноса представлены образы животных как наиболее древние образы, своими корнями уходящие в эпоху становления религиозных верований. Длительная история функционирования в языке позволила им получить дополнительную смысловую нагрузку, превратив в своеобразные ментальные образования – образы-символы, в которых зашифрованы основные представления социума о внешних и внутренних характеристиках человека (особенностях внешнего вида, силе, сексуальной активности, характере, интеллектуальном развитии и пр.) <...> Образы животных

аккумулируют представления социума о системе ценностей и норм поведения в виде мифологем, стереотипов и эталонов» [Маслов 2013: 51].

Данная лексико-тематическая группа, являясь своеобразной призмой национального мировосприятия, всегда была и по-прежнему остается в фокусе внимания лингвистов, изучающих ее в разных аспектах. Несмотря на немалое количество работ, посвященных анализу зоологической лексики, в лингвистической науке до настоящего времени сохраняется неопределенность и произвольность употребления некоторых терминов, связанных с ней. Разными лингвистами используются такие термины, как зооним, зоолексема, зоолексика, зоосемизм, зооморфизм, зоометафора, анималистическая лексика, анималионимы, анимализмы и др. [Кацитадзе 1985; Солнцева 2004; Галимова 2004; Лаврова 2006; Кубасова 2008; Фоменко 2016; Преображенская 2019; Вепрева, Яо 2023 и др.].

Для наименований животных в прямом значении принято использовать термин «зоонимы». Однако этот термин трактуется неоднозначно: с одной стороны, он используется для обозначения имени собственного (клички) животного (ономасиологическая функция), с другой – для имени нарицательного, обозначающего животное (лексикологическая функция) (см., напр., [Юсифов 1985]). Кроме такой неоднозначности, термин подвергается критике [Морковкин 1983] еще и на том основании, что слово, наряду с анимальным значением, может соотноситься с «неживотными» денотатами. Учитывая эти обстоятельства, зоологические наименования, используемые в прямом (первичном) значении, некоторые лингвисты (напр., [Киприянова 1999]) называют зоосемизмами, а употребляемые в переносных значениях (при характеристике человека) – зооморфизмами. Мы поддерживаем тех исследователей, которые считают, что термин «зооним» является наиболее удобным, так как точно передает семантику слова, обозначающего наименование животного и компонента метафоры, сравнения и фразеологических единиц, в то время как термин

«зооморфизм» используется для выражения качества животного, переносимого на человека [Огдонова 2000]. Подчеркнем, что и зоонимы (синонимичный термин *зоосемизмы*), и зооморфизмы (синонимичный термин *зооморфная метафора*) в научной литературе рассматриваются в качестве значимых компонентов языковой картины мира.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 2000], которые в дальнейшем развил Л. Вайсгербер с опорой на концепцию внутренней формы языка и этничности языкового содержания. См.: «Каждому народу присущ свой взгляд на мир; знания, закрепляемые языком, передаются из поколения в поколение и образуют концептуальное ядро языковой картины мира» [цит. по: Радченко 1997: 251].

По общепризнанному мнению, в выражении национальной языковой картины мира первостепенную роль играет образный фонд языка (фразеологические единицы, поговорки, устойчивые сравнения, прецедентные единицы, метафоры), поскольку он является результатом языкового моделирования (наглядного обобщения и отбора) культурно значимых феноменов национальной культуры. Ярким способом концептуализации окружающей действительности на основе образной аналогии является метафора, сквозь которую «просвечивают» этнокультурные характеристики соответствующих явлений: «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [Чудинов 2001: 7].

Поскольку названия животных соотносятся с природной средой, они входят не только в языковую, но и в метафорическую картину мира любого национального языка, так как связаны с мышлением, культурой, жизнедеятельностью и историей этноса. Это отмечает В.К. Харченко: «Образы животных дают пищу метафорам во всех языках, на всех этапах

существования языков, и, более того, отдельные метафоры в русском языке (*сокол, пес*) являются многовековыми, задействованными с XIV века, если не ранее. Театр зверей – своего рода зеркало, в которое смотрится социум, боясь оскорбляющих человеческое достоинство аналогий» [Харченко 2010: 110]. «Люди, являющиеся разумной частью живых существ, познают себя, сопоставляя с животными, проводя параллели во взаимоотношениях между людьми и создавая ассоциации между миром людей и миром животных. Человек часто рассматривает животных через призму зоометафор, имеющих большое значение в становлении языковой картины мира и занимающих значимое место в оценочной антропологии, повышая образность речи и ее выразительность» [Николаева 2022: 32].

В исследовании Ю.Н. Караулова находим объяснение происхождения образности языковых единиц. «Снимая в образности слой за слоем, мы констатируем в ней застывшее гносеологическое усилие, моментальную фиксацию акта перехода от одного поля в тезаурусе (например, «дикие животные, опасные») к другому («свойства человека»). Но для того чтобы такой переход был возможен и совершился, надо обладать знаниями о том, что *змея* коварна, *заяц*, скажем, труслив, пуглив, имеет обыкновение спасаться бегством от опасности, *медведь* неуклюж, но силен, а *голубка* нежна и безобидна. Этот переход не есть принадлежность вербально-ассоциативного уровня, он есть порождение знаний» [Караулов 2010: 176–177]. Мы разделяем мнение ученого и также полагаем, что корни языковой образности зоонимных метафор лежат в системе знаний, а не исключительно в семантике самих языковых единиц.

Итак, в современной антропологической парадигме лингвистических исследований, в которой представлены разные аспекты отражения человеческого фактора в языке, закономерным является обращение к метафорическим моделям, характеризующим человека на основе разных видов образных аналогий. Зооморфная метафора, когнитивным источником

которой служит «образ» животного, перенесенный на человека, является одной из наиболее популярных моделей метафорической номинации. Такие метафоры обладают несомненной этнокультурной маркированностью, что обуславливает особый интерес к их изучению.

О.А. Свирепо считает, что «этнокультурная метафора – важный элемент языковой картины мира, она отображает способ членения и классификации реальности, принятый в рамках языкового сообщества. Для ментальности русского народа особую значимость и продуктивность получила концептуальная метафорическая модель “человек – это животное / зверь”. Животный мир выступает в качестве универсального культурного принципа метафоризации, охватывающего концептуальный каркас картины мира отдельного языкового коллектива» [Свирепо: электронный ресурс]. Метафорические модели переноса на человека качеств животных рассматриваются во многих работах, см., напр.: [Балашова 1999; Маругина 2009; Скляревская 1993 и др.].

Современная лингвистика проявляет большой интерес к наивной картине мира, иными словами, к традиционной культуре, а еще точнее, к крестьянской, поскольку принято считать, что прежде всего в ней консервативность труда и быта, отсутствие научных знаний преодолевались благодаря закреплению опыта и передаче через традицию, в которой выражена ориентация на опыт и уважение старших поколений. Этим объясняется изучение национального менталитета через язык, что определяет неослабевающий интерес лингвистов к метафоре, в том числе и к зоометафоре. Не менее актуален и концептуальный анализ зоонимов (зооморфизмов), включающий анализ ассоциативно-образного мышления носителей того или иного языка; культурной информации, содержащейся в языковых фактах; особенностей концептуализации языковой картины мира.

Зоонимическая лексика, обладая высокой степенью лингвокультурологической информации, активно исследуется с точки

зрения контрастивного подхода к ее анализу при изучении специфики менталитета сопоставляемых этносов. При этом учитывается повышенная идиоматичность и образность зоонимов, формирование ими оценочных характеристик человека, отражающих как универсальную, так и этнокультурную специфику каждого из сопоставляемых языков.

За последние более чем три десятка лет, когда активно развивается лингвокультурология, проведено большое количество сопоставительных и типологических исследований зоонимической лексики, включая стереотипные единицы с зоокомпонентом. Сопоставительная лингвокультурология предлагает новое осмысление окружающего мира, снимая иллюзию единственно возможного видения мира только через один язык. В таких исследованиях русский язык сравнивается с немецким, английским, французским, итальянским, турецким и другими разносистемными языками. См., напр.: [Галимова 2004; Солнцева 2004; Устуньер 2004; Москаленко 2005; Скинина 2007; Буренкова 2008; Семина 2008; Бектемирова 2009; Гукетлова 2009; Карташкова 2009; Бутина 2012; Казакова 2012; Ван Минци 2015; Мусси 2017; Виноградова 2020; Николаева 2022].

Предметом изучения в этих работах стали зоонимы прежде всего в составе фразеологических единиц на материале русского и одного или нескольких иностранных языков. Так, в работе О.В. Галимовой [Галимова 2004] об этнокультурной специфике зоонимической лексики, характеризующей человека, при сравнении русской и немецкой лингвокультур показано, что «и в русском, и в немецком языках достаточно регулярно при характеристике человека используются зоонимы и фразеологические единицы с зоокомпонентом. Это связано с тем, что представители фауны нередко обладают не единичными, а целым комплексом таких качеств, которые легко проецировать на людей. Так, *собака* исполняет многофункциональные обязанности: охраняет дом,

принимает участие в охоте, пасет скот, перевозит грузы; она друг человека, но может стать и его врагом; она громко лает, нередко устраивает бои с сородичами и т.д. *Кошка* – символ домашнего очага, ласкова и уютна, но она же имеет острые когти, которые легко пускает в ход даже против своего хозяина. У *зайца* также достаточно таких качеств, которыми можно характеризовать и человека: он быстро бежит, труслив, хорошо прячется. Что касается *свиньи, лисы, волка*, то эти животные практически у всех народов являются символом грязи, глупости, хитрости, злобы, и потому частое использование их в пословицах и поговорках, осуждающих те или иные пороки человека, вполне оправданно» [Галимова 2004: 15]. Показательно, что для характеристики человека в двух сравниваемых языках наиболее частотным является зооним *собака / Hund*.

В докторской диссертации Ф.Н. Гукетловой [Гукетлова 2009] на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков описаны зооморфные коды трех лингвокультур с универсальными и национально-специфическими особенностями. Сделан вывод о том, что пересечение в области коннотации зоометафор в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, а непересечение коннотативной системы зоометафор в сопоставляемых языках является следствием различий в экстралингвистических факторах (истории, культуре, сознании, подсознании, религии, географии), что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

Примечателен также вывод о том, что в пределах зоонимных фондов сопоставляемых языков преобладает отрицательная оценка в структуре значения зооморфизмов, что связано с функциональными особенностями зоонимной лексики. См.: «Отрицательно-оценочное значение зоометафор встречается намного чаще, так как через него и фиксируется нарушаемая норма поведения» [Гукетлова 2009: 123]. Для нашего исследования важно

также, что зоолексема *chien* (фр.) – *хъэ* (каб.-черк.) – *собака* (рус.) занимает первое место в сопоставляемых лингвокультурных сообществах по количеству идиом, в состав которых она входит.

К аналогичным выводам приходит Н.В. Солнцева [Солнцева 2004] при сопоставлении зооморфизмов в русском, французском и немецком языках. В частности, она различает «конкретно-личностные» и «социально-ролевые» характеристики. В рамках последних, в свою очередь, выделяются семантические поля, соответствующие определенным антропологическим аспектам: «внешний вид», «социальный типаж» и др. При этом из 29 выделенных микрополей всего 7 оказалось с положительной оценкой, 21 – с отрицательной, 1 – с нейтральной. Это свидетельствует о преобладании в трех языках зооморфизмов с отрицательной оценкой. Автор связывает этот факт с природой аксиологии: человеку свойственно особо отмечать то, что достойно порицания и не соответствует нормам, в то время как положительные свойства считаются сами собой разумеющимися, поэтому положительной оценке подвергается только то, что «превышает норму» [там же: 17]. Интересно, что женщины значительно чаще, чем мужчины, подвергаются отрицательным характеристикам [там же: 21].

Известны также сравнительно-сопоставительные описания зооморфных метафор в культурологическом аспекте с привлечением материалов неродственных (типологически различных) языков, например, русского и турецкого [Устуньер 2004]. Автор приходит к выводу, что зооморфная метафора моделирует образ человека по принципу «зеркального отражения»: с одной стороны, образу животного приписываются антропоморфные свойства (черты характера, поведения, образа жизни человека), с другой стороны, этот образ проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики (повадки, нрав, внешний вид животного). На основе этого когнитивного механизма формируются универсальные типологические модели зооморфной

метафоры: «внешний вид животного – внешний вид человека», «поведение животного – поведение человека» и т.п. Научную убедительность данной работе придает использование метода психолингвистического ассоциативного эксперимента, позволившего выявить национально-культурные стереотипы восприятия символических смыслов зооморфных метафор современными носителями сравниваемых лингвокультур.

В работах по сопоставительной лингвокультурологии акцентируется двойственная природа коннотации: лингвистическая и экстралингвистическая. Наблюдения показывают, что экстралингвистическая база зоонимов довольно разнообразна и причины расхождения коннотаций следует искать вне языка – в системе ценностей, обычаев, традиций конкретной лингвокультурной общности. Коннотации зоонимов представляются «скрытыми», их необходимо выявлять при помощи компонентного анализа и путем опроса информантов, они составляют набор ассоциаций, которые возникают у носителей того или иного языка при назывании конкретного животного.

В работах последних лет наблюдается тенденция к расширительному пониманию зооморфных метафор, когда в их состав включаются названия не только животных, но и других «зооморфных персонажей» [Гура 1997], которые в соответствии с «народной этнозоологией» [Виноградова 2000: 91] занимают три царства: небесное (птицы и летающие насекомые), нижнее (рыбы, земноводные, пресмыкающиеся) и срединное (домашние животные и скот).

Среди подобных работ отметим диссертационное исследование Т.Б. Белевцовой [Белевцова 2022] о наименовании насекомых (энтонимов), являющихся частью зооморфного фонда русского языка. В работе описана общая метафорическая модель «Человек – насекомое», представленная фреймами «Человек как живое существо», «Человек как социальное существо» и «Человек как разумное существо». Выявлено, что в

большинстве своем энтонимы семантизируют качества человека, несоответствующие установленной обществом норме, главным образом вербализуя отрицательные этические и эстетические оценки. Это основано на том, что уподобление человека насекомому мыслится как его низведение до уровня более примитивного существа. Говорящие чаще прибегают к данной лексико-семантической группе с целью создания пренебрежительной характеристики, поскольку насекомые воспринимаются как существа ничтожные, паразитирующие, вызывающие неприязнь [там же: 27].

В последние годы появились исследования зоонимов не только на материале фольклорных текстов (традиционных для работ такого рода), но и на материале других дискурсов, в частности художественного. Так, Е.М. Дорогайкина отмечает: «Предметом изучения в XX веке в основном явились семантика зоонимов, их значение. Образные и переносные значения зоонимов и способы их номинации изучались чаще в лингвокультурологии с позиции их этнической или этноспецифической значимости, лексико-фразеологических систем и анализа семантической структуры имен животных и зооморфных метафор языка в пословично-поговорочном фонде. Представляется важным проанализировать номинации животных в разных жанрах художественных текстов с тем, чтобы дать их структурно-грамматические, лексико-семантические характеристики, учитывая символическую значимость выявленных зоономинаций» [Дорогайкина 2020: 4], определить роль мифологии и символики, символического значения зоонимов в структуре художественного текста, показать, как зоонимические характеристики в художественном тексте могут приобретать символическое значение в зависимости от интенций автора и специфики жанра.

На решение поставленных задач направлено, в частности, исследование С. Кумбы, в котором анализируется отраженное в народных

сказках восприятие кошки и собаки. Стереотипное представление о постоянной вражде этих животных переносится на отношения между людьми. Автор приходит к выводу, что «образ собаки в сказках используется для характеристики широкого спектра присущих человеку черт – как отрицательных (свирепость, злость, агрессия, жадность, скупость, прожорливость, пустословие), так и положительных (друг, помощник, защитник, надежная нянька для детей)» [Кумба 2021: 14].

А.И. Лызлов, исследователь фразеологизмов, относящихся к животному и растительному миру, в своей докторской диссертации [Лызлов 2021] анализирует репрезентацию фразеологических единиц (ФЕ) в художественном и публицистическом дискурсах. Автором выявлена зависимость развития фразеологического фонда от характера дискурсивной деятельности. В частности, в художественном дискурсе зафиксировано переосмысление исходной ФЕ в соответствии с художественными задачами, обогащение ее содержания новыми смыслами, полемическое отталкивание от стандартных принципов восприятия ФЕ, нейтрализация негативного и / или позитивного оценочного потенциала, использование ложной этимологии ФЕ и др.

Прагматические, смысловые и структурные преобразования ФЕ происходят и в массмедийном дискурсе. Культурный потенциал ФЕ, репрезентирующих животных и растительный мир, активно используется в публицистике для экспрессивного изображения героя публикации, описания общественно значимого события, изложения злободневной проблемы или выражения своей позиции. Часто публицисты, как и авторы художественных текстов, преобразуют исходную ФЕ с целью добиться максимальной выразительности и создать новый образ на базе уже закрепленного в культуре [там же: 30–32]. Для нашего исследования важным является вывод ученого о том, что концепт «собака» в

художественном дискурсе по преимуществу отражает позитивные признаки, в публицистическом – амбивалентные [там же: 33].

Отметим также попытку А.С. Маслова посредством использования «индекса инвективности» (т. е. степени представленности инвективных сем в лексеме) описать роль зоонимов и зооморфизмов в инвективном дискурсе [Маслов 2013: 57].

1.2.2. Когнитивно-дискурсивная структура понятия *собака*

Научная литература, в которой рассматриваются культурологические, мифологические, фольклористические, кинологические и другие вопросы, связанные с собакой, весьма обширна.

Лингвистические исследования о животных, включая собаку, лежат главным образом в русле лингвокультурологии – науки, изучающей «воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [Маслова 2001: 30]. Лингвокультурология как специальная область гуманитаристики породила немало продуктивных понятий: контекст культуры, субкультура, культурная компетенция, культурное наследование, культурные традиции, культурный процесс, культурные установки, лингвокультурная парадигма, язык культуры, культурный текст, прецедентные имена культуры, ключевые имена культуры, культурная универсалия, лингвокультурема и др. В понятийный аппарат науки входят также и такие термины, как ментальность, ритуал, обычай, тип культуры и др. [там же: 47].

По словам Л.Н. Мурзина, «Стыковка лингвистики и культурологии проходит через текст <...> Текст становится предельно определенным, только если он рассматривается в системе культуры, которой принадлежит. <...> Слово будет интересовать лингвокультуролога, прежде всего, как свернутый текст. <...> Культура жива до тех пор, пока ее тексты

взаимодействуют друг с другом, обогащаясь и усложняясь, преобразовываясь и перемещаясь в памяти с центра на периферию и наоборот» [Мурзин 1996: 7–13].

Подобным текстом является прежде всего фольклорный текст, преимущественно малых жанровых форм, таких как фразеологизм, пословица, поговорка, загадка и другие паремии, поскольку они, благодаря своей лаконичности, но одновременно и емкости, являются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, «сгустком» культурной информации.

Наиболее авторитетным исследователем фольклорных текстов малых жанров, в которых упоминается собака, является В.М. Мокиенко. В частности, в работе [Мокиенко 2003] содержится анализ этимологии слова *собака*; выявляются его переносные значения и коннотации, репрезентированные в славянской паремиологии и идиоматике; в сопоставительном плане описываются мифологические представления о собаке в разных лингвокультурах. Особое внимание автор уделяет изучению бранных коннотаций, в основу которых положено презрительное отношение восточнославянских народов к данному животному.

Конкретизируем сказанное. Отметив причины научного интереса к данному животному (Ср.: «В жизни индоевропейских, как и других народов, собака играет важнейшую роль, поскольку она является одним из древнейших животных, одомашненных человеком: костные остатки ее находят уже в пещерах мезолита» [там же: 322]), В.М. Мокиенко показывает, что при всей общности отношения человека к собаке, коннотации ее обозначения, отраженные в разных языках, обнаруживают существенные различия, связанные как с мифологическими представлениями в конкретных культурах, так и коннотативными потенциями соответствующих языков.

Так, в самой объемной энциклопедии немецких и европейских суеверий слову *Hund* уделено почти двадцать страниц и отмечены самые разнообразные «ипостаси» мифологических представлений об этом животном: способность предчувствовать и предсказывать погоду, будущее и т.п.; связь с нечистыми духами и способность оборачиваться в них; защита от нечистой силы, способность отгонять ее; «охранная» функция (напр., охрана подземных сокровищ); связь со смертью и потусторонним миром (отсюда – зловещий собачий вой); целительная функция, в частности, – перенесение болезней на собаку; медицинская магия, в частности – употребление собачьего мяса в народной медицине; принесение собаки в жертву; поверья об опасности от бешеной собаки; зловерная сила, исходящая от взгляда собаки, и т.д. [там же: 323]. Ученый отмечает, что почти все эти суеверия, древние и устойчивые, восходят к общей индоевропейской мифологии и во многом обусловлены разнообразием пород и функций животного. Особо подчеркивается, что коннотативные оценки собаки в культуре и языках индоевропейцев часто положительные. Высокая оценка собаки индоевропейцами связана, в частности, и с обычаем приносить собак – так же, как и коней, – в жертву богам. Восточные же народы, включая русских, относятся к этому животному исключительно с презрением, названия собаки нередко служат крепкими ругательствами.

Действительно, отрицательный коннотативный потенциал наименования собаки в русском языке преобладает над потенциалом позитивным. Это подтверждают практически все исследователи данного феномена. Однако заслуживает внимания неожиданное замечание автора одного из популярных словарей русской брани Л.А. Арбатского: «Несправедливость по отношению к собакам отряда псовых очевидна, в целом собака – это воплощение преданности, а различные недостатки, которые встречаются у собак, – результат одомашнивания» [Арбатский 2000: 281]. Более того, он призывает лингвистов и культурологов не только

постоянно подчеркивать эту давно известную истину, но и внимательно регистрировать конкретные языковые и этнологические факты, ее подтверждающие.

Специальному изучению мифологических корней народных представлений о собаке посвящены работы Б.А. Успенского [Успенский 1982, 1994], идеи которого были развиты другими учеными [Левкиевская 2000; Шапарова 2003, Архангельская 2020]. В этих исследованиях символические компоненты понятия *собака* связываются с мифологическими интерпретациями образа собаки прежде всего как антипода святыни в христианском культе, атрибута язычников и вообще иноверцев.

Обратим внимание и на работу К. Олех, которая приводит обширный перечень «семантических полей», выявленных в пословицах с компонентом *собака* [Olech 2021]. Правда, автор не объясняет, на каком основании выделены поля и как следует их интерпретировать в контексте пословиц – как номинации признаков животного или как метафорические номинации признаков людей.

Н.И. Маругиной установлено, что «в языковой картине русского народа смогли оформиться выражения с ключевым словом *собака*, в которых оно употребляется как в номинативном значении для характеристики данного животного, так и в метафорическом употреблении, где лексема *собака* используется для описания качеств и моделей поведения человека» [Маругина 2009: 17]. Посредством семантического анализа автор выявляет символические смыслы концепта *собака*: «символ нечистоты, безверия, бездуховности; неустроенной жизни, нищенского существования, низкого положения; свободной, беззаботной, разгульной жизни; тоски; послушания, покорности в результате применяемых над ней насильственных действий; символ жадности, скупости, прожорливости; свирепости, проявления гнева, агрессии...» [там же: 29].

На материале данных, полученных в ассоциативном эксперименте, В.В. Першаевой сконструирован образ собаки, обладающей умом, верностью, преданностью, острым нюхом и тонким слухом, выносливостью и др. [Першаева 1982: 53–55]. Эти ассоциаты автор связывает с восприятием животного именно носителями русской лингвокультуры.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению образа собаки в художественном дискурсе осуществлен М.С. Костюхиной [Костюхина 2020]. Исследователь показывает, что в художественном тексте, особенно в детской литературе, собака представлена верным и преданным другом. В то же время образ собаки используется для выражения социальной, морально-этической и нравственной проблематики. В качестве примера анализируется рассказ К.Г. Паустовского «Дружище Тобик» о собаке Александра Грина, которая после смерти хозяина ослепла и умерла от тоски. Рассказ Паустовского завершается словами: «Единственные живые существа на земле, которые умирают от разлуки с человеком, – это собаки». М.С. Костюхина отмечает, что в некоторых произведениях собаки заслонили образ человека, за что критики упрекали писателей. Но именно поэтому произведения о собаках пережили отбор временем [там же: 59]. Изучая образ собаки в литературных произведениях XVIII–XX вв., М.С. Костюхина приходит к выводу, что «тематика и проблематика детской литературы о собаках имеет специфику, привязанную к миру детства и практикам воспитания в ребенке азов гуманности» [там же: 69].

Мощный импульс развитию когнитивно-дискурсивного подхода в изучении собаки придало становление кинологического дискурса и формирование специального кинологического подъязыка. Кинологическая лексика расширяет и углубляет закрепленные в языке представления о ветеринарной помощи животным; организации селекционной и племенной деятельности в служебном и охотничьем собаководстве; подготовке

специалистов-кинологов; правовом обеспечении кинологической деятельности; породах собак и их специализации; теории, технике, методике, практике дрессировки и др.

Так, в докторской диссертации И.М. Фатеевой изучается язык для специальных целей, представленный в научных и научно-популярных текстах, энциклопедиях, словарях и специальных справочниках по кинологии. Делается вывод о том, что «кинологическая лексика, будучи масштабным языковым образованием, с одной стороны, вбирает в себя обозначения новых реалий, а с другой, сохраняет значительную долю консерватизма. Языковые единицы кинологической лексики объективируют научное и наивное сознание специалистов, которое отражается в концептосфере данной области знания (кинологии), официально зафиксированной во второй половине XIX в. и продолжающей стремительно развиваться в настоящее время» [Фатеева 2011: 219].

На наш взгляд, значимость работы состоит в осмыслении лингвокогнитивных, социальных и прагматических характеристик кинологической терминосистемы как инструмента осуществления профессиональной коммуникации; в систематизации кинологической терминологической лексики в деривационных, функциональных и социокультурных аспектах. Автором доказана атропоцентричность кинологического знания и наличие культурной составляющей в научных концептах данной сферы.

Кинологический дискурс является также предметом исследования военных кинологов, которые с помощью метода ассоциативного эксперимента пытаются выяснить, насколько антропоморфизм пронизывает деятельность будущего военного кинолога [Барский, Назарова 2020]. Специалисты исходят из представления о том, что военные кинологи, входя в диаду «человек – собака», выстраивают свои взаимоотношения с животным в рамках жесткой и регламентированной профессиональной

деятельности (уход, дрессировка, подготовка и проведение спортивных и селекционных мероприятий и др.). Сравнительный опрос будущих военных и студентов гражданского вуза включал вопросы: Какие ассоциации вызывает у Вас слово «собака»; Продолжите фразу «Собака – это ...»; Какие эмоции вызывает у Вас слово «собака»? и др.

Авторы эксперимента делают вывод, что антропоморфизм характерен как для военных кинологов, так и для гражданского населения. Однако у военных кинологов проявление антропоморфизма более сдержанно, что продиктовано спецификой профессии. Так, для курсантов характерны такие реакции на слово *собака*, как *существо*, *кинология*, *дрессировка*, *цепь*, *шерсть*, *слюни*; такие качества животного, как *послушность*, *преданность*, *реакция*, *сила*, *ловкость*, *агрессия* и даже *злость* [там же: 25].

Далее кратко изложим историю собаководства, а также коснемся вопросов кинологической культуры и этики обращения с собаками.

1.3. Собака как объект описания в кинологии

Первые труды, которые можно отнести к кинологическим, – это трактаты древнегреческих ученых, посвященные собаководству и описанию различных пород собак. В некоторых из них упоминается более десяти пород собак, которые были известны уже в то время.

Собака домашняя (*Canis familiaris*) получила собственный систематический статус в XVIII в.: царство *Животные* (*Animalia*), тип *Хордовые* (*Chordata*), подтип *Позвоночные* (*Vertebrata*), класс *Млекопитающие* (*Mammalia*), подкласс *Плацентарные* (*Placentaе*), отряд *Хищные* (*Carnivora*), семейство *Псовые* (*Canidae*), род *Собака* (*Canis*).

Таксономический ранг рода описал шведский естествоиспытатель Карл Линней в своем классическом труде «Естественная история», опубликованном в 1758 г. Предложенное им наименование

«*Canis familiaris*» не оспаривается до настоящего времени, хотя вопрос о видовом статусе животного остается дискуссионным [Шалабот и др. 2015: 10].

Приведем типичное описание данной биологической разновидности в одном из кинологических изданий: «Представители рода характеризуются различными размерами от мелких до крупных. Длина тела 70–160 см. Длина хвоста 20–30 см. Масса 6–80 кг. Конечности высокие, туловище умеренно вытянутое. Хвост пушистый, никогда не достигающий земли у стоящего зверя и не опускающийся ниже скакательного сустава. Морда относительно широкая и короткая. Уши средней длины, стоячие, заостренные. Волосяной покров относительно грубый, высокий. Окраска его сероватая, желтоватая или рыжеватая с примесью черных волос. В году 2 линьки. Сосков 5 пар. Череп массивный, скуловые дуги расставлены широко. Лицевой отдел длиннее мозгового. Лобная часть черепа выпуклая с большими пазухами. Скуловые отростки лобной кости с отогнутыми книзу вершинами. Зубы крупные и сильные. Клыки мощные, слабо изогнутые, относительно короткие. Хищнические (секущие) зубы хорошо выражены. Режущий край резцов с небольшими дополнительными выступами (трехзубчатые)» [Блохин и др. 2001: 3].

Ранее мы говорили, что кинология как наука официально зафиксирована во второй половине XIX в. Практически все кинологи пишут, что на ее развитие большое влияние оказали естественнонаучные исследования, в частности открытия Спаланцолли в области сперматологии, опыты академика И.П. Павлова, раскрывающие основы физиологии и поведения собак, открытие универсальных законов наследственности (анализы Г. Менделя) и популяционной генетики (расчеты Р. Фишера). Кинология тесно связана с биологией, физиологией, зоопсихологией животных и другими науками.

Кинология (в переводе с греческого *наука о собаках*) занимается изучением анатомии, физиологии и нервной деятельности домашних собак; онтогенеза, конституции и экстерьера; вопросами племенного разведения, пороодообразования и селекции собак; их кормления и содержания, дрессировки, их общего и специального использования [Полищук, Трофименко 2007].

В России собаководство изначально было связано с разведением охотничьих пород собак. Об истории отечественной кинологии В.Г. Гусев и Е.С. Гусева пишут: «Наша отечественная кинология зарождалась на базе псовых охот – национального спорта и развлечения воинского сословия России. Комплектная псовая охота, включавшая целый штат псарей, стаи гончих, множество борзых собак и целые конюшни верховых лошадей, требовала больших средств на содержание. А создание и сохранение такой охоты было просто немыслимо, если владелец не вкладывал в это дело своей души, если он не хотел и не умел вникать в вопросы племенного дела или передоверял ведение хозяйства в своем имении наемным управляющим. Краеугольный камень отечественной кинологии был заложен людьми высочайшей культуры, воспитанниками лучших учебных заведений России и западноевропейских стран» [Гусев, Гусева 2006: 10].

В русской охотничьей и художественной литературе псовой охоте посвящен фундаментальный труд П.М. Губина «Полное руководство ко псовой охоте», изданное в Москве в 1890 г. [Губин 1890]. В художественной литературе XIX в. псовая охота увековечена «Записками мелкотравчатого» Е.Э. Дряньского, впервые напечатанными в 1854 г. [Дряньский: эл. ресурс]. Это произведение содержит увлекательную информацию о целой эпохе в жизни русского народа, открывает малоизвестный пласт национальной культуры.

С отменой крепостного права псовые охоты постепенно приходят в упадок. Но именно с этого времени происходит становление отечественной

кинологии как самостоятельной отрасли зоотехнической науки. На смену дорогостоящим псовым охотам приходит более демократичная ружейная охота с гончими и легавыми собаками. В России организуется целый ряд обществ охотников, издаются многочисленные журналы. С 1874 г. систематически проводятся выставки собак. Собаководство в это время находится под патронатом Императорского общества охоты. Издаются родословные книги, такие как «Родословная книга охотничьих собак Московского Общества Охоты имени императора Александра II» (РКМОО), включающая данные о собаках с 1862 по 1912 г. (4 тома) и фиксирующая информацию о собаках, происхождение которых отслеживалось в течение трех поколений.

Со второй половины XIX в. собаководство в России перестает быть привилегией богатых людей. Охотой с собаками и разведением любимых пород стали заниматься представители городской и сельской интеллигенции. На страницах периодических охотничьих изданий широко освещаются вопросы собаководства, причем не только охотничьего, но и зарождающегося служебного. Розыскное собаководство в России ведет свое начало с 1906 года, а служебное – с 1908 года.

Основополагающим в кинологической науке является вопрос о происхождении собаки, который до сих пор остается дискуссионным. По остроумному замечанию Б. Рассела, «собака не может рассказать автобиографию, как бы красноречиво она ни лаяла, она не может сообщить вам, что ее родители были хотя и бедными, но честными собаками...» (цит. по: [Блохин и др. 2001]). Наиболее вероятными предками домашней собаки большинство исследователей считают волка (теория монофилетического происхождения собаки).

Собака была одомашнена в четырех признанных центрах одомашнивания животных: китайско-малайском, индийском,

средиземноморском и африканском, т. е. для нее характерна политопия – распространение из многих очагов.

Собак начали одомашнивать 10–12 тыс. лет назад, а по некоторым данным – 15–20 и более тыс. лет назад, когда человек был кочевником-собирателем, охотником и рыболовом. Практически на всем протяжении своего развития человек контактировал с различными представителями псовых. Сначала это было соседство, затем партнерство, а потом служение.

Отношение первобытного человека к псовым было чисто гастрономическим. Предки собак оказывались в числе той возможной «дичи», которой кормился древний человек. Использовались и шкуры как постель и одежда. Пойманных волков, шакалов и других псовых, особенно щенков, держали на привязи, в ямах или разрешали бегать свободно.

У многих народов доисторические представления о родстве с животными, включая собак, сохранились как мифы и легенды, на которых основаны и современные традиции восприятия животных. Стадии развития религиозных обрядов и представлений были пройдены практически всеми народами. Это явление в исторической культуре названо тотемизмом.

Культ собаки отмечен у тех народов, чьи предки были охотниками, пастухами, кочевниками. Так, некоторые племена североамериканских индейцев считали собаку своим родоначальником и устраивали в честь нее ритуальные праздники. Эскимосы нашивали на одежду ожерелья-обереги из собачьих зубов, которые в современном костюме имеют лишь декоративную функцию. По данным, приведенным в книге З.П. Соколовой «Культ животных в религиях», эвенки «не видят почти никакого различия между собой и животным миром и даже признают во многих отношениях превосходство последних над собой. Кроме того, полезные животные имеют такие же души, как и человек, даже более сильные и разумные» [Соколова 1972: 44]. Одна из легенд эвенков о происхождении человека

начинается так: «Вначале жил медведь-человек, собака тоже была человеком».

Следы тотемизма фиксируются в религиях, в том числе в христианстве. Примером преобразования католической церковью культа животных служит, например, культ французского святого Кинофора, имя которого происходит от греческого «собака». На древних иконах иногда изображались с птичьими или звериными головами евангелисты Лука, Марк, Иоанн, которые представлялись как телец, лев и орел. Известны также иконы Николая-чудотворца с медвежьей головой, св. Христофора – с головой собаки (по легенде он попросил у Бога песью голову, чтобы не смущать своей красотой девушек во время проповеди). В Пермской губернии, Якутии и других местностях бытовали иконы святых с головами собаки и лошади.

В христианстве собака рассматривается как часть природы. Бог дал власть человеку над всеми животными, что предполагает и ответственность человека перед Богом за все живое на Земле. Библия не отделяет собаку от других животных. В Библии не говорится о какой-либо дискриминации собаки, не содержится запрета на нее. Способность собаки быть спутником человека, охранять хозяина, распознавать чужака сделало ее образ символичным: монахи католического ордена святого Доминика расшифровывали свое название «доминиканцы» как «*Dominoscanes*» – «псы Господни».

Православная церковь также считает собак Божьей тварью. Она не запрещает держать собак в доме, где есть иконы, но у собаки должно быть свое место. Собаке нельзя входить в храм, потому что она – дворовое животное. В православном христианстве есть немало молитвенников о животных – спутниках и помощниках человека. Молитв, посвященных собакам, нет, однако о здоровье собак молятся святым Флору и Лавру [Шалабот и др. 2015: 39–42].

На всем протяжении становления цивилизации рядом с человеком всегда была собака – первое одомашненное животное. «Собака вывела человека в люди» – писал и неоднократно повторял в своих выступлениях академик И.П. Павлов. И это, как отмечают В.Г. Гусев и Е.С. Гусева, «не гипербола, поскольку только с приручением собаки наши еще лохматые предки смогли перейти от собирательства к охоте на более крупных животных. Первобытный охотник с собакой уже не боялся никаких хищников» [Гусев, Гусева 2006: 3].

Примерно 14 тыс. лет назад, после того как климат потеплел, ледники отступили и сократилась численность крупных мигрирующих млекопитающих, люди стали осваивать новые источники пропитания. До этого главным занятием была охота, а теперь – рыбалка, земледелие и скотоводство. Люди начали вести оседлый образ жизни, появились небольшие поселения, а значит, лучшие возможности для одомашнивания животных. С развитием животноводства собака становится незаменимым помощником первобытных скотоводов. Это предопределило и тип собак – они должны были быть сильными, злобными, выносливыми, способными противостоять хищнику в единоборстве. По-видимому, в это же время их стали использовать и в военных целях.

Вот как об этом пишут современные кинологи: «Так, карфагенское войско имело целый собачий легион, псы использовались против неприятельской конницы, хватали лошадей за доступные места, рвали и опрокидывали. В войсках римлян и ассирийцев, в войсках Александра Македонского имелись особые подразделения собак. Для защиты от стрел и мечей собакам надевали панцири и кольчуги, для защиты от вражеских собак снабжали ошейниками с острыми длинными щипами. В XII–XIII веках английские короли также использовали собак в войне с шотландцами. Собачье “войско” из 800 собак было у известного графа Эссекса, которое служило ему верой и правдой в борьбе с ирландцами. Три века спустя и у

Карла V для борьбы с французами имелось 400 собак, которые достались ему в подарок от Генриха VIII. В средние века изображение собаки было обычным элементом герба того или иного феодала. Крестоносцы на рукоятках своих мечей зачастую имели такой же символ, означающий готовность верно следовать за своими полководцами, словно пес за хозяином. Во Франции барон Монморанси в 1100 году учредил для своих вассалов специальный орден Пса, им награждались самые отважные и преданные французские рыцари, так называемые «собакодостойные» [Асанбаев и др. 2013: 9–10].

В современном мире «собаки участвуют в работе полиции, таможни, охране производственных объектов и государственной границы. На Крайнем Севере их используют как транспортное средство. Упряжка в 10–12 северо-восточных или ненецких ездовых лаек везет нарты с грузом в 400–500 кг со скоростью 7–8 км/час. За сутки собачья упряжка с грузом проходит по бездорожью 70–80 км, а без груза 150–200 км. Собаки охраняют отары овец от хищников, активно помогают чабанам при перегоне и пастьбе животных. Собаки используются в геологии, спасательных службах на водах и в горных местностях. В течение нескольких столетий сенбернары в Швейцарских Альпах спасают людей из-под снежных лавин. Людей, погребенных лавиной, собаки этой породы чувствуют под трехметровым слоем снега. Собаки служат поводьями для инвалидов, участвуют в научных экспедициях, экспериментальных исследованиях. Например, академик И.П. Павлов свои опыты в области изучения высшей нервной деятельности проводил на собаках. На них проверяется и изучается действие многих современных медицинских препаратов. На собаках была отработана методика трансплантации органов и тканей у человека. Собаки были одними из первых животных, принявших активное участие в освоении космоса» [там же].

Особо отметим разделы кинологии «Поведение собаки» и «Дрессировка», непосредственно связанные с проблемой взаимоотношений собаки и человека. В этих разделах поведение собаки рассматривается как сложная биологическая функция организма, обеспечивающая его связь с окружающей средой. Действительно, для того чтобы успешно заниматься дрессировкой, правильно строить отношения с собакой, необходимо изучить ее психофизиологические особенности, т.е. специфику высшей нервной деятельности (ВНД).

Физиологической основой ВНД являются условные (приобретенные) рефлексы, или реакции. В поведении собак различают четыре основных реакции: ориентировочную, пищевую, оборонительную и половую. Ориентировочной реакцией называется рефлекс, возникающий в результате действия на собаку новых раздражителей. Во время дрессировки благодаря этой реакции собака ведет поиск ушедшего хозяина, розыск по следу и т.д. Пищевая реакция проявляется у голодной собаки, и более сильно – при наличии пищевых раздражителей. Эта реакция побуждает собаку искать и поесть пищу. Оборонительная реакция служит защитой от неблагоприятных воздействий или нападения и проявляется в двух формах: активно-оборонительной и пассивно-оборонительной. Проявление активно-оборонительной реакции используют при дрессировке караульных, сторожевых и розыскных собак. Пассивно-оборонительная реакция (трусость) снижает работоспособность собаки, при непривычных звуках (выстрелы, шум) собака может вообще отказаться от работы. Половая реакция обеспечивает размножение собак. Хотя половой рефлекс и не используется при дрессировке непосредственно, но имеет косвенное значение. Например, специальные исследования показывают, что самки поддаются дрессировке легче.

Академик И.П. Павлов в работе «Учение о типах высшей нервной деятельности и “характере” собак» впервые обосновал, что собаки по-

разному поддаются дрессировке в зависимости от свойств нервной системы. Им установлено четыре основных типа ВНД: возбудимый неуравновешенный (холерик), уравновешенный подвижный (сангвиник), уравновешенный спокойный (флегматик), слабый (меланхолик) (цит. по: [Асанбаев и др. 2013: 77]).

Автор книги «Думай как собака» Джон Фишер отмечает важный аспект в обсуждении поведения собаки: «У всех видов животного мира есть предсказуемые этапы развития. У некоторых видов, в том числе и у собак, наступление таких этапов или фаз предсказуемо с точностью почти до дня. Зная о переломных периодах развития собаки, можно лучше понять ее поведение» [Фишер 2024: 12]. Это касается, в частности, такого периода, как период социализации собаки в общении с человеком.

В кинологии детально описаны породы животных, даются подробные рекомендации по их содержанию и дрессировке. Кинологи различают общую и специальную дрессировку собак. Например, для защитно-караульной службы пригодны собаки многих служебных пород, но наиболее подходит для этого немецкая овчарка. Собаки этой породы характеризуются значительной физической силой, чуткостью, недоверчивостью к незнакомым людям, преобладающей активно-оборонительной реакцией, уравновешенным типом поведения, отлично развитыми зрением, слухом и обонянием, легкой дрессируемостью, преданностью хозяину, способностью к жизни и работе в любых климатических зонах.

Не останавливаясь более на специальных вопросах кинологической науки об анатомии собак, их разведении, лечении и т.д., подчеркнем, что в публикациях кинологов содержатся рассуждения об отношениях человека и собаки. В частности, описываются многочисленные случаи самоотверженного поведения собаки, спасающей своего хозяина; приводятся высказывания известных людей о собаке, например: «Любящие

нас больше, чем самих себя» (Ч. Дарвин); «Выраженная привязанность собак к своим хозяевам, верность в защите того, что им поручено охранять, подозрительное недоверие ко всем чужакам, невероятная острота чутья при розыске следа и рвение на охоте – все эти качества свидетельствуют, что эти животные были специально созданы на благо человечества» (Цицерон); «Собака составляет самое замечательное, совершенное и полезное из всех приобретений, какие когда-либо сделал человек. Весь вид в целом сделался нашей собственностью; каждая особь его вполне принадлежит человеку, своему хозяину, соображается с его потребностями, знает и защищает его имущество и остается верной ему до самой смерти. Все это она делает к тому же не из нужды, не из боязни, но исключительно из чистой любви и привязанности» (Кювье); «Трудно найти животное, в большей степени умеющее выражать свои чувства, чем собака. Радость, грусть, благодарность и даже угрызение совести – все это можно прочесть в ее глазах. Мы, люди, напрасно думаем, что только нам одним присуща способность выражать свои чувства. Может быть, это правда. Но загляните в собачьи глаза! Вы увидите в них то же, что в человеческих. В сущности, у собак определенно есть то, что мы называем душой» (Р. Амундсен).

Интересен тот факт, что историй спасения собаками людей, по оценкам специалистов, становится все больше. Зоопсихологи объясняют это снижением агрессивности этих животных к человеку, отмечают, что собаки словно «очеловечились», повысили свой коэффициент интеллекта и любви к своему хозяину [Асанбаев и др. 2013: 158].

Кинологи считают, что биологический вид, к которому принадлежит собака домашняя (*Canis familiaris*), в целом можно назвать весьма успешным. Об этом свидетельствует то, что в мире существовало около 2000 пород собак. И хотя сейчас их значительно меньше (около 400), но расселены они повсеместно в большом количестве: общая численность поголовья собак на всех континентах составляет около 500 миллионов. По

оценкам разных авторов, в России поголовье владельческих и свободно живущих собак к началу 2014 года насчитывало до 18 млн. голов [Шалабот и др. 2015: 4].

Заключая краткий обзор кинологических сведений, подчеркнем, что отношение к собаке, сопровождающей человека тысячи лет, действительно является «своеобразным культурно-экологическим индикатором зрелости социума» [Шалабот и др. 2015: 40]. По мере развития цивилизации это отношение трансформировалось, но собака всегда оставалась главным животным в природной картине мира человека.

Выводы

1. Антропоцентрическая парадигма, обусловившая стратегию изучения языка через сознание человека, активно реализуется в когнитивной лингвистике, предмет которой получил выражение в понятиях *концепт*, *концептосфера*, *когнитивная картина мира*, *национальная когнитивная картина мира*, *языковая картина мира* и др.

2. Поскольку язык одновременно выполняет не только когнитивную, но и коммуникативную функцию, когнитивистика интегрируется с дискурсологией и в рамках когнитивно-дискурсивного направления изучает отражение сознания в речи с учетом влияния экстралингвистических факторов. В тех или иных социокультурных условиях происходит постоянное обновление представлений о мире, что приводит к необходимости уточнять эти представления, выявлять новые смыслы, определять тенденции в их трансформации. В полной мере это относится и к самому близкому для человека представителю природного мира, первому из одомашненных животных – собаке. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет зафиксировать переработку знаний о животном в разных дискурсах, в результате которой соответствующее понятие концептуализируется.

3. Зооним *собака*, наряду с другими зоолексемами, является предметом изучения в лингвокультурологии, причем, как правило, в сопоставительном плане. Основным материалом подобных исследований служит образный, фразеологический (шире – паремиологический) фонд русского и иностранных языков. Посредством компаративного анализа выявлены как универсальные, так и национально специфические представления о собаке в разных лингвокультурах. На фоне прямого значения зоолексем установлены их переносные – метафорические, зооморфные – значения, исторически связанные с мифологическими

представлениями древних людей о животных. В научных трудах, посвященных этой проблематике, показано, что зооморфные метафоры обладают яркой этнокультурной маркированностью, при этом отрицательно-оценочные коннотации в семантической структуре зооморфизмов являются преобладающими.

4. В XXI в. к лингвокогнитивному анализу зоонимов и зооморфизмов постепенно добавляется дискурсивный анализ, связанный с употреблением зоолексем в различных речевых практиках. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в настоящее время актуальным является именно когнитивно-дискурсивный подход к изучению представлений о животных в той или иной лингвокультуре.

5. Сведения о собаке как объекте описания в кинологии подтверждают значимость экстралингвистических факторов для изучения представлений о собаке с когнитивно-дискурсивных позиций. В частности, в следующей главе будет рассмотрен образ собаки, сформированный к середине XIX в. и закрепленный в русском паремиологическом дискурсе, с учетом отражения в поговорках таких качеств собаки, как экстерьер и повадки, особенности нервной системы и пищевые привычки, функции, взаимоотношения собаки с человеком и другими животными и др.

Глава 2. Представления о собаке по данным лексикографии и паремиологии

2.1. Лексикографический анализ лексемы *собака* и ее дериватов¹

2.1.1. Этимология слова *собака*

Переходя к рассмотрению этимологии слова *собака*, приведем высказывание О.Н. Трубачева: «Никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию, знание эволюции значения небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересовать, и оно так или иначе интересует специалиста по современной лингвистической семантике, в противном случае проигрывает лингвистическая семантика» [Трубачев 1976: 148].

Оказалось, что слово *собака* не имеет точно установленной этимологии.

По самой распространенной версии [Преображенский 1914; Шанский 1975; Черных 1999; Семенов 2003, Крылов: эл. ресурс] это слово является древним заимствованием из иранских языков, а точнее, из их причерноморских диалектов. Иранское слово-предок выглядело как *sabka* (*sabāka*), что означает ‘быстрый’, а свирепые волкоподобные существа,

---

¹ Содержание данного раздела отражено в следующих публикациях: Черных Ю.А. Семантическая динамика лексемы *собака* по данным лексикографических источников // Казанская наука. 2024. Вып. 7. С. 190–193; Черных Ю.А. Семантические особенности лексикографических данных концепта «собака» // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 7 (133). URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.60>.

которые сопровождали в бою скифских и иранских воинов, назывались *spara*. В древнеиндийском языке словом *svaka* называли волка. Интересно, что в современном персидском языке все слова с корнем *sabah* связаны с понятием ‘быстрый’.

П.Я. Черных характеризует слово *собака* как общевосточнославянское заимствование из иранских языков северного Причерноморья, албанского (*shake*) и индийского языков (*svaka*), а также из персидского выражения ‘быстрый конь’ (*sabeh*) [Черных 1999]. А.В. Семенов отмечает, что данное слово восходит к индоевропейскому *k'un* (‘сука’, ‘собака’), акцентирует значимость исследований Геродота, записавшего мидийское *spara* (‘собака’), близкое древнеиндийскому *svaka* (‘волк’). Исходя из того, что слово *собака* встречается в памятниках древнерусской письменности XII в., исследователь предполагает, что в устной речи оно употреблялось и раньше [Семенов 2003].

Другие авторитетные этимологи [Трубачев 1960, Фасмер 1987] считают, что слово *собака* происходит из тюркских языков. *Köbäk* – так все тюркские народы называли одомашненное с древнейших времен хищное животное семейства псовых (ср. в современном турецком языке собака – *köpek*). О.Н. Трубачев в работе «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» прямо пишет о том, что «иранское происхождение слова *собака* маловероятно, скорее всего, мы имеем здесь заимствование из тюркского» [Трубачев 1960: 29].

Хотя происхождение слова *собака* однозначно не установлено, но бесспорно то, что восточнославянскими языками оно заимствовано в прямом значении. Его неславянское происхождение подтверждается тем, что в славянских языках оно либо не представлено, либо используется как заимствованное ругательство. Изначально в восточнославянских языках для обозначения животного использовалось слово *пес* (общеславянское *рьсь*, старославянское *ньсь*).

Древнерусским словом *песь* именовали ‘стерегущего стадо’, ‘сторожа’ [Черных 1999]. Н.М. Шанский, указывая на общеславянское происхождение этого слова, обращает внимание на возможное его родство с латинским корнем *specio* (‘смотрю’), а значит, с первоначальным значением ‘сторож’ [Шанский 1975: 335]. По мнению историков языка, слово *пес* изначально служило номинацией овчарок, охранявших скот. Благодаря высоким бойцовским качествам и умственным способностям эти собаки использовались как охранники и помощники в скотоводстве. Другие же объяснения, например сближение со словом *пестрый* (по окраске шерсти), а также со словами других индоевропейских языков, обозначающими скот (лат. *pecus*, авест. *pasu*), представляются специалистам менее убедительными, так как соотносятся с несвойственными собакам характеристиками. Славянское происхождение слова *пес* подтверждается украинским (*пес*), болгарским (*пес*), белорусским (*пес*), словенским (*pes*), польским (*pies*) языками, а также русскими производными *песий*, *псовый*, *псарь*, *псарня* [Семенов 2003: 396].

В заключение приведем информацию о словах *собака / пес*, извлеченную из «Словаря русской ментальности». Хотя эта информация не имеет прямого отношения к их этимологии, однако примечательно, что каждая из лексем репрезентирует различные представления о животном. Так, слово *собака* в прямом значении относится к служебному домашнему животному, годному для охраны, охоты и развлечений, а также может использоваться в амбивалентных символических значениях ‘верный друг’ и ‘нечистый изгой’. В.В. Колесов отмечает: «С одной стороны, собака олицетворяет добродетели человека: верность, бдительность, привязанность, искренность и послушание. С другой стороны, собака может обернуться *псом* и проявить злость (*собачиться*), жесткость, мстительность, похоть, т. е. звериные качества своего дикого предка волка» [Словарь русской ментальности 2014: 279].

2.1.2. Семантическая структура лексемы *собака* по данным толковых словарей

Из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [Словарь... 2002: 10] узнаём, что лексема *собака*, зафиксированная в письменных источниках этого периода, имела уже 6 лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ):

1) животное (*И псарь деи мои с собаками въ их д(е)р(е)вни гздыть полничяти* [АСВР II, 134. 1475 г.]);

2) родовое наименование для видов собак (*Собака борзая, тонная, гончая, задворная, постельная, промышленная* и под.);

3) бранное слово (*Владыко Леонидъ... встѣмъ священникомъ, и старостамъ, и десятицкимъ, и пятидесяцкимъ новгородцкимъ велѣлъ ризы с себя снимати, а говорилъ священникомъ: собаки, воры, измѣтники, да и встѣ навгородци с вами!* [Новг. II лет., 102. XVI в.]);

4) деревянное или металлическое основание, на котором крепилось орудие, станина (*Явил... из за свийского рубежа товару: меди плотовой... сабака медная, весу пуд 12 фунтов* [Рус.-швед. отн. II, 492. 1689 г]);

5) приспособление для перемещения тяжестей (*На патриаршѣ дворѣ подымали колокола на сабаки* [Заб. Мат. I, 934. 1653 г.]);

6) название бортового знака, схематически изображавшее собаку (*А знамя в том собака с хвостом* [Кн. п. Путивл., 132. 1628–1629 гг.]).

Кроме того, лексема *собака* уже в тот период приобретает негативную коннотацию «поведение как у собаки»: *И нападена неабѣсъ во время переноса, – учала кричать и вопить, собакою лаять и козою блекотать, и кокушкою коковать* [Ав. Ж., 79. 1673 г.].

Эти данные свидетельствуют об активном использовании в русском языке заимствованного слова (см. 2.1.1.) и формировании разветвленной системы его лексико-семантических вариантов (первые два ЛСВ отражают

прямые значения; остальные варианты появились в результате метафорического переноса).

Далее рассмотрим отражение семантических процессов в толковых словарях XIX, XX и XXI веков, чтобы установить, менялись ли в русской лингвокультуре представления о собаке.

Из словарей конца XVIII и XIX вв. мы выбрали три самых авторитетных: «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. (здесь и далее имеем в виду первые издания словарей), «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. и «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля 1863–1866 гг.

«Словарь Академии Российской» определяет слово *собака* как «животное, отличное от прочих домашних животных, к человеку привязанное, употребляемое для содержания в домах, для охоты». Кроме того, собачью самку словарь обозначает *сукой*, самца – *кобелем* [Словарь Академии Российской: 629].

«Словарь церковно-славянского и русского языка» толкует слово как «животное четвероногое, пес» и как «особого устройства рудокатная тележка» [Словарь церковно-славянского...: 167].

Словарь В.И. Даля, как известно, не является толковым словарем литературного языка. Его автор стремился показать живой русский язык во всем его многообразии, а потому в словарную статью слова *собака* включены все существующие на тот момент лексические значения, включая диалектные. Кроме прямых значений ('домашнее животное' и 'вид биологического рода'), В.И. Даль приводит породы собак (*водолаз, датская, меделянка, овчарка, дворняжка, шавка, бульдог, мордашка, моська, камчатская* и др.), названия по месту использования (*лесовая, зверовая, промышленная*), номинации помесей животных (помесь псовой и овчарки – *болван*, помесь собаки и волка – *волчек* и *волкопес*, лисы и собаки – *подлисок*), названия собак в соответствии с их полом и возрастом (*кобель*,

сука; собача, кутя, щеня, щенок). В рамках основного значения лексемы В.И. Даль приводит примеры народных представлений (примет) о собаке: *собака воеет книзу – к покойнику; собака валяется – к ненастью; собака траву ест – к дождю; когда собака перебежит дорогу, то беды нет, но и большого успеха не будет; чтоб собака не сбежала, вырвать из шеи клок шерсти* и др.

Интересно, что лексема *собака* употребляется для обозначения не только животного, но и растений: колючей, цепкой шишки репейника; лапуха, лапушника; цепкого семени, пристающего к одежде, и самих растений с таким семенем; капусты; петрушки, собачьей петрушки; ягод рябины и др. Слово *собака* используется для названия колючих растений из-за их острой формы и причинения неприятных ощущений (как зубы собаки при укусе). Колючие растения обычно имеют острые шипы или иглы, которые служат им защитой от хищников. Таким образом, в основе не прямых значений лежит метафорический перенос по сходству. Возможно, с этим же связано название рыбы определенного вида *морская собака*.

Согласно словарю В.И. Даля, слово *собака* обозначает и неодушевленные предметы, в частности инструменты и разного рода предметы и технические приспособления: *откусные клещи, острогубцы; закомлястую палку, кою гоняют сучку, шар в игре; кривую на конце дубинку, кою разбивают навоз в поле; род стопора, конец, служащий вместо гротагалса; чурбан, подкладываемый на дровнях под конец бревна, чтобы оно не ложилось на вязки; раздвоенный крюк на пильных мельницах, который захватывает и держит храповое колесо; дощечку с колесцом, приподымающую, при наступлении на подножку, ниченки; собачку ткацкого стана: ею, как рычагом, вращается задний навой; у каменщиков отсек кирпича, притесанный небольшой отломок; у плотников брусок,*

вставленный выступом, напр. под стреху; собачку мотка, влад. узелок, где привязан конец нитки.

В.И. Далем также зафиксированы дериваты слова *собака*: имена существительные с экспрессивно-оценочной коннотацией (*собачиха, собачина, собачка*); обозначения любителей собак (*собаковод, охотник*), а также мест содержания собак (*собачник, собачница, собачей, собачейка, собачня* ('псарня'); глаголы: *собачить* ('шалить, дурить, пакостить, портить что-то из шалости'), *собачиться* ('собачить, повесничать, браниться и ругаться, поносить друг друга'). Кроме того, в словаре содержится большое количество стереотипных единиц с лексемой *собака*, в которых также отражены представления о животном, сформировавшиеся в русской лингвокультуре (см. 2.2). Судя по материалам словаря В.И. Даля, к середине XIX в. слово *собака* стало значимой полисемантической единицей русского лексикона.

Приведем ЛСВ этого слова, зафиксированные нами в лексикографических источниках XVIII–XIX в.:

ЛСВ-1 'вид родового названия (собака, волк, лиса)'

ЛСВ-2 'животное, отличное от прочих домашних животных, к человеку привязанное, употребляемое для содержания в домах, для охоты'

ЛСВ-3 'злой человек'

ЛСВ-4 'ловкий в каком-либо деле человек'

ЛСВ-5 'колючая, цепкая шишка репейника или др. растения'

ЛСВ-6 'вид морской рыбы'

ЛСВ-7 'вид рудокатной тележки, тачки'

ЛСВ-8 'откусные клещи, острогубцы'

ЛСВ-9 'закомлястая палка для зацепления чего-либо'

ЛСВ-10 'род основания или стопора для удержания чего-либо'

ЛСВ-11 'рычаг для перемещения тяжестей или вращения чего-либо'

ЛСВ-12 'отсек кирпича, четвертка, притесанный небольшой отломок'

Как видно, кроме первых двух ЛСВ в прямом значении, остальные десять являются семемами с метафорическим переносом, причем часть из них касается реалий природного мира (растений, рыб), большая же часть относится к предметам и приспособлениям, используемым в хозяйственной и профессиональной деятельности человека (горном, морском, ткацком, плотницком деле).

Далее обратимся к толкованиям изучаемой лексемы в словарях XX в.: словарю под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940 гг.), словарю С.И. Ожегова (1949 г.), «Большому академическому словарю» – БАС (1950–1965 гг.), «Малому академическому словарю» – МАС (1957–1961 гг.), «Толковому словарю русского языка конца XX века» под ред. Г.Н. Складневской (1998 г.).

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова, первом словаре советской эпохи, лексема *собака* определяется как ‘род хищных млекопитающих’ (с пометой *зоол.*), ‘четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущ. для охраны имущества, на охоте для отыскивания и преследования зверя или птицы’. Кроме того, приводятся переносные бранные значения ‘хищник, насильник’ (рит. бран.: *Кровавая собака империализма*) и ‘негодяй, презренный человек, черт’ (простореч. бран.: *Ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу, Собаке собачья смерть*) [Словарь... Ушакова: 758].

Семантика, представленная в словаре под ред. Д.Н. Ушакова двумя ЛСВ (зоологический вид и домашнее животное), в словаре С.И. Ожегова толкуется через общую семему: ‘хищные млекопитающие семейства псовых’. Но при этом вводится еще один ЛСВ: ‘часть некоторых сочетаний’ (*Енотовидная с., Дикая с. динго*). Приводятся также два переносных значения: ‘характеристика злого, грубого человека’ с пометой *разг.* и

‘знаток, ловкий в каком-либо деле человек’ (*Хорошо поет, собака, заслушаешься!*) с пометой *прост.* [Ожегов: эл. ресурс].

В большом академическом толковом словаре приводится шесть ЛСВ лексемы *собака*: 1) домашнее животное; 2) хищное млекопитающее семейства собачьих; 3) о злом, жестоком, дурном и т.п. человеке; 4) о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке; 5) морская собака (рыба семейства кошачьих акул); 6) растение типа репейника (с пометой *обл.*) [БАС: 5–8]. Примечательно, что в словарь вошли некоторые ЛСВ, описанные В.И. Далем (связанные с наименованием рыб и видом растений). Недаром последний ЛСВ сопровождается пометой *обл.*

В малом академическом толковом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой основное значение лексемы *собака*, как и в словаре С.И. Ожегова, описано одним ЛСВ: ‘домашнее животное семейства псовых, родственное человеку, используемое для охраны, на охоте, в упряжке’. Как ЛСВ выступают коннотации, связанные с выражением положительных эмоций одобрения или восхищения кем-л. (*Учен, собака!*), а также бранные (*Он его пропьет, собака! Бить меня ты не имеешь права, собака паршивая*) [МАС: 497].

Отметим также, что в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской зафиксировано не упоминавшееся ранее значение – ‘знак зодиака’ [Толковый словарь русского языка конца XX века: 593].

Представим перечень ЛСВ слова *собака* по данным лексикографических источников XX в.:

ЛСВ-1 ‘хищное млекопитающее семейства псовых’

ЛСВ-2 ‘четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущ. для охраны имущества, на охоте для отыскивания и преследования зверя или птицы’

ЛСВ-3 ‘часть некоторых сочетаний’ (*Енотовидная с., Дикая с. динго*)

ЛСВ-4 ‘злой, жестокий, грубый, дурной и т.п. человек’

ЛСВ-5 ‘знаток, ловкий в каком-либо деле человек’

ЛСВ-6 ‘колючая, цепкая шишка репейника или др. растения’

ЛСВ-7 ‘вид морской рыбы’

ЛСВ-8 ‘знак зодиака’

Как видно из перечня ЛСВ, по сравнению с лексикографическими источниками XIX в., в словарях XX в. у лексемы *собака* оказалось на 4 семемы меньше, т. е. произошло сужение лексического значения слова. Однако при этом наблюдается и обратный семантический процесс – расширение лексического значения. Об этом свидетельствует появление еще одного прямого значения (‘часть некоторых сочетаний’: *Енотовидная с., Дикая с. динго*) и одного переносного (‘знак зодиака’).

Перейдем к описанию результатов анализа слова *собака* в словарях XXI в.: «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой, «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова, «Большом универсальном словаре русского языка» В.В. Морковкина и др., а также в «Викисловаре». Интересно, что в этих словарях зафиксировано расширение семантики слова.

Так, в толково-образовательном «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой находим два не отмеченных ранее ЛСВ: ‘Мех, шкура собаки’ и *разг.* ‘Изделия из меха, шкуры собаки’ [Новый словарь...: 650]. Аналогичную картину видим в «Большом универсальном словаре русского языка» В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой, Н.М. Луцкой [Морковкин и др.: эл. ресурс]. Правда, здесь отмечается только один из двух вариантов: ‘Мех этого животного’ (*Пальто с крашеной собакой на воротнике*). Вместе с тем в отношении знака зодиака внесены уточнения, а именно: кроме названия самого знака зодиака, вводятся новые значения: ‘С прописной буквы, употр. при слове *год*, зд. ед. Символ одиннадцатого года двенадцатилетнего цикла древнего

восточного календаря (*Родиться в год Собаки*) и разг. ‘С прописной буквы. Человек, к-рый родился в год, обозначенный таким символом, находится под его влиянием и обладает определенными, отличными от людей других знаков, свойствами (*По гороскопу он С. Считается, что С. обладает исключительной работоспособностью*)’ [там же].

Кроме того, в связи с появлением интернета возникает еще один символ эпохи, связанный с образом собаки: знак @ в электронном адресе (синоним *собачка*). Например: *Лена, продиктуй мне, пожалуйста, твой электронный адрес. – Записывай: ivolga – собака – mail.ru.*

Популярный сегодня «Викисловарь» также рассматривает лексему *собака* и отмечает ‘символику @ в интернет-сфере’ как один из ЛСВ данного слова. В силу особенностей этого электронного ресурса (доступность, активность использования и под.), в него входят также жаргонные и просторечные ЛСВ (напрашивается аналогия с нелитературным толковым словарем В.И. Даля): *техн. жарг.* ‘сторожевой таймер’ (таймер, автоматически перезагружающий микропроцессор, когда тот перестает работать), *сленг* ‘поезд пригородного сообщения, электропоезд’ (*На собаках летаешь в Москву*), ‘бутерброд с сосиской’ и ‘снотворная таблетка’ [Викисловарь: эл. ресурс].

По сравнению с предыдущими периодами развития русского языка произошли изменения и в определениях некоторых ЛСВ. Так, в семему ‘злой, жестокий человек’ внесена новая негативная характеристика: ‘человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л., служащий кому-л., чему-л.’. По-видимому, это связано с изменениями в системе ценностей современного человека.

Считаем важным также отметить уточнение, внесенное в основное значение слова *собака*: «‘Домашнее животное семейства волчьих, издающее характерные звуки – лай, к-рое содержится человеком в качестве преданного друга и используется для охраны, охоты и других

целей'» (Выделено нами – Ю.Ч.) [Большой универсальный словарь...: эл. ресурс]. Уточнение дефиниции отражает изменения в представлениях о собаке современных носителей русского языка, для которых, вероятно, утилитарные функции животного становятся менее значимыми.

Итак, перечень ЛСВ слова *собака*, зафиксированных нами в лексикографических источниках XXI в., выглядит следующим образом:

ЛСВ-1 'хищное млекопитающее семейства псовых, подвид волка'

ЛСВ-2 'домашнее животное семейства волчьих, издающее характерные звуки – лай, к-рое содержится человеком в качестве преданного друга и используется для охраны, охоты и других целей'

ЛСВ-3 'часть некоторых сочетаний' (*Енотовидная с., Дикая с. динго*)

ЛСВ-4 'злой, жестокий, грубый, дурной и т.п. человек; человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л., служащий кому-л., чему-л.'

ЛСВ-5 'знаток, ловкий в каком-либо деле человек'

ЛСВ-6 'мех, шкура собаки'

ЛСВ-7 'изделия из меха, шкуры собаки'

ЛСВ-8 'знак зодиака'

ЛСВ-9 'с прописной буквы, употр. при слове *год*, символ одиннадцатого года двенадцатилетнего цикла древнего восточного календаря'

ЛСВ-10 'с прописной буквы, человек, к-рый родился в год, обозначенный таким символом'

ЛСВ-11 'знак @ в электронном адресе, отделяющий название почтового ящика конкретного абонента от названия почтового сервера, к-рый обслуживает этот ящик'

ЛСВ-12 'сторожевой таймер в компьютере'

ЛСВ-13 'поезд пригородного сообщения, электропоезд'

ЛСВ-14 'бутерброд с сосиской'

ЛСВ-15 'снотворная таблетка'

Обобщим результаты анализа ЛСВ лексемы *собака* в толковых словарях трех временных периодов (см. табл. 1).

Таблица 1

**Лексико-семантические варианты слова *собака*
по данным толковых словарей русского языка**

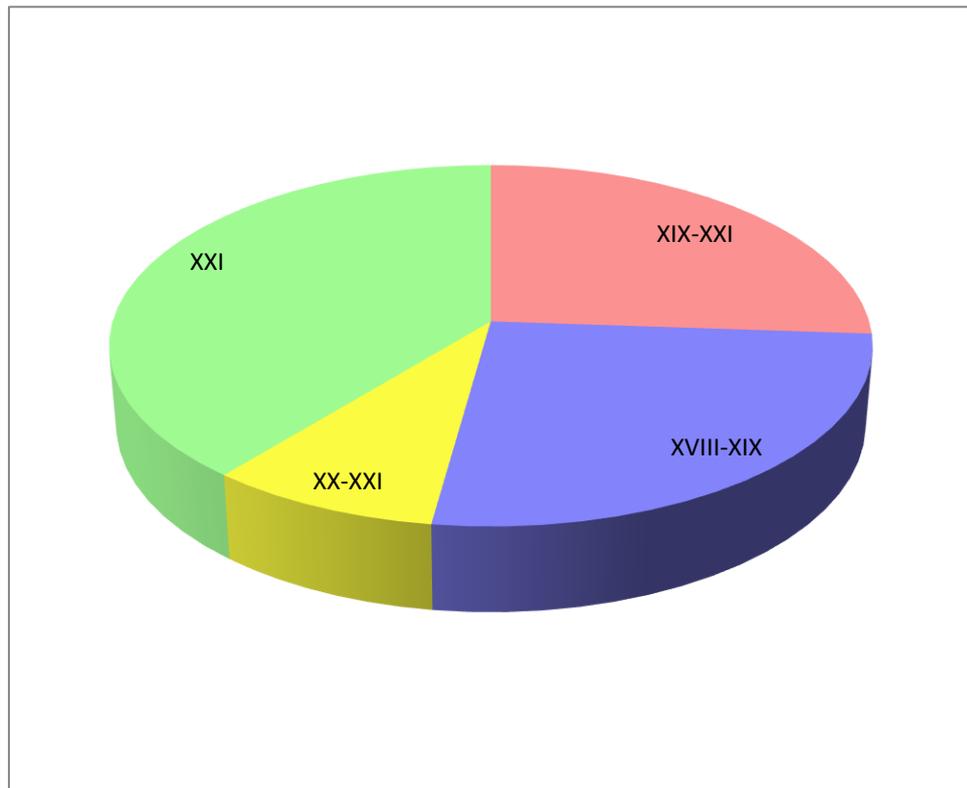
ЛСВ	XVIII–XIX вв.	XX в.	XXI в.
ЛСВ-1	‘вид родового названия (собака, волк, лиса)’	‘хищное млекопитающее семейства псовых’	‘хищное млекопитающее семейства псовых, подвид волка’
ЛСВ-2	‘домашнее животное для содержания в домах, для охоты’	‘домашнее животное, служащее человеку для охраны имущества, на охоте’	‘домашнее животное в качестве преданного друга и для охраны, охоты и других целей’
ЛСВ-3	‘злой человек’	‘злой, дурной человек’	‘злой человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л’
ЛСВ-4	‘ловкий человек’	‘ловкий человек’	‘ловкий человек’
ЛСВ-5	‘раст. типа репейника’	‘раст. типа репейника’	‘раст. типа репейника’
ЛСВ-6	‘вид морской рыбы’	‘вид морской рыбы’	‘вид морской рыбы’
ЛСВ-7	‘вид рудокатной тачки’		
ЛСВ-8	‘откусные клещи, острогубцы’		
ЛСВ-9	‘закомлястая палка для зацепления чего-либо’		
ЛСВ-10	‘род основания или стопора для удержания чего-либо’		
ЛСВ-11	‘рычаг для перемещения тяжестей или вращения чего-либо’		
ЛСВ-12	‘притесанный отломок кирпича, четвертка’		
ЛСВ-13		‘часть сочетаний’ (<i>Дикая с. динго</i> и др.)	‘часть сочетаний’ (<i>Дикая с. динго</i> и др.)
ЛСВ-14		‘знак зодиака’	‘знак зодиака’

ЛСВ-15			‘мех, шкура животного’
ЛСВ-16			‘изделия из меха, шкуры собаки’
ЛСВ-17			‘год Собаки’
ЛСВ-18			‘человек, к-рый родился в год, обозначенный таким символом’
ЛСВ-19			‘знак @ в электронном адресе’
ЛСВ-20			‘сторожевой таймер в компьютере’
ЛСВ-21			‘электропоезд пригородного сообщения’
ЛСВ-22			‘бутерброд с сосиской’
ЛСВ-23			‘снотворная таблетка’

Итак, нами зафиксировано 23 лексико-семантических варианта слова *собака*, при этом ЛСВ-1– ЛСВ-6 составляют ядро семантической структуры слова (**общие** значения для всех трех столетий); ЛСВ-7 – ЛСВ-12 – значения, зафиксированные в словарях XVIII–XIX вв., но затем **исчезнувшие**; ЛСВ-15 – ЛСВ-23 – **появившиеся** и зафиксированные в словарях XX–XXI вв.

Количественное соотношение лексико-семантических вариантов лексемы *собака*, включенных в толковые словари XVIII–XXI вв., показано на рис. 1.

Из диаграммы следует, что представления о собаке, зафиксированные в словарях, с течением времени менялись, причем семантические сдвиги происходили как в сторону сужения, так и в сторону расширения значения слова. Даже первые шесть ЛСВ, сохранившиеся до настоящего времени, отличаются объемом и содержанием дефиниций: в словарях не всегда акцентировалось внимание на зоологических характеристиках животного, указывались разные функции собаки и особенности ее взаимоотношений с человеком.

Рис. 1. Соотношение лексико-семантических вариантов лексемы *собака* по данным толковых словарей русского языка XVIII–XXI вв.

ЛСВ-1, ЛСВ-2, а также ЛСВ-13 – прямые значения лексемы *собака*. В качестве архисемы выступает понятие *животное*. Дифференциальными являются следующие семы: принадлежность к семейству псовых / собачьих, биологические характеристики (*четвероногое, лает*), функции (*охрана, охота*), связь с человеком (*прирученная, преданный друг*), вид рода (*собака динго* и др.).

Остальные ЛСВ представляют собой вторичные значения, появившиеся, во-первых, в результате **метафорического переноса** по:

- поведению: ЛСВ-3, ЛСВ-4;
- способности кусаться, зацепляться, удерживать зубами: ЛСВ-5, ЛСВ-8, ЛСВ-9–ЛСВ-12;
- внешнему сходству: ЛСВ-6, ЛСВ-14, ЛСВ-19, ЛСВ-22;

– способности быстро передвигаться: ЛСВ-7, ЛСВ-23, во-вторых, в результате **метонимического переноса** (ЛСВ-15 – ЛСВ-18).

Акцентируем внимание на некоторых новых ЛСВ, возникших в последние десятилетия.

ЛСВ-19 ‘символ @ в интернет-сфере’, *спец.* На данный момент не существует общепринятой версии, объясняющей связь данного знака с собакой. Одна из версий заключается в том, что на выпускавшихся в 1980-е годы алфавитно-цифровых мониторах компьютеров серии ДВК «хвостик» символа был коротким и напоминал собачий. Вторая версия происхождения «собачки» связана с компьютерной игрой 1979 г. «Adventure», где один из персонажей – пес – как раз обозначался символом @.

ЛСВ-21 ‘электропоезд’, *жарг.* Согласно первой версии, хиппи, любители автостопа, приблизительно в 70-е годы прошлого века придумали такое название для электричек. Название мотивировано тем, что электричка, подобно собаке, останавливается у каждого столба. Однако вероятно и то, что слово *собака* ассоциируется с передвижением на собачьих упряжках на севере (так же путешественники пересаживаются с одной электрички на другую).

ЛСВ-22 ‘бутерброд с сосиской’, *жарг.* Название *хот-дог* (‘горячая собака’) действительно имеет отношение к собакам. Этот ЛСВ образовался на основе метафорического переноса. В Германии тонкие и длинные сосиски назывались *Dachshundwurst* (‘колбаска-такса’) из-за сходства с вытянутым телом собак этой породы. Слово прижилось в США, где такие сосиски в середине XIX в. начали делать выходцы из Германии. Впоследствии название было упрощено, но в нем осталось слово *собака*.

ЛСВ-23 ‘снотворное’, *жарг.* Нам не удалось найти научно обоснованных объяснений переноса значения, однако можно предположить, что оно мотивировано семантикой фразеологизмов *устал как собака*, *дрыхнуть без задних ног* и др.

Анализ многозначной лексики *собака* позволяет заключить, что благодаря природным и приобретенным качествам собаки как референта соответствующего понятия в коллективном сознании носителей русского языка сформировался образ животного, закрепившийся в лексической базе русского языка. Судя по репрезентативному лексикографическому материалу, понятие *собака* получило особую значимость в русской лингвокультуре. Об этом свидетельствуют изменения в семантической структуре слова, появление прямых и переносных, в том числе символических, значений, отражающих не только утилитарные, но и духовные ценности русскоязычного сообщества.

2.1.3. Синтагматические и парадигматические связи лексики *собака*

Лексема *собака*, безусловно, входит в ядро лексической системы русского языка. Неслучайно это слово включено в состав 500 самых употребительных русских слов в лексических минимумах для изучающих русский язык как иностранный. Интернет-источники также подтверждают факт активного использования данного слова: «Частота употребления слова *собака* составляет 33924 раза на $\approx$ 300 млн. слов» [<https://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/>].

Дополнительную информацию о семантической структуре этого слова дает его сочетаемость с другими словами.

Так, в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина находим систематическое и достаточно полное описание сочетательных свойств лексики *собака* в ее основном прямом значении через ряды свободных сочетаний, в которые входит заголовочное слово (существительное, прилагательное, глагол):

Большая, маленькая, красивая, хорошая, умная, злая, породистая, дворовая, служебная, сторожевая, охотничья, комнатная, цепная, бешеная, бездомная, чужая... СОБАКА

СОБАКА-ищейка...

СОБАКА **кого:** о владельце (*соседа, друга, отца, Мухина...*); **чего:** о том, какая собака (*какой-л. породы, какой-л. масти, какой-л. окраски...*); **с чем:** о том, какая собака (*с какой-л. шерстью, с какими-л. ушами...*)

Голова, глаза, уши, нос, зубы, хвост, лапы, шерсть, кличка, лай, порода, след, будка, конура, хозяин, владелец, дрессировка, родословная...

СОБАКИ

Купить, держать, кормить, дрессировать, обучить чему-л., научить делать что-л., вести (на поводке), привязать, посадить на цепь, любить, гладить, натравливать на кого-л., бояться... СОБАКУ; приказать сделать что-л., дать что-л., кинуть что-л., бросить что-л. СОБАКЕ

Для СОБАКИ (*купить что-л., сделать что-л. ...*). На СОБАКАХ (*ездить ...*). От СОБАКИ (*бежать...*). С СОБАКОЙ (*гулять, идти, играть...*)

СОБАКА *лает, рычит, скулит, воеет, укусила кого-л., кусается, бросается на кого-л., охраняет кого-что-л., взяла (нашла, потеряла) след, напала на след...*[Словарь сочетаемости.: 524].

В «Словарь эпитетов русского языка» включены 114 оценочных единиц к слову *собака*, систематизированы имена прилагательные, характеризующие признаки собаки, и распределены на три тематические группы: **о внешнем виде, физическом состоянии, породистости собаки:** *беспородная, бесхвостая, бесшерстная, бешеная, больная, быстрая, быстроногая, вислобрюхая, вислоухая, выносливая, гладкая, гладкошерстная, голая, двужильная, длинномордая, длинноногая, жесткошерстная, здоровая, колченогая, коротконогая, красивая, купированная, куцая, ленивая, лопухая, лохматая, мягкошерстная, нездоровая, неугомонная, обезьянья, облезлая, остроухая, подвижная, породистая, породная, потомственная, прыгучая (разг.), пузатая, пушистая, резвая, сильная, слабая, слюнявая, сонная, толстая,*

толстогрудая, толстомордая, тонконогая, тупомордая, узкомордая, упитанная, усталая, широкогрудая; об условиях жизни, о содержании собаки: бездомная, беспризорная, блохастая, бродячая, брошенная, вонючая, голодная, городская, дворовая, деревенская, домашняя, заласканная, избалованная, комнатная, кинутая, ненасытная, обездоленная, обласканная, откормленная, паршивая, перекормленная, поганая, подброшенная, подкинута, помойная, потерявшаяся, приبلудная, сытая, трущобная, цепная, шелудивая; о повадках собаки, об ее обученности, способностях выполнять команды; о «характере», «интеллекте» собаки: агрессивная, бездарная, блудливая, верная, вороватая (разг.), вредная, восприимчивая, глупая, добрая, дрессированная, дружелюбная, злая, злобная, игривая, кусачая (разг.), ласковая, настороженная, натасканная, невосприимчивая, неподкупная, непослушная, нервная, обученная, понятливая, послушная, преданная, свободолюбивая, своенравная, смирная, смышленая, сообразительная, спокойная, строптивая, тупая, умная, ученая, хитрая, чуткая, шалая (разг.), шkodливая (прост.) [Словарь эпитетов...: 169].

Приведенный материал позволяет сделать вывод о способности лексемы *собака* сочетаться со словами других частей речи. Сочетаемость с существительными указывает на принадлежность животного кому-л. и внешние признаки собаки, сочетаемость с глаголами – на действия самой собаки, действия других животных по отношению к ней или действия человека. Лексема *собака* может определяться многочисленными прилагательными и причастиями, прежде всего описывающими внешний вид, характер, способности животного, а также условия его содержания.

Слово *собака* входит в парадигматические связи с многочисленными синонимами, количество которых, судя по результатам запроса в интернете, колеблется в разных источниках от 300 до почти 500. Для примера приведем ряд синонимов: *пес (псица), дворняжка, шавка, моська, щенок,*

пси́на, полкан, кабысдох, выжлец, барбос, четвероногий (помощник, друг), друг человека, хвостатый друг, свисток, бобик, жучка, сука, собачка, сосиска, собачара, собачонка, сучка, лайка, пустолайка, хот-дог, собачища, собаченька, собаченция, поводырь, тузик, ищейка, командор, легавая, шарик, дог, кобель, тьявка, электричка, шалава. Как видно, многие синонимы, извлеченные из интернета, носят не просто сниженный разговорный характер, а являются просторечными и жаргонными, т. е. находятся за пределами кодифицированного литературного языка.

В словарях же литературного русского языка синонимов намного меньше. Так, в словаре синонимов под ред. А.П. Евгеньевой приведено лишь три синонимичных слова, сопровождаемые примерами из художественной литературы: «*Собака, пес, пси́на* (разг.). Слово *пес* употр. преимущ. по отношению к большой собаке; *пси́на* употр. по отношению к большой собаке или же фамильярно-ласково, пренебрежительно и т.п. по отношению к любой собаке» [Словарь синонимов...: 450].

Понятие *собака* в русском языке представлено также перифразами *четвероногий (помощник, друг), друг человека, хвостатый друг.*

Обобщая вышесказанное, отметим, что широкая сочетаемость, наличие синонимов (как и наличие многих ЛСВ в прямом и переносном значениях) у слова *собака* связаны с экстралингвистическими причинами: одомашниванием животного и продолжительным его использованием в утилитарных целях, появлением и закреплением в коллективном сознании устойчивых представлений о собаке в процессе наблюдения за ней, формированием стереотипных ассоциаций, в том числе связанных с перенесением на человека тех или иных качеств животного и наоборот: перенесением качеств человека на животное. По словам Е.С. Яковлевой, «ассоциации, возникающие в процессе наблюдения за животными, являются одними из самых продуктивных» [Яковлева 2016: 76]. Чем больше животное было вовлечено в жизнь человека, тем чаще его образ

использовался для характеристики внешности или поступков людей. Как отмечает В.А. Степаненко, «появление большей части зоонимических метафор тесно связано с жизнедеятельностью людей и основано на своеобразной ассоциации по смежности: то, что имеет место в человеческом обществе, переносится на представителей животного мира» [Степаненко 1992: 117].

Далее рассмотрим словообразовательный потенциал слова *собака*.

2.1.4. Деривационное поле лексемы *собака*

Ссылаясь на диссертационное исследование на тему «Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексики)», можно утверждать, что словообразовательная активность зоонимов в русском языке довольно высока. Средний коэффициент их словообразовательного потенциала – 9.4, что, по данным А.Н. Тихонова, соответствует среднестатистическому коэффициенту 10 дериватов [Гэн Юаньюань 2018: 39]. Словообразовательный потенциал слова *собака* (33 деривата) более чем в три раза превысил средне-языковой.

Представим производные, мотивированные словом *собака*, с указанием их частеречной принадлежности (см. табл. 2).

Таблица 2

Частеречная принадлежность дериватов слова *собака*

Имена существительные (58 %)	Имена прилагательные (24 %)	Глаголы (12 %)	Наречия (6 %)
собаковед собаководение собаковод собаководство собакоголовые	собакин собаководческий собакоголовый собакообразный собачий	насобачиться особачиться собачить собачиться	по-собачьему по-собачьи

собачар собачата собачатник собачей собаченька собачонка собачонок собачина собачища собачка собачник собачница собачня собачьи (семейство собачьих)	собачкин собаченкин собачливый		
---	--------------------------------------	--	--

Как видим, среди 33 дериватов слова *собака* 19 (58 %) относится к разряду отзоонимных **существительных**. Сначала приведем однозначные лексемы:

собаковед – ‘специалист по изучению собак’;

собаководение – ‘наука о породах, методах разведения и использования собак; кинология’;

собаковод – ‘специалист по собаководству’;

собаководство – ‘отрасль животноводства, занимающаяся разведением собак; занятие разведением собак’ (*охотничье с., служебное с.*);

собачата, собачонок – ‘детеныши собаки, щенки’;

собачница – ‘любительница собак’;

собачей, собачар – устар. от *собачник-1*;

собачня – ‘помещение для содержания собак’;

собаченька – уменьш.-ласк. наименование собаки;

собачонка – уменьш.-уничижит. наименование собаки;

собачища – увел. наименование собаки;

собакоголовые – ‘легендарные существа, о жизни которых сохранились многочисленные письменные источники и даже изображения на иконах (люди с головами собак, песьеголовцы, кинокефалы)’.

В семантическую структуру четырех лексем входит несколько семем (от двух до пяти):

собачатник: ЛСВ-1 – ‘тот, кто занимается отловом собак’; ЛСВ-2 – ‘приют для собак’;

собачина: ЛСВ-1 – ‘мясо, шкура или мех собаки’; ЛСВ-2 – ‘запах собаки’;

собачка: ЛСВ-1 – уменьш.-ласк. наименование собаки; ЛСВ-2 – ‘спусковой механизм в огнестрельном оружии’; ЛСВ-3 – ‘приспособление в машинах, механизмах, препятствующее обратному движению зубчатого колеса’;

собачник: ЛСВ-1 – ‘любитель собак’; ЛСВ-2 – ‘тот, кто отлавливает собак’; ЛСВ-3 – ‘тот, кто занимается уходом за собаками’; ЛСВ-4 – ‘помещение для содержания собак’; ЛСВ-5 – ‘народное наименование цепляющихся растений’.

Среди дериватов-существительных отметим синонимичные: *собачник, собачей, собачар* (‘любитель собак’); *собачник* и *собачня* (‘помещение для содержания собак’); *собачник* и *собачатник* (‘тот, кто отлавливает собак’). Большинство дериватов имеют прямое значение, и лишь немногие – переносное: *собачина* – метонимический перенос; *собачка-2, собачка-3, собачник-5* – метафорический перенос. Обратим также внимание на субстантивированное прилагательное *pluralia tantum собачьи*, которое является термином зоологии (*семейство собачьих*).

В силу высокой продуктивности слова *собака* приведенный список образованных от него существительных вряд ли является исчерпанным. В

разговорной речи нередко можно услышать не зафиксированные словарями окказиональные образования типа *собаченция, собаня, сабуля, собяка* и др.

Далее рассмотрим производные **прилагательные**, составляющие 24 % от общего числа дериватов слова *собака*.

Очевидно, что самым частотным является многозначное прилагательное *собачий*: ЛСВ-1 – прил. к *собака* (*с. будка, с. лай, с. выставка*); ЛСВ-2 – ‘свойственный собаке; такой, как у собаки’ (*Разве вы не видите: его привязанность к вам **собачья**, вы его можете знать от себя, обижать, как вам угодно, – он все больше и больше будет любить вас. А. Островский*); ЛСВ-3 – перен., разг. ‘Очень тяжелый, невыносимый’ (*Не один Сема вел **собачью** жизнь. Бедность была кругом. Каронин-Петропавловский*); ЛСВ-4 – ‘составная часть некоторых бранных выражений’ (*Нечего сказать: добру наставил, **собачий** сын! А.С. Пушкин*); ЛСВ-5 – ‘составная часть некоторых ботанических названий’ (*с. лук, с. петрушка*).

Прил. *собаководческий* – ‘связанный, соотносящийся по значению с существительными *собаковод, собаководство*’.

Прилагательные *собакоголовый, собакообразный* (‘по виду похожий на собаку’) входят в зоологические специальные названия *собакоголовый удав, собакоголовые обезьяны, собакообразные обезьяны* (семейство узконосых обезьян: обезьяны-носачи, павианы, мартышки).

Остальные прилагательные имеют сниженный характер, например, *собачливый* – прост., фам.: ‘такой, который собачится, бранится’; *собакин, собачкин, собаченкин* – прост. синонимы к *собачий*. Часто они входят в состав окказиональных наименований коммерческих предприятий, например, зоомагазинов и др.: *Собакин-шоп, Собакин город, Собачкин дом, Собачкина жрачка* и др.

Глагольные дериваты *насобачиться, особачиться, собачить, собачиться* (12 %) передают оттенки значения ‘ругать, бранить’ и

сопровождаются пометами *груб. прост.*, т. е. имеют отрицательную коннотацию. Как видим, отрицательная коннотация, присущая одному из ЛСВ мотивирующего слова (в нашем случае слова *собака* с пометой *бранное*), передается его дериватам. Вследствие этого в несколько раз увеличивается объем зоонимической лексики с пейоративным значением. Интересно, что такое явление довольно распространено и наблюдается во многих языках. Так, немецкий исследователь S.C. Hsieh, сравнивший зооморфные метафоры в китайском и немецком языках, установил, что 66 % и 64 % соответственно в них составляют зооморфизмы с отрицательным значением [цит. по: Будаев, Тихонов 2016: 43]. Аналогичного мнения придерживается и А.П. Чудинов, утверждающий, что «большая часть зооморфных метафор, актуализированных в русском политическом дискурсе, также несет в себе негативные смыслы» [Чудинов 2001: 135]. Именно поэтому большинство вторичных значений зоонимов отмечены в словарях эмоционально-экспрессивными пометами.

Отзоонимные **наречия** *по-собачьему, по-собачьи* составляют 6 % от общего числа дериватов слова *собака*.

Наречие *по-собачьи* характеризует действие живого существа (*Но медведь медленно сел по-собачьи на задние лапы. Григоренко*); действие части тела человека или животного (*На одном рисунке свинья совершенно по-собачьи положила голову на колени кого-то из членов русской семьи, получая в ответ ласку, которую получила бы собака. Медяков*), а также действие неодушевленного предмета (*На ногах – расшлепанные ботинки без шнурков и с вываленными по-собачьи языками. Иванов*). Наречие *по-собачьему* синонимично первому, но сопровождается пометой *разг.*

Обратившись к словарю А.Н. Тихонова [Тихонов 2003], представим словообразовательное гнездо слова СОБАКА:

- собач-к-а
- собач-онк-а

наиболее употребительные суффиксы. В частности, суффиксы *-к-*, *-онк-*, *-еньк-*, *-онок-* придают производным существительным уменьшительно-ласкательную окраску; суффиксы *-ищ-*, *-ин-* подчеркивают большие размеры животного; суффикс прилагательного *-лив-* указывает на признак сходства с собакой; суффикс *-ий-* – на принадлежность собаке и т. д.

Производные глаголы образуются суффиксальным (*собач-и-ть*), постфиксальным (*собачить-ся*) и префиксальным (*на-собачиться*) способами. При этом глагольные дериваты могут иметь значение, не мотивированное значением производящего слова. Так, бесприставочный глагол *собачиться* имеет значение ‘ругаться, браниться, ссориться’, в то время как образованный от него префиксальным способом глагол *насобачиться* обозначает совершенно другое – ‘натренироваться, напрактиковаться, наловчиться, набраться опыта, набить руку’.

Среди дериватов мы видим и сложные слова, образованные как чистым сложением (*собак-о-образный*), так и сложно-суффиксальным способом с использованием нулевого суффикса (*собак-о-вод*, *собак-о-головый*). В образовании всех двухосновных производных слов принимает участие интерфикс *о*.

В заключение подчеркнем, что широкая деривационная сеть является показателем высокого ассоциативного потенциала слова *собака*. На наш взгляд, это подтверждает значимость образа собаки для русской языковой картины мира.

2.2. Представления о *собаке* по данным сборника пословиц и поговорок В.И. Даля²

Об актуальности слова *собака* в языке древнего периода российской истории свидетельствует большое количество паремиологических единиц, в состав которых оно входит. Анализ этих единиц позволяет выявить знания о животном на определенном историческом срезе, реконструировать целостный образ собаки с учетом национально-культурной специфики ее восприятия и оценки. По мнению В.В. Красных, знания и представления о феноменах действительности имеют лингвистическую и экстралингвистическую природу и относятся к феноменологическим когнитивным структурам, посредством которых осуществляется кодирование, хранение и передача информации [Красных 2003: 64].

Материалом исследования послужили 473 провербиальные единицы, отобранные методом направленной выборки из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа», который был завершен в 1853 г. и опубликован в 1862 г. [Даль 1994].

Поскольку В.И. Даль собирал абсолютно все функционирующие в речи провербиальные единицы, считаем важным оговорить следующие моменты: 1) в данном сборнике зафиксированы не только пословицы (как указано в заголовке), но и другие малые жанры русского фольклора (в терминологии самого собирателя – *загадки, приметы, суеверия, приговорки, прибаутки*); 2) степень распространенности тех или иных изречений собственно в «народе» может значительно варьироваться; 3) среди

---

² Содержание данного раздела отражено в следующих публикациях: Черемных Ю.А. Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 753–761 (в соавторстве с В.И. Шенкман); Черемных Ю.А. Семантический и лингвокультурологический аспекты понятия «собака» в русской паремиологии // Современный ученый. 2023. № 1. С. 53–58.

собранных пословиц встречаются заимствованные. Например, пословица *Живая собака лучше мертвого льва* (*Живой пес лучше мертвого льва*) обязана своим происхождением Библии и имеет соответствующие эквиваленты в других языках: *Canis vivus melior est leōne mortuo* (лат.); *Chien envie (chien vivant) vaut mieux que lion mort* (франц.); *Alive (living) dog is better than a dead lion* (англ.). Заимствованными являются и некоторые другие пословицы, хотя пометой, указывающей на происхождение, сопровождается только одна из них: *Знают его, что пеструю собаку* (переводная с немецкого).

Некоторые из рассматриваемых паремиологических единиц сохраняют актуальность до настоящего времени, входят в активный или пассивный запас современного носителя русского языка, например: *Маленька[я] собачка до старости щенок*; *Живут как собака с кошкой*; *Как псу (мерину) под хвост (без пользы)*. Другие паремии не являются сегодня широко употребительными, однако их смысл может быть реконструирован благодаря тому, что В.И. Даль использует тематический принцип составления сборника, а также благодаря прозрачной «внутренней форме» паремий. Например, поговорка *Попала собаке блоха на зуб*, помещенная в тематическую группу «ГОРЕ – БЕДА», иносказательно характеризует чье-либо опасное положение.

В соответствии с поставленными в диссертации задачами в данном разделе основное внимание уделяется не столько анализу содержания народных изречений и интерпретации их метафорического смысла, сколько тем многообразным народным представлениям о собаке, которые в давние времена послужили источником для формирования этих изречений. Так, в приведенном выше примере зафиксирован результат визуального наблюдения за собакой, ловящей блох, и, следовательно, представление о том, что собаки имеют блох. В других случаях на первом плане оказываются иные характерные детали. В результате анализа совокупности

типичных народных представлений, объективированных в поговорках, можно составить относительно целостный образ собаки, сформировавшийся в народном сознании. Как отмечалось выше, такой подход к изучению поговорок соответствует одному из направлений современной когнитивной лингвистики.

Лексико-семантический и количественный анализ собранных В.И. Далью поговорок показывает следующее.

1. Большая часть поговорок содержит лексему *собака* (334), которая выступает гиперонимом к синонимическому ряду, не имеет коннотаций и является нейтральной по стилистической окраске. Менее распространенные номинации: *пес* (46), *собачка* (17), *кобель* (10), *щенок / щенки* (7), *щеня / щенята* (6), *борзая / борзые / борзой кобель / борзые собаки* (5), *сука* (4), *жучка* (2), *Боска* (1) [в поговорке: *Боску съели. Боска, Боска, на тебе костку* (кликча собаки)], *волкодав* (1), *выжлец* [ищейная, гончая собака] (1), *дворняжка* (1), *кобелиха* (1), *людоед* [полагаем, что в поговорке *Волкодав – прав; а людоед – нет* слово *людоед* также относится к собаке] (1), *пудель* (1), *сучка* (1), *хорт* [борзая собака, ловчая, для травли] (1) [Даль: эл. ресурс].

На основании приведенных номинаций можно сделать вывод, что для традиционного народного сознания в целом не характерна детализация представлений о собаках по породам, полу, возрасту, другим отличительным признакам, поскольку в большинстве случаев используется нейтральная номинация. В то же время в статье «СОБАКА» в своем толковом словаре В.И. Даль приводит обширный перечень пород (см. примеры в разделе 2.1.2 настоящей диссертации).

2. В ряде поговорок использованы производные образования: *собачий* (21), *песий* (5) [в том числе *песья трава* – народное название растения *Dactylis glomerata*], *псовый* (3), *псиный* (1); *псина* [о запахе] (4),

псарня (1); *сукин сын* (2) [см., например: *Ей щенка, вишь, да чтоб не сукин сын* в разделе «Причуда»], *псарный охотник* (1).

3. В отдельных паремиях слова *собака* и *пес* употреблены в качестве зоосемизмов, т. е. в переносном оценочном значении для негативной характеристики человека. Например: *Лучше бы у собаки татарина жена померла, чем у меня (у него две)* [в значении ‘иноверец’]; *Званный – гость, а незванный – пес (не черт его нес)* [ср.: *Незванный гость хуже татарина*]; *Не для зятя-собаки, для милого дитяти (гов. тесть)* [в значении плохой человек].

4. Репрезентация собаки может происходить не только посредством прямой номинации, но и упоминанием характерных признаков животного (повадок, действий, издаваемых звуков, собачьих аксессуаров и др.): *Хвостом вертит, а за руки хватает; Руки лижет, а зубы на оскале; Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй (а то заедят); Молчан исподтишка хватает; Один рычит да лает, другая мурлычет да фыркает; Пеньковый бы на тя ошейник.*

Далее обратимся к аспектам описания собаки в русской паремиологии. В соответствии с рекомендацией З.Д. Поповой и И.А. Стернина максимально подробно инвентаризировать паремии, «насколько это позволяют имеющиеся источники» [Попова, Стернин 2007: 128], представим детализированный анализ следующих аспектов описания собаки в русских фольклорных текстах малого жанра: 1) собака как домашнее животное, 2) собака и человек, 3) собака и другие виды животных.

Наиболее полно **собака как домашнее животное** показана через ее внешний облик и поведенческие особенности.

Что касается внешнего облика собаки, в пословицах часто упоминается **шерсть**: *Каждая собака в своей шерсти ходит; По шерсти собачке кличка дана; В одной шерсти и собака не проживет; С лихой*

собаки хоть шерсти клок; Пес космат, ему тепло, а мужик богат, ему ж добро; У него шубка дом стережет (т. е. сторожковая, собачья); На собаках шерсть бьет (т. е. баклуши бьет); Чтоб собака не сбежала, вырвать из шеи клок шерсти и др.

Характерный признак собаки – наличие у нее **блох**, которых она тщательно ищет: *И от доброй собаки блох наберешься; Из собаки блох не выколотишь (не выбьешь); С собакой ляжешь – с блохами встанешь; Ищи, как собака блох ищет (т. е. перебирай по шерстинке); Собака и в собольей шубе блох ищет.*

Обращает на себя внимание, что в сборнике В.И. Даля доминируют собаки **черного** окраса: *Черного кобеля не вымоешь (не домоешься) добела; Пошел черных кобелей набело перемывать; Черная собачка весь двор стережет (замок); Два свояка, между их черная собака (чело, труба, дым); Черненька собачка вкруг да вкруг (сковорода); Черная собака, черная кошка и черный петух в доме спасают от грозы и от вора (и наоборот, они опасны во время грозы. Нижегородская губерния). Собаки других окрасов упоминаются в единичных случаях: Черная собака, белая собака, а все один пес; Его все знают, как меченый грош (как щербатую деньгу, как рябую собаку, как попову собаку).*

Из частей тела собаки особо выделяется **хвост**, по которому судят о ее состоянии: *У собаки думка в хвосте, у лошади в ушах; Пришить хвост, так настоящий пес; Отсеки собаке хвост – не будет овца.* Основные действия, которые собака совершает хвостом, – крутит им (выражает радость) или поджимает его (выражает страх): *Крутит, как пес хвостом; Кабы ему песий хвост, так сам бы себе бока настегал; Четыре четыреки, две растопырки, седьмой вертун (собака); И куслива собака, да хвост поджимает.* Не случайно хвост фигурирует и в полном варианте известной идиомы: *Собаку съел, только хвостом подавился* (несколько версий

происхождения этого выражения приводит Т.В. Леонтьева [Леонтьева 2017]).

В большом количестве паремий нашли отражение **звуки**, издаваемые собаками. Прежде всего, собака по поводу и без повода лает: *Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать* [т. е. много болтает, больше, чем собака лает]; *Такая красава, что в окно глянет – конь прянет; на двор выйдет – три дня собаки лают; Маленькая собачка лает – от большой слышит; Сучка гав, и щенята гав*. Реже встречаются упоминания о том, что собака воет: *Подушку под собой перевернуть – собака выть перестанет; Бездетный умрет, и собака не возьмет (не взвоят)* (см. также примеры ниже); еще реже – рычит: *Собака и хлеба не съест, не порычав*.

Лай собаки обыгрывается в ряде загадок (в основе загадок, как правило, лежат какие-либо яркие признаки объекта, которые переносятся на загадываемый объект-денотат), в частности: 1) об инструменте для обработки льна (мялице): *С году на год собаки лают; Без черев собачка: вяк, вяк; Вяк, вяк, старая собачка без кишок*; 2) о детали мельничного жернова (порхлице): *Затопали кони в Кириловском поле, залаяла собачка на Муромском, заревел медведь на Ивановском (Романовском) (кони – мельничные песты; собачка – порхлица; медведь – жернов)*.

Лай собаки на чужих людей упоминается в двух малых жанрах: 1) в приметах (как известно, в приметах отражаются наблюдения за регулярно повторяющимися связями между двумя явлениями), например: *Куда взлаяла собака, оттуда гости; Собака во сне лает (взлаивает) – к гостям*; 2) в гаданиях (на жениха), например: *Полю, полю снежок, где мой женишок, там собака взлай; Ходят подслушивать на перекресток: где шум, лай; Откуда в кутью (или: в авсень) лай собаки, оттуда и свахи будут; Гавкни, гавкни, собачка, где мой суженый (гадают девки о святках, стуча ложкою в ворота)*.

Нередко собака лает впустую (брешет), при этом на ее лай никто не обращает внимания, например: *Собака лает, ветер относит (носит); Собака лает, а бары едут; Вольно псу и на владыку брехать; Вольно собаке и на небо лаять (на месяц, на владыку); Всю ночь собака на месяц пролаяла, а месяц того и не знает; Собаке и на свой хвост вольно брехать; Дикая (Блажнѣя) собака и на небо лает.* С лаем брехливой пустолайки сравниваются сплетни, пересуды, которые в народе подвергаются осуждению: *Нечего баить, что собаки лают; Об этом уже и собаки не лают.*

Как свидетельствует народная мудрость, собака, которая лает, не представляет такой опасности, как собака, которая не лает: *Не всяка собака кусает, котора лает; Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; Молчан-собака да тихий омут (опасны).* Если собака не лает попусту, она хороший сторож (*Добрый пес на ветер не лает*), если вообще не лает, – плохой (*Молчан-собака не слуга во дворе*).

Молчаливая собака в коллективном русском сознании ассоциируется с коварством и подлостью, поскольку может напасть на человека неожиданно: *Не той собаки бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает; Молчан-собака исподтишка кусает; Молчан-собака из-под подворотни хватает; Не говоря худого слова, да хватъ (о кусливой собаке, о драчуне).*

В паремиях отмечается и такая характерная особенность собаки, как острый *нюх*, объективированная посредством метонимического переноса *собачий нос*. Однако количественные данные показывают, что этот признак не акцентируется в традиционных представлениях о собаке, поскольку В.И. Даль приводит лишь четыре таких пословицы: *Не собачий нос – не услышишь; Эко чутье: этот нос собакой натерт; То-то собачий нос: лишь чару на поднос, а его лукавый и принес; Хоть дворянский нос, да песьего не сто́ит (по чутью).*

Малые фольклорные тексты повествуют о неприятном *запахе* собачьей шкуры (*воняет, несет*), причем, что любопытно, эта информация содержится в паремиях о других животных – козлах, см.: *Сер козел, сед козел, а все псиной несет; От козла псиной несет, а кислятиной от скорняка; Козла выжили, а все псиной воняет*. Попутно отметим, что, по мнению современных кинологов, причиной плохого запаха от собаки может быть грязная или мокрая шерсть, физиологические нарушения, наличие инфекций и др. [Чем мыть собаку...: эл. ресурс].

В пословицах и поговорках упоминаются *пищевые привычки* собак. Однако чаще всего собака представлена либо голодной: *Без ужина спать – собачья статъ; Легко псу, да несытно (или: да неужжно); Уужжно псу, да неуждно (неуждчиво)*; либо ненасытной, жадной до еды: *Сколько собаке ни хватать, а сытой не бывать; Собака обжора, а кошка сластена; На собаку мяса не напасешься; Надолго собаке блин (только раз глотнуть); Захотели от кошки лепешки, а от собаки блинов (она раствором вылакает)*; либо ценящей еду больше всего: *Брось псу кусок, так не лает; И пес перед хлебом смиряется*.

Судя по насмешливо-иронической тональности речений, вкусная и сытная еда часто оказывается для собаки недоступным предметом вожделения: *Купила бы собака печень, да купить нечем; Нездоров собаке жареный гусь; Видит собака молоко, да в кувшине глубоко; Заглядывает, как собака в кувшин; Не сули собаке пирога, а кинь краюху!* Обычно ей приходится довольствоваться объедками, остатками или случайно оброненной пищей: *Прочапил (пролил), так собаке корысть; У нашей хозяйюшки все в работе: и собаки посуду моют [вылизывают остатки еды]; Дана кость (дан собаке мосол): хоть ешь, гложи, хоть вперед положи; Дан собаке мосол: хоть ешь, хоть брось, хоть вперед положь; Только кости на собак покидайте, дорогие гости: а опричь того, чтобы все чисто было; Ешьте, дорогие гости: все одно будет (т. е. надо) собакам выкинуть;*

Вытряхни крошки из кармана да помани собаку, чтоб мосол покинула. Наблюдения над собакой, которая гложет кости, легли в основу нескольких загадок о горшке, например: *Молод был, людей кормил; стар стал, пеленаться стал; умер, мои кости негодящие бросили в ямку, и собаки не едят (горшок).*

Голодная, непритязательная в еде собака, готовая съесть все, кроме *голой кости* и *редьки* (*Голой кости и собака не гложет; Люблю, что собака редьку*), в русских поговорках предстает символом крайней бедности: *У него в доме нечем собаки заманить; Заживно живет: и голодной собаки выманить нечем; С голодьябы и собака со двора сбежит.* Собака не ест лишь возле постели умирающего, словно чуя приближение смерти, см. примету: *Коли собака крох не ест подле больного, то он скоро умрет.*

Интересно, что, по народному поверью, в собаку был превращен человек за смертный грех чревоугодия, поэтому в одной из пословиц битье собаки осуждается: *Не бей собаки, и она была человеком (обращена во пса за прожорливость).*

Описание пищевого поведения собаки сопровождается упоминанием ее *нечистоплотности* и *всеядности*: *Не поваляв куска, собака не съест; Не съест собака не потаскавши, а кошка не поворчавши; На пададь и собака бежит.* По мнению наших предков, собака (как и кошка) – поганое животное: *Кто от собаки (после собаки) ест, у того горло распухнет; Тем море не погано, что псы налакали* [т. е. псы не могут испоганить море, потому что оно слишком большое]; *У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собаки рыло погано, а шерсть чиста; Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку – наоборот.* Как видим, в двух последних примерах выражены прямо противоположные оценки кошки и собаки.

Помимо нечистоплотности, собака наделяется и другой отрицательной чертой – *жадностью*, о чем свидетельствуют пословицы, размещенные В.И. Далем в соответствующем разделе сборника: *Захотел от*

кошки лепешки, от собаки блина; Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает; Не вылакает собака реки, так всю ночь стоит над рекой да лает; Собака и в море локчет [лакает], да не все же выпьет.

Судя по материалу, наблюдения наших предков за поведением животного привели их к выводу, что собака большую часть времени проводит в **праздности**: лежит, вертится, бесцельно бегает, ловит мух или блох, гоняется за своим хвостом и т. п.: *Как собака мух ловит; Как ни вертись собака, а хвост позади; Нечего делать псу, так хоть под хвостом да лижет; Спит собака, а во сне и хвостом вертит и влаивает; Не с работы тощает, а от жиру бесится (собака); Собака собаку в гости звала. – Нет, нельзя, недосуг. – А что? – Да завтра хозяин за сеном едет, так надо вперед забегать да лаять.* Типичные **позы** собаки легли в основу загадок, например: *В избе пирогом, а на дворе калачом (собака); Черненька собачка свернувшись лежит: не лает, не кусает, а в дом не пускает (замок).*

Негативный образ собаки дополняется ее **агрессивностью**, особенно свойственной цепным псам: *Куслив был пес, да на цепь попал; Правда что цепная собака (прибавка: на кого спустят, в того и вцепится); Не из корысти собака кусает, из лихости; В крутом буераке лютые (злые) собаки (улей); Под ярустом, ярустом капуста бела, вода дорога, собаки злые (мед и пчелы).* Не случайно в одном из проклятий упоминается собачий ошейник как метафора виселицы: *Пеньковый бы на тя ошейник.*

По народным представлениям, собаке свойственна затаенная **злоба**, **злопамятность**, которая в традиционной картине мира отождествляется с неискренностью, продажностью и коварством: *Руки лижет, а зубы на оскале; Хвостом вертит, а за руки хватает; По бороде апостол, а по зубам собака; За собакой палка не пропадет (т.е. припомнит).* Собаке нельзя доверять, потому что в любой момент она может наброситься на человека: *Собаку мани, а палку держи!;левой рукой мосол кажи, в правой*

руке плоть держи!; Ближняя собака скорее укусит; Бешена собака и все смирна бывает (на вид).

В русских поговорках собаке также приписывается *глупость*: *Он в щенках заморен (т.е. смолоду глуп); Ус соминый, да разум псиный; Бешена собака и хозяина кусает* [пословица помещена В.И. Далем в раздел «УМ – ГЛУПОСТЬ»]. Эта оценка представлена и в пословицах о собаках-пустолайках (см. примеры выше). Заметим, что наши наблюдения не совпадают с выводом Н.И. Маругиной, по мнению которой «положительную коннотативную окраску в русской культуре содержат те пословицы, в которых образ собаки служит обозначением мудрости, большого ума, опыта, зрелости. К примеру: *Старую собаку не волком звать; Старую собаку не батькой звать; Попову собаку не батькой звать* <...> Долгая жизнь собаки, полная лишений и неустроенности, приводит к приобретению с годами мудрости, ума» [Маругина 2009: 28]. Вряд ли с этим мнением можно согласиться. Мы поддерживаем точку зрения современника В.И. Даля этнографа С.В. Максимова, написавшего первую энциклопедическую статью о знаменитом лексикографе и лично знакомого с ним. Важно, что в толкованиях пословиц С.В. Максимов опирается на комментарий самого В.И. Даля. Чтобы не исказить содержание комментария вышеупомянутых пословиц, приведем развернутую цитату: «“Старую собаку не волком звать” – за то, что она устарела, негодна более, не считать ее за волка, не обходиться, как с врагом <...> “Старую собаку не батькой звать” – не отцом: ответ на требование уважать старика не по заслугам: стар пес, да не отцом же его за это почитать. “Попову собаку не батькой звать”: ответ на требование уважения к людям случайным. Что ни толкуй об уважении к батьке, к попу, да пес его – не батька» [Максимов: эл. ресурс]. Дополнительным аргументом в защиту этого толкования является то, что сам В.И. Даль включил приведенные пословицы не в раздел «УМ – ГЛУПОСТЬ», а в разделы «МОЛОДОСТЬ – СТАРОСТЬ» и «ЧЕСТЬ –

ПОЧЕТ». К сказанному можно добавить, что в семантическую структуру зоометафоры *собака*, употребляемой в современной речи в качестве вербальной инвективы, также включена сема 'глупость' (см. об этом: [Звездина, Новоселова 2017]).

Содержание большей части паремий, в которых упоминается собака, объясняет мотивировку идиоматического выражения *собачья жизнь* ('тяжелая жизнь'), закономерным итогом которой является «собачья» же смерть. Эта диада получает метафорическое выражение в таких пословицах, как: *Житье – хуже поповой собаки; Богат, как Крез, а живет, как пес; Жил собакой, окошел псом; Собаке – собачья (и) смерть; Смерть без покаяния – собачья смерть.*

Судя по исследованному материалу, коллективное сознание характеризуется целостностью. Об этом, в частности, свидетельствуют религиозные, метафизические представления древних фольклороносителей, вплетающиеся в их представления о собаке, например: *Скоромничают* [не соблюдают пост] *бары да собаки; Кто нюхает табаки, тот брат собаке; Кто нюхает (или: курит) табак, тот хуже собак* [грех]; *Расползлись, как слепые щенята от матери (о раскольниках)* [отступление от веры]; *Черт (пес) ли нес на худой на мост; Будь хоть пес (хоть черт), лишь бы яйца нес* [отождествление собаки и черта].

Из полезных для человека качеств собаки отмечается ее способность предсказывать погоду, о чем свидетельствуют следующие приметы, помещенные В.И. Далем в разделе «ЗЕМЛЕДЕЛИЕ»: *Собака катается – к дождю и снегу; Собака по снегу валяется – ко вьюге; Собака валяется – к ненастью; Собака мало ест, много спит – к ненастью; Собака траву ест – к дождю.*

Как видим, в паремиях первой группы создается в целом малопривлекательный, хотя и не полностью отрицательный образ собаки,

отражающий представления о животном, сформировавшиеся в коллективном русском сознании.

Далее рассмотрим пословицы, поговорки и другие фольклорные тексты малых жанров, содержащие информацию о том, как в традиционной народной культуре репрезентируются **взаимоотношения человека и собаки**.

Сразу отметим, что современное восприятие собаки как «друга человека» встречается в пословицах весьма редко, см.: *Собака друг, а лошадь враг; Собака человеку неизменный друг*. В основном отмечается подчиненное положение собаки по отношению к человеку, для которого она является утилитарным атрибутом – сторожем и слугой: *При верном псе и сторож спит; Стар пес, да верно служит; Собака умней бабы: на хозяина не лает* (о брани). Вместе с тем отношение к собаке определяется отношением к ее хозяину: *По хозяину и собаке честь; Не дразни собаки, и хозяин не ощерится; Ружья, жены и собаки на подержание не дают; Кто гостю рад, тот и собачку его кормит; Буде меня любишь, так и собаку мою не бей (люби)*. Пословицы, аналогичные последней, есть и в других языках, например в английском (*Love me, love my dog*) и французском (*Qui t'aime, aime ton chien*). По одной из версий, корни таких пословиц уходят в античность, о чем свидетельствует латинская пословица *Qui te amat, amat et canem tuum* [McLeod: эл. ресурс].

Судя по пословицам, типичные функции собаки – охранять дом и принимать участие в охоте. По-видимому, фольклорноносители не имели опыта взаимодействия с декоративными или пастушьими собаками (ср., например, упоминание шпица в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: *Ваш шпиц, прелестный шпиц; не более наперстка; я гладил все его; как шелковая шерстка!*). Что касается служебных собак, то, как отмечалось ранее, в России активное развитие служебного собаководства началось лишь во второй половине XIX в. [Иванов и др. 2018: 227].

Образ собаки-охранника ярко представлен в загадках, например: *Четверо стелют, двое светят, один лежит, никого не пустит (собака); Молчан-собака весь дом стережет (замок); Маленька собачка (маленький, пузатенький) весь дом бережет (замок).* Что касается охоты, обращает на себя внимание зафиксированная в паремиях социальная стратификация общества, осмысляемая простым человеком. Об этом свидетельствуют изречения, из которых следует, что породистые собаки и псарни принадлежат барину, см.: *Рубль бежит, сто догоняет, а как пятьсот споткнется, неоцененный убьется (о псовой охоте: заяц, собака, лошадь и барин; малороссийск.); Первый праздник псарных охотников: выезд в отъезжее поле; Погулял, как собака на своре; Без индейского петуха, без борзого кобеля – не помещик; Первые щенята (борзые) царские, вторые барские, третьи псарские; Либо дупеля, либо пуделя.* Весьма показательно, что «социальное расслоение» распространяется и на животных: *Барскому псу и мосол не мосол.*

Судя по материалу, в фольклорный образ собаки включены народные представления о ее верности и признательности хозяину за доброту и заботу: *И собака помнит, кто ее кормит; И собака старое добро помнит; И собака на того не лает, чей хлеб ест; И собака того знает, чей кус ест; И собака ласково слово знает (старое добро помнит); И собаку ласково примолвишь, так хвостом вертит (так не скоро укусит).* Вместе с тем усилительная частица *и* в приведенных примерах (*и собака*) выражает снисходительное и даже пренебрежительное отношение народа как коллективного создателя фольклора к этому животному. Аналогичную оценку демонстрируют и другие пословицы с частицей *и*: *У суки щеня, и то дитя; Слепой щенок и тот к матери ползет; На чужбине и собака тоскует; Своя сторонюшка и собаке мила; И собака свою сторону знает.*

По всей видимости, собака не занимала высокого места в иерархии ценностей наших предков. Это подтверждают пословицы и поговорки, в

которых собаке уподобляются люди, занимающие самое низкое социальное положение (дворня, бурлаки, солдаты): *Мужичья кость собачьим мясом обросла (о дворне); Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака; Цыц, собака, не съешь солдата: солдат сам собака.*

Отметим также фиксацию в поговорках жестокого обращения с животным: хозяин бьет собаку в целях наказания и «воспитания» (*Битый пес догадлив стал; Битому псу только плеть покажи*); прохожий – для защиты (*Одним камнем двух собак разогнал*); любой человек – от безделья (*Кнуты вьет да собак бьет [рубрика «РАБОТА – ПРАЗДНОСТЬ»]; Надо б пообедать. – Так хлеба нет! – А кнут есть? – Есть. – Пойдем собак гонять!*). О том, что собака была обречена на битые, свидетельствуют и другие примеры: *Была бы собака, а камень (а палка) найдется; Коли быть собаке битой, найдется и палка; Полюбил его, как собака палку; Ждет, что пьяница сткляницу, что собака палицу.*

Кроме того, собаку наказывают за вой: *Взвыла собака на свою голову; Взвой собака на свою голову (если кто дурное скажет)*. Нетерпимое отношение к вою собаки объясняется суеверными народными представлениями, сохранившимися в следующих приметах: *Ночной собачий лай – к покойнику; Собачий вой – на вечный покой; Собака воеет книзу (к земле) – к покойнику; кверху – к пожару.*

Вместе с тем можно говорить о типичной для фольклора амбивалентности представлений о явлениях действительности. Применительно к предмету нашего анализа это выражается, во-первых, в проявлении жалости человека к собаке как бесправному, забитому существу, см.: *Приведи бог и собачке свою конуру! Смирную собаку и кочет бьет; Курица-иноходица пса излягала*; во-вторых, в попытке объяснить причины агрессивного поведения животного, см.: *Не дразни собаки, и лаять (или: кусать) не станет; Не замахивайся палкой, и собака не залает; Не тычь в подворотню, и собаки не залают.*

Как видим, в русской паремиологии, собранной В.И. Далем, репрезентированы отнюдь не дружеские взаимоотношения человека и собаки, участь которой представлена как весьма жалкая.

В провербиальных текстах получили выражение два типа **отношений собак с животными**: 1) одновидовое взаимодействие (собака – собака) и 2) межвидовое взаимодействие (собака – не собака).

В паремиях первого типа показана значимость для собачьей стаи дихотомии свой – чужой, см.: *Свои собаки грызутся, чужая не приставай!*; *Свои собаки грызутся, чужая не суйся!*; *Свои собаки гложись, а чужие не вяжись!*; *Не мешайся деревенская собака промеж городских!*; *Чужой собаке на селе житья нет; Лихи зарецкие собаки, а наша одна от семерых отъелась.* Судя по материалу, для этих животных характерно специфическое чувство собачьего «родства», проявляющееся в настороженности по отношению друг к другу: *Собака собаку знает (или: не ест); И собака к собаке не подойдет, не обнюхав ее; Собака собаку с хвоста обнюхивает. Даже в рамках одной стаи собаки настроены друг к другу весьма враждебно: Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй (а то заедят); Две собаки дерутся (грызутся), третья не суйся!*; *Зев за зев грызться (как собаки, став на дыбы).*

Не случайно в целом ряде пословиц негативные отношения собак в стае метафорически переносятся на отношения между свойственниками (людьми, не связанными узами кровного родства, породнившимися через брак): *Свекровь [мать мужа] на печи, что собака на цепи; Деверья [братья мужа] впереди что борзые кобели; Не зять [муж дочери] бы был, не чертом бы (не собакой) и слыл; И добрый сват – собаке брат [сват – родитель одного из супругов по отношению к родителям другого супруга].* Упоминание собак в таких контекстах свидетельствует о неприязненных отношениях между членами породнившихся семей: *Два свояка, а промеж их собака [свояк – муж сестры жены]; Свояки до дележа братья; Свояк*

свояку подарил мертвую собаку; что ж, свояк, собака твоя не лает? – Оттого, свояк, что тебя крепко знает.

Показательно, что в русском традиционном сознании собака символизирует не только дальнего родственника, но и одного из супругов. В разделе «МУЖ – ЖЕНА» В.И. Даль приводит целый ряд подобных пословиц, см.: *Уж лаяла бы собака чужая, а не своя; Грызи меня собака, да не своя!; Ешь меня собака, да неведомая!; Нет досадней, как своя же дворняжка на тебя лает; Своя собака лайся, чужая не впрядывай!*

В отношении **межвидового** сопоставления собака, как правило, сравнивается с кошкой и волком, в единичных случаях – с другими животными, см.: *Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет (почему и не берут с собою кошки в дорогу); К собаке сзади подходи, к лошади спереди!; Полазчив пес, да и лиса хитра; Собака лает, соловей молчит.*

Противопоставление собаки кошке и волку является отражением древних славянских традиций: кошка с собакой как пара домашних животных образуют символическую параллель паре диких зверей – медведю и волку, причем кошка соотносится с медведем, а собака – с волком [Гура 2019: 340]. Символический смысл этого противопоставления сводится к следующему. Собака устойчивыми ассоциациями связана с мужчиной, поскольку она находится в традиционно «мужском» локусе (во дворе, на дороге, в поле), например: *Собака перед домом катается (валяется) – гости будут; В такую пору добрый хозяин и собаку не выгонит за ворота; Привыкла собака за возом бежать, бежит и за саньми; Без собаки зайца не поймаешь; Собака за зайцем, а заяц за волей (тянутся, бегут); Псовая болезнь до поля, женская до постели.* Кошка же ассоциируется с женщиной, место обеих – в доме, см.: *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе; Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки (т. е. некому оберегать).*

В культурологических исследованиях отмечается, что крестьяне не пускали собаку в дом, поскольку она считалась «нечистым» животным (см., например: [Евдокимычева 2007; Архангельская 2020]). Однако собрание пословиц В.И. Даля содержит конкретное предписание, опровергающее столь широкое обобщение: *На Ильин день собак и кошек не пускают в избы*. На основании анализа ряда пословиц можно прийти к выводу, что собака в доме не была таким уж редким явлением. Полагаем, что запрет касался постоянного обитания собаки в доме, но ей позволялось заходить внутрь помещения с целью получить еду, поэтому ее место в доме – около стола, под столом: *Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет; Жить сто годов, нажать сто коров, меринов стаю, овец хлев, свиней подмостье, кошек шесток, собак подстолье; Толкается, что собака на кухне*.

Отношения собаки и кошки в текстах малых фольклорных жанров упоминаются в связи с иронической характеристикой ссорящихся или испытывающих друг к другу неприязнь людей, см.: *Как кошка с собакой (дружны); Лады, что у кошки с собакой; Один рычит да лает, другая мурлычет да фыркает; И то бывает, что кошка собаку съедает* (тематическая группа «БАБА – ЖЕНЩИНА»). Кроме того, упоминание этих животных является устойчивой характеристикой бедного человека, см.: *Богат Мирошка, а животов – собака да кошка; Живет Ермошка (или: Игошка): есть собака да кошка*. Причем интересно, что наличие конуры у собаки может расцениваться уже как признак относительной обеспеченности: *И псу конурка, и коту печурка*.

Собака и волк всегда показаны как враги, готовые уничтожить друг друга. Особенно опасен волк для собаки, см.: *Хватлива собака была, да волки съели; Не ступай, собака, на волчий след: оглянется, съест; Голодный волк сильнее сытой собаки; Не житье и собаке с волком, а теленку так и продуху нет; Собака, чего лаешь? – Волков пугаю. – Собака,*

чего хвост поджала? – Волков боюсь. Но и собаки могут быть опасны для волка, если их много, см.: *Поджал хвост, что волк на псарне.*

Несмотря на то что собака и волк происходят от общего предка, они, судя по пословицам и поговоркам, являются бóльшими антагонистами, чем собака и кошка. Этот вывод можно проиллюстрировать следующими паремиями: *Волка на собак в помощь не зови (т.е. неприятеля на друга); Встарь, бывало, собака с волком жила [их сосуществование больше невозможно]; Кабы волк заодно с собакой, так бы человеку и житья не было; Куда соваться в волки, коли хвост собачий.* Несовместимость собаки и волка отражена также в разговорной идиоме *ни волк ни пес*, приведенной В.И. Далем в ряду аналогичных выражений *ни рак ни рыба; ни рыба ни мясо; ни пест ни ложка.*

Как видим, пословицы и поговорки могут рассматриваться в качестве исторического источника, точно и разносторонне отражающего многовековые наблюдения наших далеких предков за миром животных (не только домашних, но и диких). Провербиальные тексты демонстрируют способность фольклорносителей к обобщению накопленных сведений о собаке – ее внешнем облике, взаимоотношениях с человеком, поведении в стае, контактах с другими животными и др. – в форме кратких афористичных суждений. Не удивительно, что богатый опыт общения с собакой переносится на оценку качеств и поведения человека.

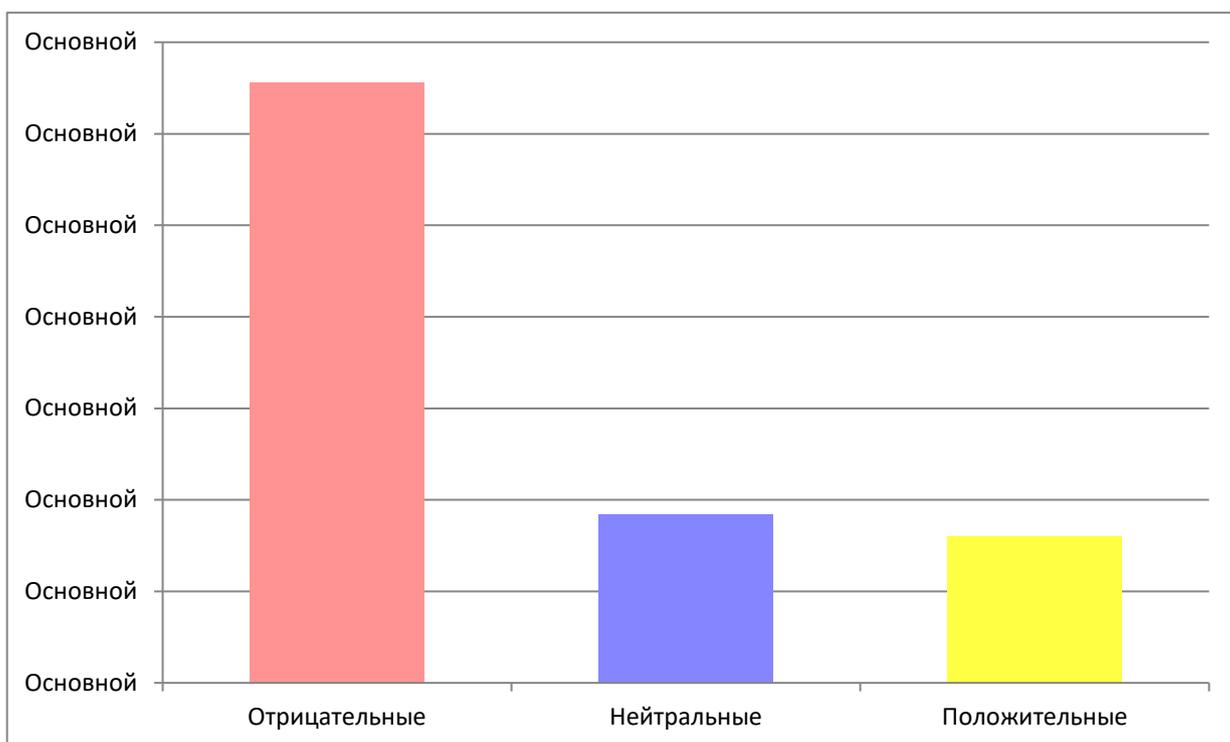
На наш взгляд, метафоризация представлений о собаке, которая наблюдается в рассмотренных выше провербиальных единицах, свидетельствует о концептуализации в традиционном русскоязычном сознании самого понятия *собака*.

Таким образом, в «Пословицах русского народа» В.И. Даля содержится около пятисот фольклорных текстов малого жанра (пословиц, поговорок, загадок, речений, примет), в которых упоминаются названия собаки (*собака, собачка, пес, кобель, щенок* и др.), ее повадки (*оскал зубов,*

вливание хвостом, лай, рычание и др.) и связанные с ней предметы (*ошейник, конура, псарня, кнут, палка*). В совокупности эти тексты могут рассматриваться как целостный паремиологический дискурс, отражающий коллективные представления о собаке, сформированные в русском языковом сознании на протяжении многовековой истории одомашнивания животного и взаимодействия с ним человека. Представим основные выводы, вытекающие из анализа трех аспектов репрезентации собаки в провербиальных тестах.

Во-первых, среди стереотипных представлений о собаке преобладают такие ее качества, как внешняя непривлекательность (дурной запах, нечистоплотность, блохастость), бездеятельность, агрессивность, злобность, прожорливость, глупость, склонность к подлости. Это свидетельствует о том, что в народных представлениях доминирует негативная оценка собаки (по нашим подсчетам, паремии с отрицательной оценкой собаки составляют 66 % от общего числа паремий, в состав которых входит лексема *собака*). Позитивная оценка, зафиксированная в значительно меньшем количестве паремий (16 %), касается лишь утилитарной пользы собаки как охранника, охотника и в ряде случаев – предвестника изменений в погоде. Доля «нейтральных» паремий – 18 % (см. рис. 2). В целом, паремиологический дискурс иллюстрирует происхождение и подтверждает смысл идиоматических выражений *собачья жизнь* (тяжелая жизнь) и *собачья смерть* (смерть недостойного человека).

Во-вторых, в фольклорных текстах малого жанра репрезентируется отнюдь не доброе отношение человека к собаке: хозяин плохо ее кормит, бьет, не ухаживает за ней, хотя использует в своих целях. Проведенный анализ показал, что образ, сформированный в русском паремиологическом дискурсе и закреплённый в языке, весьма далек от современного, получившего воплощение в произведениях русской культуры образа собаки как друга человека.

Рис. 2. Соотношение положительных, отрицательных и нейтральных оценок собаки в провербиальных текстах из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» (в %)

Наконец, сопоставление собаки с другими животными позволяет сделать вывод о том, что собака (в отличие от волка как ее видового предка) занимает значимое место в жизненном пространстве человека. В то же время на основании исследованного материала можно предположить, что в локусе дома собака, в отличие от кошки, находится на более низкой ступени иерархии домашних животных.

Выводы

1. Хотя слово *собака* не имеет установленной этимологии (есть версии иранского и тюркского происхождения), однако очевидно, что в восточнославянские языки оно пришло в прямом значении и появилось как заимствованное, а до него для номинации данного животного использовалось слово *пес*.

2. Лексикографические источники XVIII–XIX, XX и XXI веков трактуют лексему *собака* как многозначную, однако фиксируют разное количество ее лексико-семантических вариантов: 12 – 8 – 15 соответственно. В репрезентативной выборке из русских толковых словарей нами выявлено 23 ЛСВ. Из них 6 вариантов являются основными (общими, устойчивыми, характерными для всех трех периодов). Остальные варианты демонстрируют изменчивость семантической структуры слова, обусловленную меняющимися социокультурными факторами. В частности, 6 ЛСВ оказались утрачены, 11 ЛСВ появились в XX–XXI вв. Полученные данные свидетельствуют о том, что представления о собаке, зафиксированные толковыми словарями, с течением времени менялись, причем семантические сдвиги происходили как в сторону сужения, так и в сторону расширения значения слова. Архисема прямого значения – ‘понятие *животное*’, дифференциальные семы – 1) ‘принадлежность к семейству псовых / собачьих’, 2) ‘биологические характеристики собаки’, 3) ‘функции собаки’, 4) ‘связь собаки с человеком’, 5) ‘видовые конкретизаторы рода’. Остальные ЛСВ представляют собой вторичные значения лексемы, возникшие на основе метафорического или метонимического переноса.

3. Лексема *собака* входит в ядро лексической системы русского языка и имеет обширные синтагматические и парадигматические связи. Эта лексема характеризуется сочетаемостью с другими существительными, с

глаголами, а также с атрибутивными прилагательными и причастиями, описывающими внешний вид, характер, способности и условия содержания животного. Понятие *собака* может репрезентироваться посредством многочисленных синонимов, в состав которых входят литературные, просторечные и жаргонные слова.

4. Слово *собака* имеет довольно высокий словообразовательный потенциал, что подтверждается 33 дериватами, относящимися к разным частям речи: 19 имен существительных, 8 имен прилагательных, 4 глагола и 2 наречия. Наличие окказиональных производных слов, мотивированных словом *собака*, зафиксированных в коммерческой (рекламной) и разговорно-бытовой сферах коммуникации, позволяет сделать вывод, что деривационное поле этого слова является открытым.

5. Анализ 473 провербиальных единиц из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» позволяет рассматривать фольклорные тексты малых жанров как целостный паремиологический дискурс, отражающий коллективные представления о собаке, сформированные в русском языковом сознании на протяжении многовековой истории одомашнивания животного и взаимодействия с ним человека. Три аспекта репрезентации собаки в этих текстах (собака как домашнее животное; собака и человек; собака и другие виды животных) показывают, что в народных представлениях доминирует негативная оценка собаки (66 %) на фоне незначительной доли «нейтральных» паремий (18 %) и паремий с позитивной оценкой животного (16 %).

6. Очевидно, что с течением времени, в процессе урбанизации, изменяются и функции собаки, и отношение к ней человека; ценность собаки в массовом сознании повышается. Это свидетельствует об эволюции понятия *собака* в русской лингвокультуре, а значит – целесообразности изучения других его дискурсивных реализаций.

Глава 3. Образ собаки в современных дискурсивных практиках

3.1. Представления о собаке в профессиональном кинологическом дискурсе на фоне непрофессионального³

В соответствии с гипотезой исследования, в процессе функционирования в определенных дискурсивных практиках к инвариантным значениям понятия *собака*, зафиксированным в толковых словарях, добавляются смысловые приращения, отражающие стереотипные представления о животном носителей русского языка. Для дальнейшего обоснования этого предположения обратимся к анализу коллективного образа собаки, сформировавшегося в социальной среде кинологов, имеющих профессиональное отношение к межвидовой коммуникации человека и собаки (о собаке как объекте изучения в кинологии см. раздел 1.3).

В последние десятилетия написано множество научных и научно-популярных кинологических работ российских и зарубежных авторов о правилах обращения с собаками, способах их дрессировки и др. Кроме того, издаются книги философской и морально-нравственной направленности, цель которых – осмыслить взаимоотношения человека и собаки и придать им гуманистический смысл [Гийо 2017]. Отмечается, что в настоящее время сложилась биопсихологическая система «человек – собака» [Орлов 2007], объединяющая две подсистемы: **«человек – собака», живущие вместе**

---

³ Содержание данного раздела отражено в следующих публикациях: Черемных Ю.А. Представления о собаке в современном кинологическом дискурсе // *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. № 10 (58). URL: <https://rulb.org/archive/10-58-2024-october/10.60797/RULB.2024.58.16>. DOI: 10.60797/RULB.2024.58.16; Черемных Ю.А. Ассоциативный эксперимент как метод изучения концептов // *Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук: сб. науч. тр. IV Всероссийской ежегодной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук»*, г. Санкт-Петербург, ноябрь – декабрь 2023 года. СПб.: Пересвет, 2023. С. 108–114.

(домашние собаки) и «человек – собака», работающие вместе (служебные, военные, сторожевые собаки). Кинологи в рамках диады «человек – собака» выстраивают взаимоотношения с животным на основе принципов регламентированной профессиональной деятельности, связанной с уходом за собакой, ее дрессировкой, подготовкой и проведением спортивных и селекционных мероприятий и др.

Для изучения дискурсивных приращений понятия *собака*, обусловленных его функционированием в профессиональном кинологическом дискурсе, мы провели опрос равного количества респондентов двух групп (всего 300 человек):

1) будущих кинологов – курсантов Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации и студентов Пермского института ФСИН России (150 респондентов);

2) студентов разных факультетов Пермского государственного национального исследовательского университета, не имеющих отношения к кинологии (150 респондентов).

Выборка респондентов была сбалансирована по профессии (кинологи – не кинологи) и возрасту (всем респондентам от 18 до 25 лет). Балансировки по гендерному фактору не проводилось, вследствие чего респондентов-мужчин оказалось на 16 % больше, чем респондентов-женщин (174 и 126 человек соответственно), причем в группе кинологов преобладали мужчины, а в группе не кинологов – женщины (см. табл. 3).

Социальные параметры респондентов

Пол \ Вуз	Кинологи			Не кинологи	
	ПВИ ВНГ РФ	Пермский институт ФСИН	Всего	ПГНИУ	Всего
Муж.	105	11	116	58	174
Жен.	0	34	34	92	126
Всего	105	45	150	150	300

Кратко представим содержание опросных листов для каждой группы респондентов (подробнее см. Приложение 2).

Опросный лист для курсантов-кинологов

Просим принять участие в научном исследовании «Образ собаки в восприятии кинолога».

1. Отметьте Ваш пол.
2. Отметьте Ваш возраст.
3. Отметьте Ваш статус: курсант /студент ____ курса.
4. Напишите слова (3–5), которые ассоциируются у Вас со словом «собака».
5. Дайте определение: собака – это ...
6. Почему Вы выбрали профессию кинолога?
7. Изменил ли Ваше отношение к собакам опыт профессиональной работы с ними? (ДА / НЕТ).
8. При утвердительном ответе на предыдущий вопрос конкретизируйте, что именно изменилось.
9. Отметьте знаками + / – качества собаки, которые отражают Ваши представления об этом животном. Дополните список.

№ п/п	Качества собаки	+ / –
1	Агрессивность, злобность	
2	Внешняя непривлекательность (дурной запах, нечистоплотность, блохастость и др.)	

3	Внешняя привлекательность (экстерьер и др.)	
4	Глупость	
5	Обучаемость	
6	Породистость	
7	Преданность человеку	
8	Прожорливость	
9	Склонность к подлости	
10	Способность выполнять полезные для человека функции	
11	Ум	

10. Назовите качества, которыми должен обладать кинолог для успешного взаимодействия с собаками.

Опросный лист для студентов университета

Просим принять участие в опросе, связанном с изучением представлений о собаке носителей русского языка.

- 1. Отметьте Ваш пол.*
- 2. Отметьте Ваш возраст.*
- 3. Отметьте Ваш статус: студент _ курса _____ факультета.*
- 4. Напишите слова (3–5), которые ассоциируются у Вас со словом собака.*
- 5. Дайте определение: собака – это ...*
- 6. См. вопрос № 9 в опроснике для кинологов.*
- 7. Назовите качества, которыми должен обладать человек для успешного взаимодействия с собаками.*

Перейдем к описанию основных результатов проведенного опроса.

Его составной частью стал ассоциативный эксперимент, который предполагал получение реплик-реакций на просьбу написать до пяти слов, ассоциирующихся у респондентов со словом-стимулом *собака* (см. в опросниках пункт № 4).

Всего было получено 1035 реакций: 571 от кинологов и 464 от не кинологов. В состав ассоциатов вошли как отдельные лексические единицы (их большинство), так и словосочетания (см. табл. 4).

**Реплики-реакции кинологов и не кинологов
на слово-стимул *собака***

Реакции кинологов	Количество реакций	Реакции не кинологов	Количество о реакций
Друг	116	Друг	75
Верность	57	Верность	30
Преданность	33	Преданность	24
Специальное средство	34	Животное	24
Защитник	32	Питомец	17
Помощник	29	Доброта	11
Дрессировка	23	Защитник	10
Животное	19	Забота	10
Товарищ	18	Прогулка	9
Охранник	12	Помощник	9
Служба	11	Пушистый	9
Шерсть	7	Радость	8
Обоняние	7	Дом	7
Ум	7	Ласка	7
Корм	6	Ответственность	7
Послушание	5	Любовь	6
Компаньон	5	Лай	6
Ответственность	5	Поводок	6
Прогулка	5	Счастье	6
Любовь	5	Веселье	5
Дружелюбность	4	Дружелюбие	5
Питомец	4	Активность	5
Поиск	4	Охрана	5
Игра	4	Ошейник	5
Боевой товарищ	3	Домашнее животное	5
Напарник	3	Любимец	4
Работа	3	Член семьи	4
Ищейка	3	Тепло	4
Безопасность	3	Ребенок	4
Забота	3	Игра	4
Поддержка	3	Слюни	4
Задержание	3	Шерсть	4
Надежность	3	Бег	4
Обучаемость	3	Дрессировка	4
		Милый	4

Охота	3	Скорость	3
Поводок	3	Мяч	3
Лай	3	Семья	3
Ошейник	2	Уют	3
Хищник	2	Гавканье	3
Немецкая овчарка	2	Будка	3
Млекопитающее	2	Хвост	3
Потомок волка	2	Пушистик	3
Лапы	2	Ум	3
Доверие	2	Товарищ	2
Активность	2	Компаньон	2
Исполнительность	2	Поддержка и опора	2
Сила	2	Большая	2
Выносливость	2	Зверь	2
Жизнерадостность	2	Кость	2
Взаимовыручка	2	Друг семьи	2
Привязанность	2	Пес	2
Дисциплина	2	Смешной	2
ФСИН	2	Лапы	2
Служебно-боевые задачи	2	Мягкий	2
Брат	2	Нежный	2
Сотрудник	1	Символ @	2
Человек	1	Корм	1
Личность	1	Приятель	1
Любимец	1	Братан	1
Счастье	1	Запах	1
Взаимопонимание	1	Улица	1
Овчарка	1	Лапки	1
Домашнее животное	1	Лохматый	1
Хвост	1	Хорошее настроение	1
Клыки	1	Умиление	1
Челюсть	1	Милота	1
Порода	1	Агрессия	1
Неприятный запах	1	Искренность	1
Какашки	1	Подарок	1
Нежность	1	Брошенный	1
Ласка	1	Бездомный	1
Позитив	1	Характер	1
Энергия	1	Шавка	1
Красота	1	Псина	1
Агрессия	1	Охлаждение языком	1
Нападение	1	Замок на одежде	1
Точность	1	Рыжий	1
		Поза в йоге	1

Смелость	1	Диван	1
Отвага	1	Хозяин	1
Храбрость	1	Улыбка	1
След	1	Лежание	1
Воспитание	1	Солнце	1
Твердость	1	Слушатель	1
Племенная работа	1	Пасть	1
Кинолог	1	Жизнь	1
Кинология	1	Зверушка	1
Кафедра	1	Способ борьбы	
Дресс-костюм	1	с одиночеством	1
Атака	1	Человек в облике	
Контроль	1	собаки	1
Обучение	1	Сторож	1
Мяч	1	Охотник	1
М/район Гайвинский		Воспитание	1
(у ФСИН)	1	Щенок	1
Фильм «Хатико»	1	Служение	1
Дом	1	Мощь	1
Щенок	1	Приручение	1
Караул	1	Привязанность	1
Апорт	1	Хищник	1
Оружие	1	Команды	1
		Лес	1
		Кусачая	1
		Бой	1
		Взаимопонимание	1
		Интеллект	1
		Овчарка	1
		Служба	1
		Намордник	1
		Любвеобильность	1
		Млекопитающее	1
		Конура	1
		Ругательство	1
		Зубы	1
		Пасть	1
		Опасность	1
		Страх	1
		Шум	1
Всего по группе	571	Всего по группе	464
Всего по группам	1035		

Анализ экспериментальных данных выявил три общих тематических группы реакций на слово-стимул *собака*: 1) «**Собака как биологический вид**» (табл. 5.1), 2) «**Функции собаки**» (табл. 5.2), 3) «**Качества собаки**» (табл. 5.3). Помимо этого, выделена четвертая группа, в состав которой вошли две подгруппы, специфические для каждой категории респондентов: для кинологов – «**Служебная собака**», для не кинологов – «**Домашняя собака**» (табл. 5.4). Во всех четырех группах оказались как общие реакции (73,2 %), так и различные реакции (26,8 %). Кроме того, от не кинологов получено небольшое количество ассоциатов, не вошедших ни в одну из четырех тематических групп. Такие реакции представлены в группе «**Другие реакции**» (табл. 5.5).

Распределение реакций по тематическим группам

Таблица 5.1

Собака как биологический вид

	Реакции кинологов	%	Реакции не кинологов	%
Общие реакции	Домашнее животное	6,8	Домашнее животное	10,4
	Животное		Животное	
	Лай		Лай	
	Лапы		Лапы	
	Млекопитающее		Млекопитающее	
	Неприятный запах		Запах	
	Овчарка		Овчарка	
	Хвост		Хвост	
	Хищник		Хищник	
	Шерсть		Шерсть	

Различные реакции	Какашки Клыки Немецкая овчарка Обоняние Порода Потомок волка Челюсть	2,6	Большая Гавканье Зверушка Зверь Зубы Лапки Охлаждение языком Пасть Пес Слюни	3,9
	%	Всего	9,4	Всего

Таблица 5.2

Функции собаки

	Реакции кинологов	%	Реакции не кинологов	%
Общие реакции	Друг Защитник Компаньон Любимец Охранник Питомец Помощник Товарищ	38	Друг Защитник Компаньон Любимец Охрана Питомец Помощник Товарищ	26,8
	Различные реакции	Боевой товарищ Брат Ищейка Личность Напарник Сотрудник Специальное средство Человек	8,4	Братан Жизнь Охотник Поддержка и опора Приятель Способ борьбы с одиночеством Сторож Человек в облике собаки
%	Всего	46,4	Всего	28,7

Качества собаки

	Реакции кинологов	%	Реакции не кинологов	%
Общие реакции	Агрессия	20,7	Агрессия	19,9
	Активность		Активность	
Верность	Верность			
Взаимопонимание	Взаимопонимание			
Дружелюбность	Дружелюбность			
Ласка	Ласка			
Любовь	Любовь			
Нежность	Мощь			
Ответственность	Нежный			
Преданность	Ответственность			
Сила	Преданность			
Ум	Ум			
Различные реакции	Взаимовыручка		6,5	
	Выносливость	Доброта		
Дисциплина	Интеллект			
Доверие	Искренность			
Жизнерадостность	Кусачая			
Исполнительность	Лохматый			
Красота	Любвеобильность			
Надежность	Милота			
Обучаемость	Милый			
Отвага	Мягкий			
Поддержка	Опасность			
Позитив	Пушистик			
Послушание	Пушистый			
Привязанность	Рыжий			
Смелость	Скорость			
Твердость	Смешной			
Точность	Страх			
Храбрость	Умиление			
Энергия	Характер			
	Шум			
%	Всего	27,2	Всего	30,7

Служебная собака / Домашняя собака

	Реакции кинологов	%	Реакции не кинологов	%
Общие реакции	Воспитание	10,9	Воспитание	12,5
	Дом		Дом	
	Дрессировка		Дрессировка	
	Забота		Забота	
	Игра		Игра	
	Корм		Корм	
	Мяч		Мяч	
	Ошейник		Ошейник	
	Поводок		Поводок	
	Прогулка		Прогулка	
	Служба		Служба	
	Счастье		Счастье	
	Щенок		Щенок	
Различные реакции	Апорт	6,1	Веселье	10,8
	Атака		Диван	
	Безопасность		Друг семьи	
	Дресс-костюм		Команды	
	Задержание		Кость	
	Караул		Лежание	
	Кафедра		Лес	
	Кинолог		Намордник	
	Кинология		Подарок	
	Контроль		Привязанность	
	Микрорайон Гайвинский (у ФСИН)		Приручение	
	Нападение		Радость	
	Обучение		Ребенок	
	Оружие		Семья	
	Охота		Служение	
	Племенная работа		Слушатель	
	Поиск		Солнце	
	Работа		Тепло	
	След		Улица	
	Служебно-боевые задачи		Улыбка	
	Фильм «Хатико»		Уют	
	ФСИН		Хозяин	
			Хорошее настроение	
	Член семьи			
%	Всего	17	Всего	23,3

Другие реакции

Реакции кинологов	%	Реакции не кинологов	%
—		Бездомный Бой Брошенный Будка Замок на одежде Конура Поза в йоге Псина Ругательство Символ @ Шавка	3

Охарактеризуем ассоциации курсантов-кинологов на фоне ассоциаций респондентов, не имеющих отношения к кинологии.

Самой частотной оказалась тематическая группа «Функции собаки» (46,4 % от общего числа реакций кинологов), затем следуют группы «Качества собаки» (27,7 %), «Служебная собака» (17 %) и «Собака как биологический вид» (9,4 %).

Превалирование реакций, относящихся к тематической группе «Функции собаки», объясняется, по всей вероятности, стереотипными представлениями современной образованной молодежи о том, что собака – это *друг* (116 реакций у кинологов и 75 у не кинологов). Показательно, что у большинства респондентов собака ассоциируется не с выполнением утилитарной функции *защитника, охранника, помощника, ищейки*, а прежде всего с эмоционально-психологической функцией *друга, товарища, компаньона, питомца, любимца*. В то же время показательны профессионально обусловленные реакции кинологов, для которых собака не просто *товарищ*, а *боевой товарищ, специальное средство* при выполнении служебно-боевых задач, *напарник* и даже *сотрудник*. Судя по реакциям, для респондентов обеих групп собака больше, чем домашнее

животное: она наделяется антропоморфными качествами. Об этом свидетельствуют такие ассоциации, как *личность, человек в облике собаки, брат, братан, приятель, надежда и опора*. Мы предполагаем, что вряд ли можно было бы ожидать такого единодушного выражения высокой не утилитарной ценности собаки в среде носителей традиционного крестьянского сознания, причем не только в прежние времена, но и сегодня.

Это предположение подтверждается и ассоциатами, относящимися к тематической группе «Качества собаки». Так, в сознании большинства респондентов на стимул *собака* прежде всего актуализировались положительные характеристики животного, такие как *верность, преданность, взаимопонимание, дружелюбность, доброта, ласка, любовь, любвеобильность, нежность, искренность*. В реакциях кинологов ожидаемо проявились профессионально значимые свойства собаки: *обучаемость, послушание, исполнительность, дисциплина, выносливость, надежность, отвага, смелость, храбрость, доверие, привязанность, взаимовыручка, поддержка*, а также *агрессия*, которая, скорее всего, проявляется лишь по команде хозяина, по отношению к врагу.

Профессионально обусловленные ассоциаты, полученные от курсантов-кинологов, в совокупности формируют образ собаки, который заметно отличается от ее коллективного ассоциативного образа, сформированного в сознании студентов гражданского вуза. Для последних собака ассоциируется с теми ее признаками, которые вызывают приятные чувства и эмоции: *милота, милый, мягкий, пушистый, пушистик, смешной*.

Кинологи более квалифицированно, чем не кинологи, оценивают собаку как биологический вид. Об этом свидетельствуют реакции типа *хищник, млекопитающее, потомок волка с мощной челюстью и клыками, лающее, имеющее шерсть, хвост, прекрасное обоняние*. Закономерно, что собака ассоциируется у курсантов с конкретной породой – немецкой овчаркой, которая благодаря своему высокому интеллекту и хорошей

обучаемости является универсальной служебной собакой и подходит для всех видов дрессировки (ср. реакции респондентов-не кинологов: *зверь, зверушка, лапки, гавканье, охлаждение языком*).

Четвертая тематическая группа реплик-реакций на слово *собака*, как уже было отмечено, является специфической и связана с местом взаимодействия человека и собаки: для кинологов это служба, работа, в то время как для не кинологов – совместное проживание. И хотя и здесь есть общие ассоциации (*воспитание, забота, корм, прогулка* и др.), все-таки профессиональная направленность ассоциативных представлений о собаке у кинологов очевидна. См., напр., реакции: *апорт, атака, дресс-костюм, задержание, караул, кафедра, кинолог, кинология, контроль, нападение, обучение, оружие, племенная работа, поиск, работа, след, служебно-боевые задачи*. Особенно выделяются реакции курсантов, вызванные ассоциациями слова *собака* с конкретными учреждениями в Перми, в которых используются служебные собаки (*ФСИН, микрорайон Гайвинский (у ФСИН)*), а также с фильмами о собаках (*фильм «Хатико»*).

Совершенно другие ассоциации вызывает слово *собака* у студентов университета, которые, судя по их реакциям, скорее всего имеют дело с декоративной диванной собачкой, которая скрашивает досуг членов семьи и помогает воспитывать у детей милосердие к животным. См. характерные в этом отношении ассоциации: *друг семьи, семья, уют, лежание, хорошее настроение, улыбка, тепло, подарок, ребенок, веселье, радость, диван, слушатель, улица, лес* и др.

Ассоциации, объединенные в группу «Другие реакции», можно интерпретировать как проявление, во-первых, озабоченности респондентов судьбой бродячих собак (*бездомный, брошенный, бой*); во-вторых, характерного для традиционной русской культуры пренебрежительного отношения к собакам (*псина, шавка, будка, конура*); наконец, актуальных

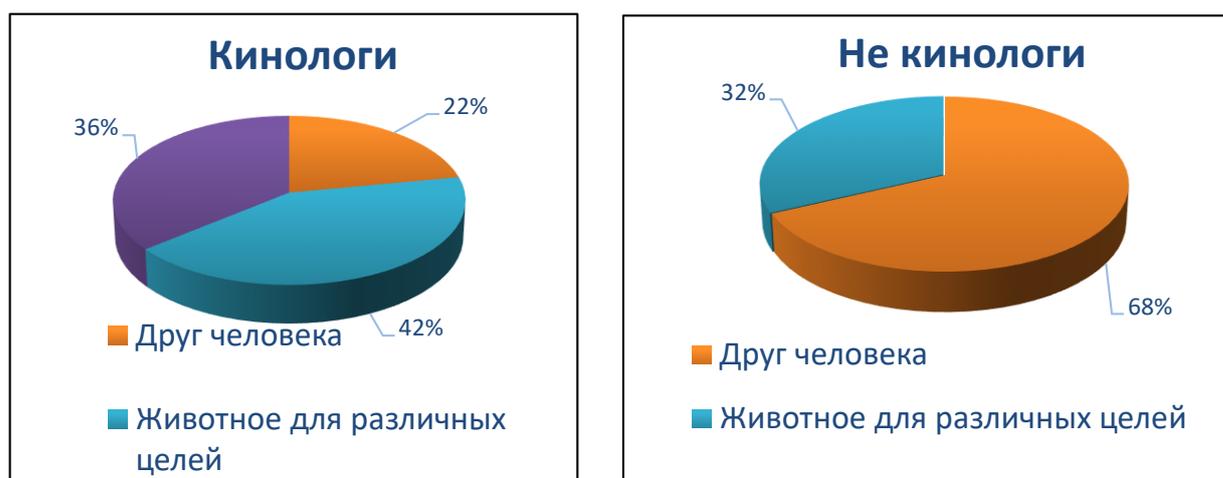
для респондентов переносных значений слова *собака* (замок на одежде, поза в йоге, ругательство, символ @).

По критерию семантической близости реакции внутри тематических групп распределились следующим образом:

– общие реакции: «Собака как биологический вид» – 8,4 %; «Функции собаки» – 32,9 %; «Качества собаки» – 20,3 %; «Служебная / домашняя собака» – 11,6 %. Средний показатель общих реакций кинологов и не кинологов – 18,3 %;

– различные реакции: «Собака как биологический вид» – 3,3 %; «Функции собаки» – 5,7 %; «Качества собаки» – 8,5 %; «Служебная / домашняя собака» – 8,3 %; «Другие реакции» – 1 %. Средний показатель различных реакций кинологов и не кинологов – 5,4 %.

Результаты ассоциативного эксперимента подтверждаются толкованиями слова *собака* в ответах на пятый вопрос анкеты. Если студенты ПГНИУ определили собаку как друга человека (68 %) и животное для различных целей (32 %), то дефиниции кинологов распределились на три группы: 1) животное для различных целей (42 %), 2) специальное средство (36 %) и 3) друг человека (22 %) (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение толкований слова *собака* кинологами и не кинологами

Приведем типичные ответы студентов-кинологов:

– Собака – это специальное средство, при помощи которого повышается эффективность выполнения служебно-боевой задачи.

– Собака – это животное с развитыми условными и безусловными рефлексами при выполнении СБЗ, применяется в качестве специального средства.

В отличие от респондентов-не кинологов, которые в большинстве случаев воспринимают собаку в качестве домашнего питомца, будущие кинологи видят в животном прежде всего товарища по службе.

Респондентам обеих групп также был предложен список качеств собаки (см. вопрос № 9 в первом опроснике и вопрос № 6 во втором), которые следовало оценить либо как присущие животному (отметить плюсом), либо как нехарактерные для него (отметить минусом). Практически все респонденты указали, что собаке присущи ум, преданность, обучаемость, способность выполнять полезные для человека функции. В качестве нехарактерных для животного свойств были названы глупость и склонность к подлости. Что касается агрессивности, прожорливости, породистости и внешней привлекательности собаки, то мнения респондентов разделились. Однако показательно, что в составе стереотипных представлений о собаке наших современников отсутствуют негативные качества, которыми она была наделена в proverbialных текстах XIX века (внешняя непривлекательность, дурной запах, нечистоплотность, блохастость, глупость и др.).

Специально для кинологов в анкету были включены вопросы, связанные с их будущей профессией: почему выбрана эта профессия; изменилось ли отношение к собакам под влиянием опыта работы с ними; какими качествами должен обладать кинолог для успешного взаимодействия с собаками (см. вопросы 6, 7, 8, 10).

Судя по ответам, выбор профессии кинолога обусловлен у курсантов любовью к собакам с детства, продолжением династии кинологов, желанием быть военным. Приведем некоторые высказывания:

– С малых лет проявлял интерес к военной службе, а также интересовался животными, профессия кинолога позволила мне совместить эти мечты.

– Нравятся собаки, хочу воспитать и всему научить своего друга.

– Так как всегда имел рвение к работе с собакой, а кинологом можно со своим верным товарищем защищать мирное население.

– Чтобы обеспечить безопасность граждан и военнослужащих.

– Потому что с детства находил общий язык с собаками и заметил, что работать с ними интереснее, чем с людьми.

– Работа с живым существом гораздо интереснее, чем с техникой.

Более половины респондентов-курсантов ответили утвердительно на вопрос об изменении отношения к собакам после получения опыта профессиональной работы с ними. Большинство респондентов написали, что осознали ответственность за подготовленную ими собаку, убедились в преданности животного своему хозяину, поняли, что еще сильнее любят и ценят собак. Для успешной работы с собакой называют такие качества кинолога, как профессионализм, заинтересованность, целеустремленность, самодисциплина, уверенность в себе, требовательность, терпеливость, ответственность, эмоциональная устойчивость, ментальная связь с обучаемой собакой, доброта и др.

Респондентам-не кинологам также был задан вопрос о качествах, которыми должен обладать человек для успешного взаимодействия с собаками (вопрос № 7), однако ответы участников этой группы существенно отличаются от ответов будущих кинологов. В частности, респонденты, не связанные с данной профессией, считают важным хорошее чувство юмора, умение хвалить животное, веселиться с ним, играть.

Отмечается физическая выносливость хозяина собаки, его склонность к эмпатии, толерантность, а также отсутствие аллергии, большая жилплощадь и финансовые возможности семьи. Кроме того, в ответах респондентов этой группы (преимущественно девушек) зафиксированы эмоционально-экспрессивные окказиональные номинации собаки типа *милота, пушистик, игрун, пёса, песьяка, песьявая*; отсылка к Экзюпери (*Мы в ответе за тех, кого приручили*), а также лексико-семантические варианты слова *собака* с переносными значениями (ругательство, символ @, замóк на одежде, поза в йоге). В группе кинологов подобные реакции отсутствуют, что, на наш взгляд, также свидетельствует о существенном влиянии фактора «профессия» на формирование дискурсивных приращений понятия *собака* в разных речевых практиках.

Кинология как междотраслевая научная дисциплина изучает собаку, живущую в человеческом обществе, а потому кинологический дискурс не может не участвовать в расширении смыслового объема понятия *собака* за счет научного знания о животном. В кинологической сфере за этим понятием закрепляется представление о животном как помощнике военнотружущего и специальном средстве для выполнения служебно-боевых задач. При этом считается, что без доверительных, практически дружеских отношений с собакой невозможно качественное профессиональное взаимодействие с ней. Подчеркнем, что кинология играет важную роль не только в научном познании и понимании собаки, но и в формировании этического отношения человека к этому животному.

Таким образом, социолингвистическое исследование показало динамичность образа собаки в коллективном русскоязычном сознании, дальнейшую концептуализацию соответствующего понятия под влиянием совокупности экстралингвистических факторов, прежде всего процесса урбанизации, изменения функций собаки и отношения к ней человека, а

также фактора «профессия». В целом, опрос подтвердил повышение ценности собаки в коллективном восприятии носителей русского языка.

3.2. Образ служебной собаки в художественном тексте

В первой главе диссертации (см. 1.2.2.) уже говорилось о том, что среди животных – персонажей литературных произведений собаки занимают особое место, определяемое внелитературными (верностью и преданностью людям, близостью к быту человека) и литературными (социальным, морализаторским, натурфилософским) контекстами [Костюхина 2020]. Оценка того, как человек и общество относятся к этому животному, в литературе не сводится к тривиальным утверждениям типа «собака – друг человека». В этом дискурсе формируются художественные образы собаки, которые служат своеобразным символом социальных и нравственных конфликтов. При этом «в понятие высоких качеств художественной речи и неперенных ее свойств входят неповторимость и свежесть выражения при создании образов, их яркая индивидуальность. Кроме того, художественная речь отличается не только образностью, но и явной эмоциональностью, в целом же – эстетически направленной экспрессивностью» [Кожина 2008: 395].

Как известно, в художественном тексте слова (в нашем случае лексема *собака*) выражают не просто понятия (как в словаре) и представления (конкретизированные понятия), а художественные образы. Вспомним в связи с этим, что в свое время Г.О. Винокур, развивая идею А.А. Потебни о внутренней форме слова, писал о **внутренней форме художественного слова**, раскрывающей специфику художественной речи. Внутренняя форма художественного слова проявляется в том, что значение лексической единицы становится в тексте той основой, отталкиваясь от которой настоящий писатель создает метафорическое значение, нередко

понятное только по прочтении всего произведения. Показателен пример, который приводит Г.О. Винокур: «смысловое значение слова *хлеб*, поставленного в заглавие известного романа А. Толстого, означает не то же, что общеизвестное значение этого слова. Но, опираясь на него и отталкиваясь от него, это слово получает в контексте художественного целого способность выражать одно из явлений революции и гражданской войны, представленное в романе» [Винокур 1959: 391].

Б.А. Ларин, отмечая системную взаимосвязь всех слов при выражении авторской идеи, приходит к выводу о **комбинаторных (или семантических) приращениях смысла художественного слова**.

Понятия внутренней формы художественного слова и комбинаторных приращений смысла связаны также с понятием **общей образности**, выдвинутым А.М. Пешковским. По мнению ученого, «все языковые единицы художественного произведения направлены на выражение художественного образа, являясь эстетически и стилистически единственно оправданными (наоборот, их исключение ведет к «облысению» образа)».

По В.В. Виноградову, «художественное слово принципиально **двупланово**. Совпадая по своей форме со словом национального языка и опираясь на его значение, художественное слово обращено не только к общенародному языку, но и к тому миру художественной действительности, который воссоздается в произведении. Смысловая структура слова расширяется и обогащается теми художественно-образительными “приращениями”, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [Виноградов 1960: 39].

Во всех приведенных цитатах подчеркивается важное свойство художественной речи – системная взаимосвязь языковых единиц как составных элементов целого, обусловленная идейно-образным содержанием и реализующая эстетическую функцию.

В соответствии с концепцией М.Н. Кожиной, «основной стилевой чертой художественной речи является **художественно-образная речевая конкретизация**» [Кожина 2008: 397–404]. Эта черта объясняет природу воздействия художественного слова на читателя посредством «перевода» слова-понятия в слово-образ. «Перевод» понятийного плана в образный осуществляется при участии единиц всех уровней языка: от фонетического до синтаксического. Писатель стремится так построить речь, чтобы она способствовала образной конкретизации слов и возбуждала читательское воображение, поскольку при восприятии именно конкретной лексики скорее создается образ. Приведем показательный в этом отношении совет К. Федина одному из писателей: «Еще один существенный для прозаика совет. Побольше конкретности. Образность тем выразительнее, чем точнее, конкретнее назван предмет. У Вас: “*Лошади жуют зерно*”. Крестьяне готовят “*утреннюю пищу*”, “*шумели птицы*” <...> в поэтической прозе художника, требующей зримой ясности, не должно быть родовых понятий, если это не диктуется самой смысловой задачей содержания... *Овес* лучше *зерна*. *Грачи* более уместны, чем *птицы*» [Федин 1961: 448].

Подчеркнем, что «художественно-образная конкретизация как фундаментальная, основная стилевая черта художественной речи выражается такой ее системной организацией (речевой системностью), которая способна «переводить» слово-понятие в слово – художественный образ через целую систему конкретизирующих лингвистических средств, активизирующих воображение читателя» [Кожина 2008: 403].

Теоретические положения функциональной стилистики и стилистики художественной речи, на которые мы опираемся при решении задач данного раздела диссертационной работы, проиллюстрируем анализом художественных произведений о собаках.

Отметим, что в отечественном литературоведении сложилось целое направление исследований, названное литературным собаководением. Круг

источников этого направления весьма обширен и включает как детскую, так и взрослую литературу, как прозу, так и поэзию, т. е. литературу самых разных видов и жанров, написанную с XIII века до наших дней.

Из большого числа художественных произведений о собаках мы выбрали два, персонажами которых являются служебные собаки: повести Израиля Меттера «Мухтар» (1960) и Георгия Владимова «Верный Руслан» (1974)⁴. Нашей задачей является анализ **образного воплощения** отношений между человеком и собакой, сложившихся в профессиональной кинологической сфере.

Оба произведения написаны в советское время, когда в систему идеологического воспитания органично вписывались образы собак именно служебных пород, главным образом немецких или восточно-европейских (усовершенствованных немецких, выведенных в СССР) овчарок.

То, что киноним собаки (т. е. ее кличка, а не родовое понятие) вынесен в заголовки обеих повестей, свидетельствует, во-первых, о художественно-образной конкретизации «в действии», во-вторых, подчеркивает значимость четвероногого персонажа в идейно-художественном замысле автора, наделяющего этот киноним символическим значением. Символизации клички *Мухтар* способствовала также экранизация повести И. Меттера: в 1964 году вышел фильм «Ко мне, Мухтар!» режиссера С. Туманова с Юрием Никулиным в главной роли. Эта кличка приобрела невероятную популярность «в народе» и ассоциировалась с мужеством и верностью, став нарицательной для собаки, готовой к совершению подвига.

---

⁴ Верный Руслан: [повести] Георгий Владимов, Израиль Меттер. СПб.: Амфора, 2016. 255 с.

Совсем другая судьба у повести Георгия Владимова «Верный Руслан». Написанная в 60-е годы XX века, эта повесть долго существовала в анонимном самиздатовском варианте и приписывалась А.И. Солженицыну, а ее публикация в 1975 году в журнале «Посев» повлекла за собой исключение автора из Союза писателей СССР. Георгий Владимов был объявлен диссидентом, и его произведения в Советском Союзе уже не издавались.

Ключевой сюжетной линией в обеих повестях является история взаимоотношений собаки и человека.

Так, в повести «Мухтар» с немецкой овчаркой не может справиться хозяйка и продает ее в милицейский питомник. Описание поведения собаки в этой ситуации позволяет пережить всю гамму ее чувств: от бесконечной любви до горькой обиды за предательство. Показательна сцена появления в питомнике бывшей хозяйки: *Мухтар почуял хозяйку еще издали. Из грозного зверя он вдруг превратился в щенка. Подпрыгивая от счастья на всех четырех лапах, Мухтар повизгивал, вертелся на месте, хвост его затикал, как маятник <...> Когда же она появилась перед его клеткой, он повалился на пол, задрал кверху лапы и стал елозить хребтом по полу, изгибаясь в разные стороны и кося на нее светящиеся восторгом глаза. «Я могу и так, и эдак..., – рассказывали его глаза. – Я очень веселый, я ужасный шутник, я чуть не издох без тебя...» (стр. 13–14).*

Разнообразные языковые и речевые средства (оценочная лексика, сравнение грозной взрослой собаки со щенком, сравнение хвоста Мухтара с маятником часов, введение прямой речи от «имени» собаки) ярко иллюстрируют речевую системность художественного текста в процессе формирования образа. Достижению образной конкретизации также способствует глагольное речеведение (термин М.Н. Кожин), когда каждое физическое и психическое действие или состояние персонажа изображается детально и как бы поэтапно, что приводит к повышению

частоты употребления глаголов и заметному увеличению их роли в тексте. См.: *почуял; превратился (в щенка); подпрыгивая (от счастья), повизгивал, вертелся; повалился, задрал (лапы), стал елозить (хребтом), изгибаясь и кося.*

Полны драматизма и описания отношений Мухтара и младшего лейтенанта милиции проводника Глазычева, ставшего его настоящим хозяином. С одной стороны, Глазычев – профессионал, спокойно и уверенно обращающийся с «бесхозной» собакой. См.: *Спокойно улыбнувшись, маленький неторопливый Глазычев аккуратно застегнул плащ на все пуговицы, надел кепку, примял ее, проверил, лежит ли в кармане плаща крепкая веревка с металлическим карабином для ошейника, и вышел на площадь к оперативной машине (стр. 8).*

С другой стороны, это не просто опытный милиционер-проводник, а хороший человек, способный понять собаку в непростой для нее ситуации и по-человечески, шаг за шагом завоевать ее доверие. Вместе с начальником питомника майором Билибиным и ветеринарным врачом Зыряновым Глазычеву удастся воспитать из Мухтара прекрасную служебно-розыскную собаку, а когда она, получив тяжелое ранение, но задержав опасного бандита Фролова, становится негодной к службе – оставить ее на довольствии и дать ей спокойно дожить свой век в питомнике.

Выразительны в тексте произведения описания внешности собаки: *Шло время. Мухтар матерел. Он уже весил больше пятидесяти кило, грудь его и крестец раздались вишь, лапы стали толстыми, звериными, на мощной шее серым цветом играла хорошо промытая, длинная шерсть – она была как богатый воротник на франте. В стужу он не уходил через лаз в зимнее помещение, а спал тут же, в клетке, на заиндевавшем полу; утром потягивался, выпуская из пасти клубы пара (стр. 50).*

Совмещение лексики кинологической сферы (*вес, грудь, крестец, лапы, шея, шерсть*) с художественными конкретизаторами (*на мощной шее*

серым цветом играла хорошо промытая, длинная шерсть... как богатый воротник на фланте; описание зимних ночевок прямо в клетке), способствует созданию наглядного, зримого образа.

Важной сюжетной линией повествования является конфликт между Глазычевым и некоторыми коллегами, такими как старший инструктор питомника старший лейтенант Дуговец и лейтенант Ларионов, – формалистами и карьеристами, считающими недопустимой «отсебятиной» разговаривать с собакой, поощрять ее не уставными словами (*Молодец!; Хорошо, Мухтар, хорошо!*). Показателен диалог Глазычева с Дуговцом:

– *Намаешься с этим псом, сказал Дуговец Глазычеву. – Злобу у него надо снимать. Слушаться тебя не будет...*

– *Полюбит, так послушается, – беззаботно ответил Глазычев.*

– *Любви у собак не бывает. Есть рефлексы. Их и надо отрабатывать.*

– *Да ну тебя, – сказал Глазычев. – Скучно (стр. 22).*

Так писатель воплощает свою идею: для того чтобы человек и собака стали компаньонами, настоящей командой, человеку мало быть профессионалом и действовать строго «по науке» – нужна доброта, чуткость, умение понимать состояние вверенного тебе питомца. Нужна любовь.

В этой повести собака и человек действительно любят друг друга, поэтому живут душа в душу:

Мухтар привязывался к Гладышеву все крепче. Дело не в том, что собака слушалась своего проводника, – это сравнительно нехитрая штука. Отношения их были гораздо серьезнее. Мухтар знал, в каком настроении находился Гладычев. Знал он это по тем невидимым человеку признакам, о которых не догадывался и сам проводник. Сюда входили не только голос или выражение лица Глазычева, но и его обыденные, житейские движения: то, как он вынимал из кармана папиросы, гребенку, носовой платок, как

вытирал пот со лба, как садился и вставал. Если Глазычев чувствовал утомление, то немедленно утомлялся и Мухтар. Язык его тотчас же вываливался на сторону; шумно дыша, он поглядывал на проводника, тактично давая ему понять, что устал, собственно, не Глазычев, а лично он, Мухтар, и совершенно нет ничего страшного в том, что они сейчас немножко отдохнут. Когда же работа требовала от них обоих непрерывных и долгих усилий, Мухтар никогда не позволял себе первым показать, что силы его на исходе. Он готов был, как и Глазычев, десять раз начинать поиски сначала, чувствуя себя виноватым и глубоко несчастным, если они не увенчивались удачей (стр. 36–37).

Как видим, тематическим содержанием художественного повествования в произведении по существу является кинологический дискурс со всеми его атрибутами (кормлением собак, дрессировкой, выполнением задач по розыску и обезвреживанию преступников и др.). Однако возможности словесного искусства позволяют представить профессиональный контекст через систему образов, сюжет, композицию с завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой, через конфликтные ситуации, диалоги и монологи, имена персонажей, портретные описания и др. Как и в любом художественном произведении, здесь автор рассказом о судьбе собаки оказывает эмоциональное воздействие на читателя, стремясь «воспитать его душу» и выразить мысль о трагическом сходстве судьбы собаки с человеческой судьбой. Показательны в этом отношении обобщенно-оценочные высказывания, в которых писатель наделяет собаку антропоморфными свойствами, напр.: *Собакам ведь тоже есть о чем подумать* (стр. 38); *Вероятно, собаки, так же, как и люди, не любят, когда их продают* (стр. 52).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в художественной форме получил воплощение образ не собаки вообще, а именно милицейской собаки Мухтара. Этот образ оказывает настолько сильное воздействие

(особенно в экранизации произведения), что в восприятии многих читателей и зрителей Мухтар стал символом бесстрашия, мужества и верности человеку.

Можно с уверенностью сказать, что во многих художественных текстах собака является персонажем не менее значимым, чем человек. Более того, в некоторых произведениях она даже заслоняет собой образ человека. Именно так, на наш взгляд, произошло в повести Георгия Владимова «Верный Руслан».

«Повествователем» здесь является конвойная собака по кличке Руслан, которая после ликвидации лагеря для заключенных вместе с другими овчарками стала ненужной и теперь у нее нет ни службы, ни хозяина, остались одни воспоминания...

Восприятием собаки автор отображает больное общество с его несправедливостью и жестокостью. Хотя критическую тональность и антисоветскую направленность повести нельзя не ощутить, не это является сверхзадачей автора. Его идейный замысел связан с привлечением внимания к общечеловеческим ценностям – доверию, преданности, доброте, правильному нравственному выбору.

По-настоящему трагична история отношений Руслана и его лагерного хозяина (кстати, у него-то нет даже имени – просто «хозяин»). Эти отношения построены отнюдь не на любви (чего стоит одно только его обращение к собаке – *падла!*), как в повести о Мухтаре, а на слепом подчинении:

Так уж повелось, что Служба для собаки всегда кончалась смертью от рук хозяина, и восемь лет, прожитых в зоне лагеря, Руслана не покидало ощущение, что это и ему когда-нибудь предстоит. Оно страшило его, навеивало кошмарные сны, от которых он просыпался с жуткими завываниями, но понемногу он с этим ощущением свыкся, понял, что

избежать ничего нельзя... (стр. 96–97). Слепое подчинение заполнило каждодневное существование Руслана, стало для него нормой.

Тем не менее служба для Руслана – главное его предназначение, его долг и счастье. Недаром само слово «Служба» пишется в книге с заглавной буквы и является лейтмотивом произведения, выражая его идейно-образную «линию». См.: *Служба – лучшее, что пришлось Руслану изведать* (стр. 90); *Лучшей наградой за Службу была сама Служба* (стр. 102) и т.п. И неважно, что служба эта заключалась в охране несчастных заключенных, которые иногда совершали побег и которых непременно нужно было догнать и вернуть в лагерь.

И вот теперь Руслан не нужен. Его состояние автор описывает с горечью и щемящей болью:

Руслан почувствовал вдруг, что и автомат, и сам он – больше не нужны хозяину. От отчаяния, от стыда хотелось ему упасть задом в снег, задрать голову к изжелта-серому солнцу и извить ему свою тоску, которой предела не было. Еще худшим, чем он всегда страшился, оказался конец его службы: его за тем вывели за проволоку, чтобы прогнать совсем, предоставить ему побираться с шелудивыми дворнягами, которых презирал он всей душой и едва ли за собак считал. Но почему же это? За что? Ведь не совершил он такого поступка, за который бы полагалась эта особенная, невиданная кара! (стр. 104).

Явная эмоциональность, а в целом – эстетически направленная экспрессивность, характерные для художественной речи вообще, проявляются здесь в описании внутреннего состояния Руслана: эмоциональность таких существительных, как *отчаяние, стыд, тоска, кара*, практически в каждом случае конкретизируется определительными, сравнительными конструкциями (*тоску, которой предела не было; еще худшим, чем он всегда страшился*), сниженными глаголами (*задрать, извить, побираться*), риторическими вопросами и восклицаниями, не

просто иллюстрирующими душевное состояние собаки, а формирующими индивидуальный образ глубоко несчастного существа.

Повествование строится на контрасте как композиционном приеме, характерном для художественной речи. На контрасте раскрывается проблема выбора человека и собаки – одна из главных в произведении Георгия Владимова. И здесь собака оказывается выше человека. Зная все о своем хозяине, Руслан все же жалеет его и чувствует свою ответственность за него. Покажем, как с помощью синтаксического параллелизма передаются «рассуждения» собаки, построенные на антиномиях:

...его хозяин, может быть, и не слишком храбр, но зато он не знает жалости; он, может быть, не чересчур умен, но он никогда никому не доверяет; его, может быть, не так уж и любят его друзья, но зато он застрелит любого из них, если понадобится для Службы. <...> Каково ему там, среди чужих (стр. 108).

Моральное превосходство собаки над человеком особенно очевидно в эпизоде в буфете, когда хозяин дал Руслану отраву (хлеб, щедро приправленный горчицей), лишь бы продемонстрировать свою власть над ним, а тот, «охваченный любовью», поверил своему «божественному», «чудесному» хозяину, взял кусок из его рук, *чтобы уйти, уползти куда-нибудь – в темное логово, в подворотню, в лесные заросли, в камыши или густую траву – и там перемучиться или издохнуть, наедине со своей болью* (стр. 133) (мучительность состояния собаки как нельзя лучше передают здесь многочисленные однородные члены – слова-конкретизаторы). И уже понимая, что любимый хозяин стал предателем, врагом, Руслан все же великодушен: *Пусть он живет как знает* (стр. 135).

В ситуации выбора на высоте оказывается не только Руслан, но и человек, защитивший его в эпизоде с отравой в буфете, а потом спасший его, уже умирающего, в доме тети Стюры. Волею судьбы им оказался

бывший заключенный – Потертый, один из тех, на кого еще недавно была направлена Служба Руслана:

Хозяин успел уже умереть для Руслана, а этот, в драной ушанке с падающим на глаза лбом, был жив и позвал с собою <...> Руслан это принял спокойно, даже почти равнодушно: спустившись с небес своей мечты на мерзлую вонючую землю, он с удивлением обнаружил, что теперь куда больше его интересует вот этот, сидящий перед ним на корточках... (стр. 136–137).

Смешение в одной фразе контрастной лексики (высокой и низкой) выразительно передает душевное смятение Руслана, его внутреннюю борьбу.

Особенностью повести «Верный Руслан» является несколько сюжетных линий и довольно много персонажей (как людей, так и животных), судьбы которых тесно переплетены. Ключевыми образами для понимания идейного замысла автора являются, кроме уже названных, образы Инструктора и собаки по кличке Ингус.

Инструктор – не просто человек, которого собаки любили, а человек, который любил их. Это было «божество», давшее им в итоге волю.

– Внимание! – командовал инструктор, и все собаки заранее умирали от восторга. – Показываю! (стр. 161).

А Ингус был среди лагерных сторожевых собак «белой вороной»: *Не просто потомственный дворянин, а личность другого уровня, ближе к человеку, чем к собаке. Как есть люди, которые ближе к Богу, чем к человеку (стр. 171).*

Безукоризненно выполняя команды, он часто скучал и даже убегал из лагеря. См.:

Он мог бы и совсем уйти – бегал он быстрее всех, но проклятая мечтательность и тут его подвела. Что же он делал там, в лесу, когда его настигли? Устроил, видите ли, «повалясики» в траве, нюхал цветы,

разглядывал какую-то козявку, ползущую вверх по стеблю, и, как замороженный, тоскующими глазами провожал ее полет. Он даже не заметил, как его окружили с криками и лаем, как защелкнули карабин в ошейнике, и, только когда хозяин начал его хлестать, очнулся наконец и поглядел на него – с удивлением и жалостью. Так он и жил – с непонятной своей мечтой, или, как инструктор говорил, «поэзией безотчетных поступков», всякий день готовый отправиться к Рексу, а умер не за проволокой, а в лагере, у дверей барака. Умер зачинщиком собачьего бунта (стр. 174–175).

Эпизод собачьего бунта из воспоминаний о лагерной жизни Руслана – кульминационный в произведении. Собаки отказались от выработанного за годы Службы послушания своим хозяевам, которые, пытаясь наказать зеков, обсуждавших в бараке «судьбы родины», выставили их на мороз и из шланга стали поливать холодной водой, тут же превращавшейся в лед. И только один Ингус упал с закушенным рукавом и придавил его лапами. Настоящий герой ценой своей жизни закончил это безумие, когда хозяева делали то, что не могли одни двуногие делать с другими двуногими (стр. 182). И вот тогда на водяной рукав бросился Руслан и вся стая:

Что-то большое, сильное, серое перемахнуло через Руслана и, круто повернув, рухнуло всей тушей. Скосясь, он увидел Байкала, всегда такого спокойного и послушного, еще через мгновение бросилась хитрая Альма, совсем близко от челюстей Руслана приладил мохнатые челюсти Дик – отличник по охране задержанных, – и вот уже вся стая полезла грызть ненавистный рукав. Они все, все вышли из повиновения, презрели долг и приказ, забыли о вечном страхе перед черным рыльцем, и хозяевам пришлось узнать, что своих зверей они тогда только могут подчинить себе, когда звери особенно не возражают (стр. 182).

В данном отрывке художественно-образная конкретизация достигается благодаря детализации стремительного действия и точности микрообразов собак. Не только Руслан, но и все лагерные собаки (снова на контрасте с бесчеловечными людьми) проявили солидарность и мужество, за что поплатились жестоким наказанием.

Не менее, чем собачий бунт, потрясает и эпизод с бунтом инструктора: *... о чем-то заспорив с хозяевами, вдруг опустился на четвереньки и залаял на Главного. Так, с лаем, он и вышел в дверь, открывши ее лбом. <...> Он забрался в Ингусову кабину и вызверился на них с порога, рыча и скаля зубы.*

– Я Ингус, поняли? Ингус! – выкрикивал он свои последние человеческие слова. – Я не собаковод, не кинолог, я больше не человек. Я теперь Ингус! Гав! Гав!

И тут-то собаки впервые поняли – о чем он лает. В него переселилась душа Ингуса, вечно куда-то рвавшаяся, а теперь поманившая их за собою.

– Уйдемте отсюда! – лаял инструктор-Ингус. – Уйдемте все! Нам здесь не жизнь! (стр. 188).

И уже были готовы собаки сделать своим вожаком инструктора и, как вольные звери, жить неразлучной стаей, по закону братства, больше никогда не служа человеку, однако жестокость хозяев делает такой финал невозможным.

Авторская идея нетривиальна. Георгий Владимов в своей повести сумел художественно показать, что человек настолько подчинил себе собаку, изуродовал ее психику, что она уже не способна возвратиться в свой природный мир, быть свободной. Ее единственным желанием является Служба. Вот и Руслан остался ей верен. Ждал и дождался. И Служба снова пришла к нему и всей стае и заставила снова стать конвойными собаками. И им неважно, что приехавшие на стройку в отремонтированные после лагеря

бараки – обыкновенные люди. Конвойные собаки по своему разумению заключили их в строгие колонны и не дали выйти из них:

... все были заняты делом, для которого родились и выучились, и он тоже успокоился и посмотрел вперед – где кончалась улица и взбегала на холм пустынная дорога к лагерю. Он понял – они вернулись! Они по-настоящему вернулись! И то была величайшая минута жизни Руслана, звездная его минута. Ради нее, этой минуты, жил он голодным и бездомным, грелся на кучах шлака и вымокал под весенними дождями, и ничего не принял из чужих рук – ни еды, ни даже крова; ради нее сторожил Потертого и презрел хозяина, оказавшегося предателем (стр. 233–234).

Но этот звездный час стал последним часом Руслана. Изуродованный в схватке с людьми, он уже понимал, что возвращаться ему некуда и не к кому. И впервые он захотел этого: *Убогая, уродливая его любовь к человеку умерла, а другой любви он не знал, к другой жизни не прибился. Достаточно он узнал о мире двуногих, пропахшем жестокостью и предательством (стр. 253).*

Как-то инструктор (единственный человек, который любил собак и которого они любили) сказал про Джульбарса: *Он не зверюга. Он просто травмирован службой (стр. 161).* В полной мере это относится и к Руслану. Профдеформация – вот его диагноз и его горе.

Если в первой повести (о Мухтаре) преобладают добрые чувства к собаке и ее хозяину, то во второй (о Руслане), наоборот, понимаешь, что собака стала жертвой человеческой злобы. Но оба произведения через образы служебных собак «воспитывают душу» человека, читателя. Вот как об этом написано на форзаце к книге «Верный Руслан»: *Книги о животных – это, быть может, самое гуманное из написанного людьми. Такие разные – милые, пугающие, беззащитные, отважные, – зачастую именно звери учат нас и наших детей тому, что такое преданность, самопожертвование, любовь, что такое – быть человеком.*

Таким образом, на примере анализа двух произведений мы попытались показать, как в художественном дискурсе наблюдается яркое и эмоционально насыщенное воплощение позитивно-оценочных представлений о служебной собаке.

В каждой из проанализированных нами повестей образ собаки характеризуется конкретными, индивидуализированными чертами (кликча, особенности характера и поведения, привычки и др.). Служебная собака описывается как мощная и выносливая немецкая овчарка с правильным экстерьером. Она является лучшей среди своих собратьев, обучена служить хозяину и быть его другом. Ради хозяина собака совершает героические поступки, которые впечатляют читателя. Но главное – образ собаки играет важную роль в идейно-художественном содержании произведения. Так, в повестях И. Меттера и Г. Владимова собака является символом преданности, смелости, мужества и героизма, в ней воплощены высокие моральные качества.

В целом, анализ отобранных произведений показал, что, во-первых, в художественном дискурсе образ служебной собаки используется для выражения социальной, морально-этической и нравственной проблематики. Во-вторых, собаке приписываются антропоморфные свойства, т. е. черты характера, поведения и образа жизни человека. В этом ярко проявляется эволюция ценностных смыслов, заложенных в понятие *собака* в художественном дискурсе по сравнению с паремиологическим дискурсом. В последнем, наоборот, негативный образ собаки проецируется на человека, которому приписываются зооморфные характеристики, т. е. повадки, нрав и внешний вид животного.

3.3. Стереотипные представления о собаке в исследованных дискурсах

Обратимся к обобщенному сопоставительному анализу стереотипных представлений о собаке, выявленных в ходе исследования инвариантных значений и дискурсивных приращений соответствующего понятия, объективированных в трех основных дискурсах (паремиологическом, профессиональном кинологическом, художественном) и одном дополнительном дискурсе. Последний мы условно назвали *непрофессиональным молодежным*, так как материалом для его изучения стали экспериментальные данные, полученные в результате опроса студентов Пермского университета. Коллективные представления о собаке молодых людей 18–25 лет, не имеющих отношения к кинологии, с одной стороны, важны для более полного описания образа животного, сформированного в сознании наших современников. С другой стороны, полученные данные служат фоном, на котором ярче проявляется специфика профессионального восприятия собаки курсантами-кинологами.

В главе 2 настоящей диссертации был проведен анализ дефиниций слова *собака*, в результате которого выявлены и описаны его лексические значения, зафиксированные в русских толковых словарях трех временных периодов (см. 2.1.). Эти значения мы считаем инвариантными. Они образуют семантическое ядро понятия *собака*, функционирующего в дискурсивных практиках носителей русского языка разных временных срезов. Распределение инвариантных значений понятия *собака* по исследованным дискурсам показано на рис. 4.

Рис. 4. Инвариантные значения понятия *собака* в исследованных дискурсах

Как видим, слово *собака* в своих основных прямых значениях ('хищное млекопитающее семейства псовых, подвид волка' и 'домашнее животное в качестве преданного друга и для охраны, охоты и других целей') используется и в традиционных поговорках (см.: *Встарь, бывало, собака с волком жила; Куда соваться в волки, коли хвост собачий; Черненька собачка свернувшись лежит: не лает, не кусает, а в дом не пускает; У нашей хозяйки все в работе: и собаки посуду моют* и др.), и в художественных текстах, и в речи современных носителей русского языка.

Для паремиологического дискурса также характерно употребление слова *собака* в переносном значении: ‘злой человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л.’ (напр.: *Цыц, собака, не съешь солдата: он сам собака; Собака, не тронь бурлака, бурлак сам собака; Не зять бы был, не собакой и слыл*).

Наконец, современные молодые люди (студенты ПГНИУ), которых мы считаем субъектами непрофессионального молодежного дискурса, отвечая на вопросы анкеты, использовали лексему *собака* в двух переносных значениях: ‘злой человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л. (как ругательство)’ и ‘знак @ в электронном адресе’.

Далее перейдем к обобщению дискурсивных смыслов понятия *собака*, зафиксированных в материалах исследования.

Прежде всего поясним, что логика изложения в разделах 3.1 и 3.2 – от анализа кинологического дискурса к художественному – определялась тем, что персонажем выбранных нами произведений является не домашняя, а служебная собака, образ которой, как мы считаем, сформировался под влиянием кинологической науки и практики. Однако на этапе обобщения результатов исследования мы пришли к выводу о необходимости отразить стереотипные представления о собаке, сформированные в русской лингвокультуре, в **хронологической** последовательности: от середины XIX века (по данным анализа поговорочных текстов, собранных В.И. Далем) – через вторую половину XX века (по данным анализа двух повестей о служебной собаке) – к настоящему времени (по данным опроса курсантов-кинологов и студентов Пермского государственного университета).

Основные дискурсивные приращения понятия *собака* показаны на рис. 5–8.

Паремнологический дискурс середины XIX в.

Собака используется в утилитарных целях для охраны дома, содержится на улице (на цепи, в конуре), в иерархии домашних животных занимает более низкую ступень, чем кошка

Собака не имеет породы, внешне непривлекательная, преимущественно черного цвета, блохастая, нечистоплотная, с плохим запахом

По повадкам собака агрессивная, злобная, жадная, прожорливая, бездеятельная, глупая, склонная к подлости и коварству

Хозяин пренебрежительно относится к собаке: не ухаживает, плохо кормит и даже бьет

Собака готова служить хозяину за кусок хлеба

Собака – символ тяжелой неустроенной жизни

Образ собаки проецируется на человека, которому приписываются отрицательные зооморфные характеристики

Рис. 5. Стереотипные представления о собаке в паремнологическом дискурсе середины XIX в.

Художественный дискурс второй половины XX в.

Собака является объектом художественного изображения, персонажем произведения, вымышленным образом, роль и функции которого обусловлены авторским замыслом

Образ собаки индивидуализируется посредством детального изображения ее внешности, привычек и поведения; обычно служебная собака описывается как мощная и выносливая немецкая овчарка с правильным экстерьером

Собака находится в центре художественного повествования, ее поведение формирует и мотивирует развертывание сюжета; собака может играть роль повествователя

Собака демонстрирует беззаветную преданность хозяину, верность долгу и готовность к самопожертвованию

Образ собаки оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя, обогащает его личность и остается в памяти

Собака – символ высших этических и морально-нравственных принципов

Образ собаки наделяется антропоморфными качествами, нередко превосходящими качества человека

Рис. 6. Стереотипные представления о собаке в художественном дискурсе второй половины XX в.

Профессиональный кинологический дискурс XXI в.

Собака содержится в питомнике и используется как специальное средство для выполнения служебных и боевых задач

Экстерьер служебной собаки соответствует стандарту породы; обычно это крупная немецкая или восточно-европейская овчарка, ухоженная, здоровая, сильная и выносливая

Повадки собаки сформированы дрессировкой и соответствуют ее служебным функциям; собака должна беспрекословно выполнять команды хозяина

Специалисты-кинологи обеспечивают уход за собакой в соответствии с правилами кормления, гигиены, выгула и др.; хозяин обучает, дрессирует и воспитывает собаку

Отношения между хозяином и собакой строятся на основе взаимопонимания, доверия и любви

Собака – символ верности и преданности человеку

Собака наделяется антропоморфными свойствами, которые отражают черты личности ее хозяина

Рис. 7. Стереотипные представления о собаке в профессиональном кинологическом дискурсе XXI в.

Непрофессиональный молодежный дискурс XXI в.

Собака содержится в доме или квартире, обычно в обеспеченной семье в качестве домашнего питомца, всеобщего любимца, «воспитателя» детей; она скрашивает досуг, избавляет от одиночества, помогает членам семьи вести здоровый образ жизни

Как правило, это внешне привлекательная и ухоженная собака модной породы, приобретенная у заводчика

Повадки домашней собаки сформированы образом жизни членов семьи, их запретами и разрешениями

Хозяин обеспечивает собаке хороший уход: покупает специальные корма, одежду и аксессуары, следит за ее здоровьем и внешним видом

Отношения между хозяином и собакой строятся на основе любви и привязанности

Собака – символ любви человека к животным и семейного благополучия

Собака наделяется антропоморфными свойствами, которые отражают особенности характера и образа жизни членов семьи

Рис. 8. Стереотипные представления о собаке в непрофессиональном молодежном дискурсе XXI в.

Стереотипные представления о собаке, сформированные в каждой из рассмотренных дискурсивных практик, свидетельствуют о концептуализации соответствующего понятия, что подтверждает его значимость для русской языковой картины мира.

Конкретизируя сказанное, прежде всего обратим внимание на противоположные представления о собаке фольклорноносителей XIX в. и носителей русского языка второй половины XX – XXI в. Действительно, с одной стороны, в пословицах, поговорках, загадках и приметах, собранных В.И. Далем, отразилось традиционное сознание крестьян, не видевших в собаке никакой ценности, кроме утилитарной. С другой стороны, в исследованных дискурсивных практиках XX–XXI вв. стереотипные представления о собаке кардинально изменились. Так, в ярком художественном образе служебной собаки, созданном талантливыми писателями, воплощаются морально-этические принципы жизни. Для кинологов высокая ценность собаки заключается в ее способности к служебно-розыскной деятельности, готовности быть верным компаньоном и незаменимым помощником в выполнении служебно-боевых задач. Студенческая молодежь воспринимает собаку как друга, всеобщего любимца и настоящего члена семьи.

Современные представления о собаке нашли отражение также в шутивно-ироничных трансформациях прецедентных текстов, получивших распространение в интернете и опубликованных в словаре «Антипословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко 2005]. Прокомментируем это наблюдение кратким анализом 27 антипословиц со словом *собака* из данного словаря (см. Приложение 3).

Пока трудно сказать, войдут ли антипословицы в массовое употребление, однако очевидно, что они подтверждают нашу точку зрения относительно повышения ценности собаки в представлениях современных

носителей русского языка по сравнению с создателями традиционного фольклора. Проиллюстрируем сказанное примерами:

– *Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки.*

– *Собака – друг человека, два сапога пара.*

– *Собака – друг человека, если друг оказался вдруг.*

В некоторых антипословицах осмысляется проблема одиночества человека в современном мире и восприятие собаки как единственного друга, например: *Хорошо, когда собака – друг, но плохо, когда друг – собака.* Антропоморфные качества собаки создатели неофольклора видят в ее способности испытывать человеческие переживания, например: *Собака – друг человека, но ей от этого не легче.*

Современному фольклору свойственна языковая игра, часто основанная на паронимической аттракции, метафорических переносах и полисемии, например: *Снегири не гири, барсуки не суки; Больше всего от собачьих холодов страдают люди; Когда скребет на сердце кошка, новой дворнягою немножко; Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей.*

Как отмечалось выше, в антипословицах используются отсылки к прецедентным текстам. Например, пословица *Жулики спят спокойно: раз деньги не пахнут – собаки не возьмут след* отсылает сразу к нескольким источникам: во-первых, к названию фильма А. Куросавы «Плохие спят спокойно», во-вторых, к неодобрительному высказыванию *деньги не пахнут* о безразличном отношении к способу получения денег; наконец, к фразеологизму *взять след*, означающему выбор правильного направления действий. Помимо переносного смысла, эта антипословица выражает стереотипные представления о способности собаки благодаря уникальному обонянию находить преступников по следу.

Приведем еще примеры переосмысленных прецедентных текстов: *Дай, Джим, «на лапу» счастье мне; Умом Россию не понять, аршином*

общим не измерить. Зачем же в лодку пса сажать? На выживание проверить; В каждом из нас сидит Обломов, но Герасим глубже.

Из примеров видно, что в современных проverbsиальных текстах проявляется не только языковые игра, но и эпатажность. На наш взгляд, она обусловлена прежде всего жанром **антипословиц** как смысловых антиподов традиционных паремий: это «вывернутые наизнанку» афоризмы, крылатые фразы и бранные выражения. См.: *Встречают по одежке, а провожают как Муму; Трое в лодке, не стесняясь собаки.* Фольклор такого рода свидетельствует не столько о трансформациях в представлениях о собаке, сколько о циничном отношении к морально-нравственным нормам жизни.

Возвращаясь к комментарию выявленных в основном материале исследования дискурсивных приращений понятия *собака*, подчеркнем, что полностью противоположными в современном коллективном сознании по сравнению с сознанием современников В.И. Даля стали оценки и внешнего вида собаки. Так, ни в одном из современных дискурсов не зафиксирована характеристика собаки как непривлекательного животного. Кроме уже названных причин (изменение функций собаки и условий ее содержания), сдвиг оценки собаки в сторону положительных значений можно объяснить широким распространением декоративного собаководства, развитием ветеринарной службы, организацией выставок собак, открытием специализированных магазинов и салонов для собак, появлением услуги груминга и др. В профессиональной сфере забота о внешнем виде собаки определяется требованиями кинологической науки. Так, любой специалист в этой области знает, что блохастость и дурной запах недопустимы для здоровой рабочей собаки.

Кардинальное изменение дискурсивных смыслов (от отрицательных к положительным) наблюдается также в оценке умственных способностей собаки, ее якобы склонности к подлости и коварству, прожорливости и злобности.

Таким образом, стереотипные представления о собаке в русском языковом сознании за последние три века изменились в сторону повышения ее ценности, что проявилось в семантической эволюции понятия *собака*. Хотя ядерные (инвариантные) значения этого понятия в целом остаются неизменными, его смысловые приращения, сформированные в речевых практиках, подвергаются трансформации под воздействием экстралингвистических (по существу дискурсивных) факторов речи, основными из которых, на наш взгляд, являются следующие:

- экономическое и социокультурное развитие общества;
- накопление достоверной научной информации о животном, послужившей основой для формирования кинологии как науки;
- понимание значимости гуманистической доминанты в мировоззрении современного человека;
- преломление морально-этической проблематики сквозь призму образа собаки в художественных произведениях российских писателей.

В заключение отметим, что проведенное исследование на новом – когнитивно-дискурсивном – этапе развития языкознания подтверждает правомерность известных лингвистических теорий: лингвострановедческой теории слова, в основе которой лежит идея о накоплении в лексической семантике коллективного опыта национально-культурной общности [Верещагин, Костомаров 1980], и теории «нелимитируемого» лексического значения слова [Стернин 1985]. Действительно, в дискурсивных практиках объем значения слова расширяется за счет различий, обусловленных познанием одного и того же предмета разными группами людей, и эти различия «не дают сформироваться единообразному содержанию знака» [Стернин 1985: 17]. Наше исследование показало, что количество смысловых приращений слова *собака*, сформированных в разных дискурсах, превосходит число ядерных лексических значений этого слова, зафиксированных в толковых словарях.

Выводы

1. Результаты анализа материала, представленного в третьей главе, подтвердили общую гипотезу диссертационного исследования о сложной динамической структуре понятия *собака* и показали, что это понятие включает инвариантные и дискурсивно обусловленные значения не только в паремиологическом дискурсе середины XIX в., но и в дискурсах XX–XXI вв.: профессиональном кинологическом, непрофессиональном молодежном и художественном. Установлено, что образ, запечатленный в провербиальных текстах русского паремиологического дискурса, оказался весьма далеким (если не сказать противоположным) от современного образа собаки как 1) компаньона в подсистеме «человек – собака», *работающие вместе* (служебные собаки); 2) друга в подсистеме «человек – собака», *живущие вместе* (домашние собаки); 3) персонажа, воплощающего идейно-художественный замысел автора литературного произведения.

2. В профессиональном дискурсе кинологи в рамках диады «человек – собака», *работающие вместе*, выстраивают взаимоотношения с животным на основе регламентированной деятельности, руководствуясь научными знаниями о содержании, обучении, дрессировке и воспитании служебных собак. Все респонденты (курсанты Пермского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации и студенты Пермского института ФСИН России) видят в собаке специальное средство для выполнения служебно-боевых задач, компаньона военнослужащего, ценят уникальные физические и психологические качества собак, развивают у них условные и безусловные рефлексы, сбалансированно кормят, следят за здоровьем, условиями проживания и внешним видом.

3. В коллективном сознании субъектов непрофессионального дискурса – студентов разных факультетов Пермского государственного

национального исследовательского университета – сформирован положительный образ собаки как друга и любимца семьи. По их представлениям, собаку покупают для детей в целях воспитания, она заполняет досуг, помогает вести здоровый образ жизни, скрашивает одиночество.

4. Наиболее яркое и эмоционально насыщенное воплощение позитивно-оценочных представлений о собаке наблюдается в художественном тексте. В повестях И. Меттера «Мухтар» и Г. Владимова «Верный Руслан» образ служебной собаки не только является символом высших морально-этических принципов – верности, преданности, смелости и мужества, но и наделяется антропоморфными чертами, благодаря которым собака воспринимается как символ лучших качеств человека.

5. Трансформация стереотипных представлений о собаке в сторону повышения ее ценности подтверждается анализом современных антипословиц.

Заключение

Изучение языка в тесной связи с человеком, его мышлением и практической деятельностью – приоритетное направление современной лингвистики, получившей название антропоцентрической. Ее основным принципом является анализ языковых единиц с опорой на порождение и восприятие человеком. Среди таких единиц анализу подвергаются и зоонимы, в том числе зооним *собака*, поскольку данная лексическая группа относится к одной из самых древних, а потому в ней заметно отражаются особенности мировосприятия конкретного народа, его культура, образ жизни. Образ собаки в восприятии носителей русской лингвокультуры не является неизменным и однозначным. Понятие *собака*, вбирая в себя различные (вплоть до противоположных) представления, эволюционирует и концептуализируется.

Хотя этимология слова *собака* и не имеет общепринятой интерпретации, но однозначно установлено, что восточнославянскими языками оно было заимствовано в прямом значении и до появления этого слова для номинации животного использовалась лексема *пес*.

В лексикографических источниках трех временных срезов: XVIII–XIX вв., XX в. и XXI в. – слово *собака* определяется как многозначное. В репрезентативной выборке русских толковых словарей нами выявлено 23 ЛСВ. Из них шесть вариантов являются основными (общими, устойчивыми, характерными для всех трех периодов). Остальные варианты демонстрируют изменчивость семантической структуры лексемы, обусловленную меняющимися социокультурными факторами. В частности, шесть ЛСВ оказались утраченными, одиннадцать ЛСВ появились в XX–XXI вв. Полученные данные свидетельствуют о том, что представления о собаке, зафиксированные в толковых словарях, с течением времени

менялись, причем семантические сдвиги происходили как в сторону сужения, так и в сторону расширения значения слова.

Номинация *собака* входит в ядро лексической системы русского языка и имеет обширные синтагматические и парадигматические связи. Эта лексема характеризуется сочетаемостью с другими существительными, с глаголами, а также с атрибутивными прилагательными и причастиями, описывающими внешний вид, характер, способности и условия содержания животного.

Слово *собака* имеет довольно высокий словообразовательный потенциал, что подтверждается 33 дериватами, относящимися к разным частям речи. Наличие окказиональных производных, мотивированных словом *собака*, зафиксированных не только в разговорно-бытовой, но и в коммерческой сфере, позволяет сделать вывод, что деривационное поле этого слова является открытым.

В целом, данные лексикографического анализа подтверждают значимость понятия *собака* для русскоязычного общества.

Из 23 значений слова *собака*, отмеченных в лексикографических источниках, четыре являются инвариантными для нашего материала. Из них два прямых значения ('хищное млекопитающее семейства псовых, подвид волка' и 'домашнее животное в качестве преданного друга и для охраны, охоты и других целей') оказались актуальными для всех исследованных нами дискурсов. Единичные случаи употребления слова *собака* в переносном значении 'злой человек, с излишним рвением охраняющий интересы кого-л.' (ругательство) встретились в паремиологическом и непрофессиональном молодежном дискурсах. Слово *собака* в значении 'знак @ в электронном адресе' обнаружено лишь в ассоциативных реакциях студентов ПГНИУ.

Лексические значения слова *собака*, зафиксированные в толковых словарях, дополняются дискурсивными приращениями, появившимися в

процессе функционирования этого слова в разных речевых практиках. При этом в смысловой объем соответствующего понятия включаются одновременно как бытовые, так и научные знания о животном.

В паремиологическом дискурсе, отражающем традиционные представления о собаке, сформировавшиеся в крестьянской культуре на протяжении многовековой истории одомашнивания животного и взаимодействия с ним человека, собака наделяется такими качествами, как внешняя непривлекательность, бездеятельность, агрессивность, злобность, прожорливость, глупость, склонность к подлости. Это свидетельствует о доминировании в коллективном крестьянском сознании негативной оценки собаки (по нашим данным, паремии с ее отрицательной оценкой составляют 66 % от общего числа единиц выборки). Позитивная оценка собаки (16 %) связана лишь с ее утилитарным использованием как охранника, охотника и предвестника изменений в погоде. В провербиальных текстах середины XIX в. объективируется отнюдь не доброе отношение человека к собаке – символу тяжелой неустроенной жизни. Неслучайно образ собаки в русских пословицах и поговорках проецируется на человека, которому приписываются отрицательные зооморфные характеристики.

С течением времени, под влиянием экстралингвистических факторов (экономического и социокультурного развития общества, урбанизации, накопления научной информации о животном, развития гуманистической доминанты в мировоззрении современного человека, преломления в образе собаки морально-этической проблематики, изменения функций собаки и отношения к ней человека и др.), ценность собаки в массовом сознании повышается. Смысловой объем понятия *собака* расширяется за счет дополнительных дискурсивных приращений, сформированных в разных речевых практиках.

Кинология как специальная область знания о собаке дополняет стереотипные представления о ней достоверной научной информацией. В

профессиональном дискурсе в рамках диады «человек – собака», *работающие вместе* кинологи выстраивают взаимоотношения с животным на основе регламентированной деятельности. Проведенный нами социолингвистический опрос показал, что респонденты-кинологи видят в служебной собаке специальное средство для выполнения служебно-боевых задач; ухоженное, здоровое, сильное и выносливое животное, обученное беспрекословно выполнять команды инструктора. Отношения с собакой строятся на основе взаимопонимания, доверия и любви. При этом собака наделяется антропоморфными свойствами, которые отражают черты личности хозяина. Для кинолога собака является символом верности и преданности человеку.

Данные опроса студентов Пермского университета, не имеющих отношения к кинологии, свидетельствуют о том, что в их языковом сознании также сформирован положительный образ собаки. Для этой группы респондентов собака является домашним питомцем, другом, любимцем семьи, воспитателем детей; она скрашивает досуг, избавляет от одиночества, помогает вести здоровый образ жизни. Как правило, это внешне привлекательная и ухоженная собака модной породы, приобретенная у заводчика. Отношения между хозяином и животным строятся на основе взаимной привязанности, при этом собака наделяется антропоморфными свойствами, которые отражают особенности характера и образа жизни членов семьи. В этом дискурсе собака символизирует любовь человека к животным и семейное благополучие.

Применительно к художественному дискурсу стереотипные представления о животном нами рассмотрены на материале вымышленных образов служебной собаки в повестях И. Меттера «Мухтар» и Г. Владимова «Верный Руслан». Роль этих персонажей обусловлена авторским замыслом, в соответствии с которым собака находится в центре повествования, ее поведение формирует и мотивирует развертывание сюжета, вплоть до того

что собака становится повествователем. В художественном произведении собака индивидуализируется посредством детализации внешности, привычек и поведения. В исследованных текстах служебная собака описывается как мощная и выносливая немецкая овчарка с правильным экстерьером. Она наделяется такими антропоморфными чертами, как верность долгу и готовность к самопожертвованию, причем эти качества нередко превосходят качества человека. Собака является символом высших этических и морально-нравственных принципов. Ее образ оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя.

В каждой из рассмотренных дискурсивных практик наблюдается концептуализация понятия *собака*, сопровождающаяся расширением его смыслового объема за счет отражения стереотипных представлений о референте в дискурсивных приращениях, дополнительных к инвариантным лексическим значениям. Вместе с тем на данном этапе исследования мы не склонны относить понятие *собака* к концептам. На наш взгляд, для такого вывода необходимо продолжить изучение коллективного образа собаки на более широком эмпирическом материале. В частности, требуют изучения представления о животном, сформированные в сознании заводчиков, ветеринаров, волонтеров. Скорее всего, по-разному воспринимаются собаки породистые и беспородные, домашние и бродячие, взрослые и щенки. Особыми свойствами наделены собаки как персонажи кинокартин, мультипликационных фильмов, видеороликов, интернет-мемов и других продуктов речевой деятельности, отражающих коллективное сознание носителей русской лингвокультуры. Решение вопроса о правомерности интерпретации понятия *собака* в качестве концепта русской языковой картины мира можно считать перспективой проведенного исследования.

В заключение отметим, что познание мира, как индивидуальное, так и коллективное, является непрерывным процессом. В условиях коммуникации, особенно в разных социокультурных контекстах, а также

благодаря универсальным свойствам человеческого мышления, восприятие предметов и явлений окружающей действительности постоянно меняется. Методика анализа представлений о первом одомашненном животном, примененная в данной диссертации на основе когнитивно-дискурсивного подхода к интерпретации понятия *собака*, может быть использована для изучения других понятий, выражающих лингвокультурную специфику коллективного русского сознания.

Библиографический список

1. Научная литература

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. 4-е изд. М. : Флинта : Наука, 2009. 416 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматический дискурс русских пословиц: постановка проблемы. БелГУ // Оломоуцкие дни русистов: тр. XIX междунар. науч. конф., Оломоуц, 30 авг.–1 сент. 2007 г. Оломоуц (Чехия), 2008. Vol. XLVI, № 2. С. 325–329.
3. Алефиренко Н. Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник ВятГУ. 2008. № 2. С. 75–78.
4. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
5. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
6. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168> (дата обращения: 25.11.2023).
7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV. 896 с.
8. Архангельская А. М. Собака как «нечистое» животное в традиционной народной культуре и языке // Slavica Slovaca, 55, 2020, No 1. С. 110–122.
9. Асанбаев Т. Ш., Уахитов Ж. Ж. Основы кинологии: учебное пособие. Павлодар: Кереку, 2013. 210 с.
10. Бажалкина Н. С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 156–160.

11. Баженова Е. А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 5. С. 24–32.
12. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX вв): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.
13. Барина И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4. С. 10–21.
14. Барский М. А., Назарова А. В. Концепт «собака» в понимании военных кинологов и гражданского населения // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: сб. научн. статей VIII Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 23 апреля 2020) / Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. С. 23–25.
15. Бектемирова С. Б. Отражение образа собаки в тюркских и славянских языках // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. С. 41–47.
16. Белевцова Т. Б. Когнитивная зооморфная метафора в русском литературном языке (на материале энтонимов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2022. 30 с.
17. Белозёрова Н. Н., Шапочкин Д. В. Некоторые аспекты исследования кинологического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 11 (226). С. 17–20.

18. Беляевская Е. Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания: (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2008. 184 с.
19. Бичер О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1916. 22 с.
20. Блохин Г. И., Гладких М. Ю., Иванов А. А., Овсищев Б. Р., Сидорова М. В. Кинология. Учебное пособие для вузов. М.: ООО «Издательство Скрипторий 2000», 2001. 432 с.
21. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: УРСС, 2006. 286 с.
22. Брагина А. А. Мир животных в мире слов. М.: Московский лицей, 1995. 253 с.
23. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2(56). С. 43–49.
24. Бунчук Т. Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры (тексты *Vita herbae / rei* и кумулятивные сказки; актуальные слова-концепты). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 28 с.
25. Буренкова С. В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. Языкознание и литературоведение. 2008 . С. 29–40.
26. Бутина А. А. Концепты *cat* и *dog* в английской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 22 с.
27. Ван Минци Образ собаки в русской и китайской языковых картинах мира (на материале идиоматики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 49–52.

28. Васильева С. Г. И. А. Бодуэн де Куртенэ и антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=94128> (дата обращения: 15.04.2024).
29. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базовые концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
30. Вепрева И. Т., Яо Ц. Зоометафоры в российском политическом дискурсе, связанные с топосами грязи и мусора // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. Т. 11. № 1 (21). С. 31–50.
31. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
32. Виноградов В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи (на материале русской литературы) // Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–45.
33. Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 274 с.
34. Виноградова Е. Н., Ян Вэньхуэй Злая, бездомная и преданная: «собака» в русских и китайских устойчивых сравнениях // Педагогический журнал. 2020. Т. 10. № 1 А, С. 623–634.
35. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М. Учпедгиз, 1959. 492 с.
36. Волошин Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. 282 с.
37. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
38. Гаджихметов Н. Э., Султанов К. Г. Паремии с зоолексемой «собака» как репрезентанты языковой картины мира (на материале кумыкского

- языка) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 56–62.
39. Гак В. Г. Лексическое значение // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 213–214.
40. Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 22 с.
41. Галло Я., Алефиренко Н. Ф. Лингвистика текста: традиции и перспективы // Филологический класс. 2020. № 3. С. 23–38.
42. Гийо Д. Люди и собаки. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 328 с.
43. Гольдберг В. Б. «Антология концептов» / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. В 5 т. Волгоград: Парадигма, 2005–2007 гг. // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. 2007. Т. 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 4–17.
44. Гордеева З. А. Методика исследования зоонимов при моделировании русской языковой картины мира (на примере зоонима *кошка*) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 71–73.
45. Гриченко Л. В. Паремический дискурс: становление понятия, основные характеристики // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 109–116.
46. Губин П. М. Полное руководство к псовой охоте в трех частях. М.: Типо-литография: Мориц Иванович Нейбюргер, 1890. 544 с.
47. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2009. 48 с.

48. Гукетлова Ф. Н. Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мировидения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 2. С. 121–125.
49. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 397 с.
50. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции (Традиционная духовная культура славян: современные исследования). М.: Индрик, 1997. 912 с.
51. Гура А. В. Символика кошки в славянской народной традиции // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 335–370.
52. Гусев В. Г., Гусева Е. С. Кинология. Пособие для экспертов и владельцев племенных собак: история одомашнивания, анатомия и физиология, экстерьер собак и его оценка, наследственность и ее законы, программа подготовки экспертов. М.: Аквариум-Принт, 2006. 232 с.
53. Гэн Юаньюань Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексик). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 238 с.
54. Данченко С. А., Козина Е. А. Образ-Я и образ собаки как напарника у кинологов // Канистерапия как уникальный метод реабилитации и коррекции. М.: ГБОУ ЦППРиК, 2014. С. 9–20.
55. Денисов К. М., Карпова О. М. Западная когнитивная лингвистика как целостная научная парадигма (Рец. на кн.: Evans V. Cognitive Linguistics. A Complete Guide. Second Edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 858 p.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 147–151. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2945>.

56. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. 368 с.
57. Дорогайкина Е. М. Языковая репрезентация зоонимов в художественном тексте: диахронический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2020. 24 с.
58. Дриянский Е. Э. Записки мелкотравчатого. URL: http://az.lib.ru/d/drijanskij_e_e/text_0010.shtml (дата обращения: 07.12.2024).
59. Думназева В. А. Особенности репрезентации национального дискурсивного пространства русским образным словом. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 24 с.
60. Евдокимычева М. А. Некоторые обыденные представления в картине мира русской культуры: изучение на языковом материале // Вестник КГУ. 2007. № 2. С. 193–196.
61. Звездина Т. В., Новоселова Н. А. Социокультурный аспект реализации потенциала инвективного функционирования зоометафоры «собака / кобель» // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110. С. 89–94.
62. Звери и их репрезентации в русской культуре: труды лозаннского симпозиума 2007 г. / под ред. Л. Геллера и А. Виноградовой де ля Фортель. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 366 с.
63. Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. Становление службы полицейских собак в Российской империи // Образование и право. 2018. № 1. С. 227–234.
64. Ильин Н. А. Генетика и разведение собак. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной академии. 1992. 164 с.

65. Ильина Е. Н. «Осторожно: злая собака!» в контексте лингвистики постфольклора // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С 226–242.
66. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАНД, 2014. 262 с.
67. Казарян Ш. Е., Григорян А. Э. Сопоставительно-концептуальный анализ фразеологических единиц с компонентом «собака» в английском и испанском языках // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (51). URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.51.19> (дата обращения: 23.06.2024).
68. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
69. Карасик В. И. О категориях дискурса. 2006. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения: 24.11.2023).
70. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
71. Караулов Ю. Н. Языковая личность. М.: КомКнига, 2010. 264 с.
72. Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989. С. 8–18.
73. Катлинская Л. П. Словообразовательная синхрония в новой лингвистической парадигме // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы Международ. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 2001. 520 с.
74. Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985. 20 с.
75. Кибрик А. Е. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.
76. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 719 с.

77. Кибрик А. А. Язык интересен, или лингвистика среди наук когнитивного спектра // Шестая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. Калининград: МАКИ, 2014. С. 18–19.
78. Киприянова А. И. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 23 с.
79. Клушина Н. И. Дискурсология и стилистика: интегративные методы исследования медиакоммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 78–90.
80. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 352 с.
81. Ковшова М. Л. Личное имя в русском паремиологическом дискурсе: опыт дискурсивного анализа // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции, Тула, 17–19 мая 2018 г. / ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого», Фразеологическая комиссия при международном комитете славистов. Тула: Тульское произв. полиграфическое об-ние, 2018. С. 227–240.
82. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
83. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 154 с.
84. Костюхина М. С. Введение в литературное собаководение (тексты для детей) // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Уральский филологический вестник. 2020. № 1. С. 56–73.
85. Костюшкина Г. М., Озонова Л. Г., Попова А. А., Федотова М. А., Фетисова С. А., Фофин А. И., Эрдынеева Д. В. Концептуализация и

- категоризация в языке. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2006. 584 с.
86. Красных В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122–130.
87. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
88. Кубасова А. О. Анималистическая лексика румынского языка как способ характеристики человека через сравнения и метафоры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 65 (Аспирантские тетради). С. 162–167.
89. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 69–112.
90. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
91. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
92. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.
93. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

94. Кубрякова Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2008. С. 4–14.
95. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
96. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов (фрагменты) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 429–450.
97. Куликова Л. Б., Белецкий С. Б., Бурмакина Н. Г., Детинко Ю. И., Попова Я. В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2015. 182 с.
98. Кумба С. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2021.
99. Кущева О. Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2006. № 4. С. 155–156. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskayaparadigmavsovrempnoylingvistike> (дата обращения: 23.09.2023).
100. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: Астрель; АСТ, 2000. 528 с.
101. Леонтьева Т. В. Идиома *собаку съест*: семантико-мотивационная реконструкция // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 17–25.

102. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
103. Лузина Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2008. С. 40–48.
104. Лызлов А. И. Аксиологическая динамика английской фразеологической системы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2021. 44 с.
105. Макаров М. Л. Основы теории дискурса М.: Гнозис, 2003. 280 с.
URL: <https://www.studocu.com/ru/document/bgtu-voenmekh-im-d-f-ustinova/perevod-i-perevodovedenie/makarov-osnovy-teorii-diskursa/15142669> (дата обращения: 21.11.2023).
106. Максимов С. В. Крылатые слова. URL: <https://textarchive.ru/c-2435312.html> (дата обращения: 12.05.2024).
107. Маругина Н. И. Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 11–30.
108. Маслов А. С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). Вып. 18. С. 51–58.
109. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
110. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
111. Менджерицкая Е. О. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и типология медиадискурса // Язык и дискурс средств

- массовой информации в XXI веке / Под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. С. 72–79.
112. Михальская А. К. Педагогическая риторика: история и теория: учеб. пособие. М.: Академия, 1998. 432 с.
113. Мокиенко В. М. Народные устойчивые сравнения с названиями животных. Собака // *Studia. Slavica. Savariensia*. 2003. № 1–2. С. 322–359.
114. Мурзин Л. Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // *Русская разговорная речь как явление городской культуры*. Екатеринбург, 1996. С. 7–13.
115. Мусси В. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 45–53.
116. Назаретян В. М. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в русском и греческом языках // *Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе*. Материалы II международной научной конференции. Салоники: Высшая школа перевода МГУ, 2011. С. 510–516.
117. Немченко В. Н. Основные понятия лексикологии в терминах: учебный словарь-справочник. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. 251 с.
118. Николаева Н. В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2022. 24 с.
119. Новиков Л. А. Семантическая структура слова // *Русский язык: Энциклопедия* / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 455–457.

120. Огдонова Ц. Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. 21 с.
121. Olesch K. Пословицы с компонентом «собака» и «кот» в современном русском языке. Лексико-семантический аспект // Избранные вопросы перевода, литературы, паремиологии, когнитивистики и лингвистической прагматики. Щецин – Грайфсвальд – СПб., 2021. С. 143–159.
122. Опарина Е. О. Роль культурного компонента в семантике метафор // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. М., 1995. С. 91–94.
123. Орлов И. Б. Российская кинология в историческом аспекте. URL: [http:// www.doggi.ru](http://www.doggi.ru) (дата обращения: 20.07.2022).
124. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научн. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2008. 184 с.
125. Першаева В. В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 53–58.
126. Полищук Ф. И., Трофименко О. Л. Кинология: ВТФ «Перун», 2007. 1000 с.
127. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
128. Попова Л. В. Становление и развитие когнитивной лингвистики за рубежом // Вестник ЧелГУ. 2013. № 35 (326). С. 92–95.
129. Преображенская О. А. Анималистический компонент в русской языковой картине // Актуальные проблемы языкознания. 2019. № 8. С. 208–212.

130. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта; Наука, 2004. 222 с.
131. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66–78. URL: <https://uchebana5.ru/cont/2695310.html> (дата обращения: 21.05.2023).
132. Родная душа. Рассказы о собаках. СПб.: Азбука-классика, 2007. 256 с.
133. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 214 с.
134. Свирепо О. А. Этнокультурные метафоры. URL: http://www.symballon.ru/image/publicat/press/svpr02_0htm (дата обращения: 21.05.2023).
135. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.
136. Селиверстова Ж. Б. Ингрессия понятия «Концепт» в современный общенаучный тезаурус и язык повседневности: от «Научной моды» к научной тенденции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1–2 (79). С. 366–369.
137. Семина О. Ю. Вторичные значения зоонимов русского и английского языков (на материале национальных корпусов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 16 с.
138. Скитина Н. А. Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
139. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.
140. Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 215 с.

141. Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 32 с.
142. Солодкин Р. Я. К вопросу о терминологических особенностях обозначения наименований животных во вторичной номинации // Сборник трудов молодых учёных / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Фак. иностр. яз. и регионоведения. Вып. 4. М., 2009. С. 68–73.
143. Степаненко В. А. Зоонимы в немецком словообразовании (к проблеме соотношения сложного слова и словосочетания). Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1992. 160 с.
144. Степанов Ю. С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/383e.html> (дата обращения: 23.01.2022).
145. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
146. Стернин И. А., Карасик В. И. Как описывать концепты // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 26–35.
147. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 137 с.
148. Сулимов К. Т. Культура отечественного собаководства XX–XXI вв.: комментарии, реплики, размышления. М.: Российский научно-исследовательский институт культуры и природного наследия, 2016. 210 с.
149. Трубочев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.

150. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 147–179.
151. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Антимир русской культуры. М., 1982. С. 43–69.
152. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М.: Гнозис, 1994. С. 53–128.
153. Устуньер И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
154. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. 2014. № 1 (97). С. 1–18.
155. Фатеева И. М. Лингвокогнитивный анализ кинологической лексики. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 291 с.
156. Федин К. Писатель. Искусство. Время. М.: Советский писатель. 1961. 614 с.
157. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. / Под ред. А. А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
158. Фишер Д. Думать как собака. Как научиться понимать свою собаку и избежать проблем в ее воспитании. М.: Эксмо. 2024. 192 с.
159. Фридман В. С. Три антропоморфизма. Справочно-информационный ресурс. URL: <http://ethology.ru/library/?id=446> (дата обращения: 18.03.2023).
160. Фролова О. Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. Вып. 2 (10). 2005. С. 137–158.

161. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Академия, 2003. 320 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=586986&pg=1> (дата обращения: 24.01.2022).
162. Харченко В. К. Современная повседневная речь. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 184 с.
163. Хомутова Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 37. № 35. С. 142–151.
164. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж, 2002. 257 с.
165. Чем мыть собаку, чтобы она не пахла псиной. URL: <https://goodhands.vet/blog/voprosy/chem-myt-sobaku-chtoby-ona-ne-rahla-psinoy/> (дата обращения: 03.03.2024).
166. Черемных Ю. А. Представления о собаке в современном кинологическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 10 (58). URL: <https://rulb.org/archive/10-58-2024-october/10.60797/RULB.2024.58.16>. DOI: 10.60797/RULB.2024.58.16 (дата обращения: 15.03.2025).
167. Черемных Ю. А. Семантическая динамика лексемы *собака* по данным лексикографических источников // Казанская наука. 2024. Вып. 7. С. 190–193.
168. Черемных Ю. А., Шенкман В. И. Традиционные представления о собаке по данным русской паремиологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 753–761.
169. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
170. Чудинов А. П. Когнитивная наука – когнитивные науки – федерация когнитивных наук (из истории российской когнитивной лингвистики) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 117–121.

171. Шалабот Н. Е. и др. Экология собаки домашней: Учебное пособие. Пермь: ПВИ ВВ МВД России, 2013. 240 с.
172. Шалабот Н. Е. и др. Собаководство: учеб. пособие. Пермь: ПВИ ВВ МВД России, 2015. 394 с.
173. Шенкман В. И. Объективация понятия *школа* в русском языке: семантический и когнитивно-дискурсивный аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2022. 288 с.
174. Шульженко М. Ю., Авдышева Е. Г. Язык как когнитивное явление в концептуальном контексте // ИСОМ (Историческая и социально-образовательная мысль). 2015. Том 7. № 1. С. 122–126.
175. Юсифов Ю. Г. Зоологическая лексика азербайджанского языка: (на основе орнитонимов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1985. 20 с.
176. Яковкина Н. И. История русской культуры. XIX век. URL: http://www.plam.ru/hist/istorija_russkoi_kultury_xix_vek/index.php (дата обращения: 24.12.2023).
177. Яковлева Е. С. Коннотативные особенности зоонимов // Нучные ведомости БелГУ. 2016. № 21. С. 75–78.
178. McLeod D. Love Me, Love My Dog – Idiom, Meaning and Origin // Grammarist. URL: <https://grammarist.com/idiom/love-me-love-my-dog/> (дата обращения: 10.02.2024).

2. Словари и энциклопедии

179. Арбатский Л. Толковый словарь русской брани. 2-е изд. М.: Язуза, 2000. 428 с.
180. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. Кузнецов С. А. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

181. Большой универсальный словарь русского языка / Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Под ред. Морковкина В. В. Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: АСТ-Пресс Книга, 2016. 1451 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%B0&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%B0&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращения: 04.05.2024).
182. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
183. Викисловарь. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 31.01.2024).
184. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб: Норинт. 2002. 224 с.
185. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: ННН, 1994. 616 с.
186. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб. М.: Типография М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. 712 с.
187. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 03.02.2023).
188. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 2: П–Я. 1088 с.
189. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 960 с. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 05.02.2023).
190. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко. 1914. Т. 2. 420 с.
191. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с.
192. Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб.: Императорская Академия наук, 1794. Ч. 5. 1083 с.

193. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук: В 4 т. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 4. 489 с.
194. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык. 1985–1988. Т. 4. 1988. 800 с.
195. Словарь русской ментальности. В 2 т. / Колесов В. В, Колесова Д. В., Харитонов А. П. СПб.: Златоуст. 2014. 1184 с.
196. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2 / РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: АСТ, 2003. 856 с.
197. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. – Л.: АН СССР. 1963. Т. 14. 700 с.
198. Словарь сочетаемости слов русского языка / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз. 1983. 688 с.
199. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2003. 941 с.
200. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковой. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
201. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом славянской кн., 2008. 959 с.
202. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т. 3. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
203. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. 560 с.

204. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 543 с.
205. Этимологический онлайн-словарь русского языка Г. А. Крылова. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 30.01.2023).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Пословицы о собаках из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа»

БАБА – ЖЕНЩИНА

Собака умней бабы: на хозяина не лает (о брани)

Псовая болезнь до поля, женская до постели

Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе

И то бывает, что кошка собаку съедает

Лучше раздражить собаку, нежели бабу

БЕРЕЖЬ – МОТОВСТВО

Попались жучки в боярские ручки

БОГ – ВЕРА

Скромничают бары да собаки

Великий пост всем прижмет хвост

БРАНЬ – ПРИВЕТ

Взвой собака на свою голову (если кто дурное скажет)

Чох на ветер, шкуру на шест, а мясо собакам съесть

Пеньковый бы на тя ошейник

По привету и собака бежит

И собака ласково слово знает (старое добро помнит)

Жить сто годов, нажить сто коров, меринов стаю, овец хлев, свиней подмостье, кошек шесток, собак подстолье

БЫЛОЕ – БУДУЩЕЕ

Была бы собака, а палку найдем (и наоборот)

Встарь, бывало, собака с волком жила

Про это уж и собаки лают

Деды наши жили просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью стать

ВЕРНОЕ – ВЕСТИМОЕ

Из пустой хоромины – либо сыч, либо сова, либо бешена собака

Нечего баить, что собаки лают

Черного кобеля не вымоешь (не домоешься) добела

Захотел от кошки лепешки, от собаки блинов

Знают его, что пеструю собаку (переводная с немецкого)

ВЕРНОЕ – НАДЕЖНОЕ

При верном псе и сторож спит

Живой пес лучше мертвого льва

ВИНА – ЗАСЛУГА

Собака достойна корму

Какова псу кормля, такова его и ловля

Какова ловля пса, такова ему и кормля

Не дразни собаки, и лаять (или кусать) не станет

Не дразни собаки, и хозяин не ощерится

Не тычь в подворотню, и собаки не залают

Не умела песья нога на блюде лежать, так под лавкой навалется

ВОЛЯ – НЕВОЛЯ

Купила бы собака печень, да купить нечем

Как ни вертись **собака**, а хвост позади
 Видит **собака** молоко, да в кувшине глубоко
 Глаза глядят, что **собаки** едят, да помочь нельзя
 Нездоров **собаке** жареный гусь
 Погулял, как **собака** на своре
 С бешеной **собаки** хоть шерсти клок
 И влаешь, да не как **собака** (ответ на слова: ты этого не знаешь)
 Всю ночь **собака** на месяц пролаяла, а месяц того и не знает
 И куслива **собака**, да хвост поджимает
 Дана кость (дан **собаке** мосол): хоть ешь, гложи, хоть вперед положи
 Дан **собаке** мосол: хоть ешь, хоть брось, хоть вперед положи
Собака за зайцем, а заяц за волей (тянутся, бегут)
 ГОРЕ – БЕДА
 Паки и паки – съели пона **собаки**; да кабы не дьячки, разорвали б на клочки
 Житье – хуже поповой **собаки**
 Попала **собаке** блоха на зуб
 ГОРЕ – ОБИДА
Волкодав – прав; а людоед – нет
 На кого люди, на того и **собаки**
 Была бы **собака**, а камень (а палка) найдется
 ГОСТЬ – ХЛЕБОСОЛЬСТВО
 Званный – гость, а незванный – **пес**(нечертегонес)
 Куда вляяла **собака**, оттуда гости
 Голой кости и **собака** не гложет
Собака перед домом катается (валяется) – гости будут
Собака во сне лает (взлаивает) – к гостям
 Кто гостю рад, тот и **собачку** его кормит
 Только кости на **собак** покидайте, дорогие гости: а oprичь того, чтобы все чисто было
 ГРАМОТА
 Писали писаки, а прочтут **собаки**
 Писал писачка, а имя ему **собачка**
 ГРОЗА – КАРА
 Не всяка **собака** кусает, котора лает
 Не бойся **собаки**: хозяин на привязи
 ГУЛЬБА – ПЬЯНСТВО
 Пошел черных **кобелей** набело перемывать
 На **собаках** шерсть бьет (т. е. баклуши бьет)
 Пошел на **собак** сено косить
 Нищих за **поводок** водит
 Надо б пообедать. – Так хлеба нет! – А кнут есть? – Есть. – Пойдем **собак** гонять!
 А нешто знает **собака** пятницу
Собаке – **собачья** смерть
 ДВОР – ДОМ – ХОЗЯЙСТВО
 Приведи бог и **собачке** свою конуру!
 У него в доме нечем **собаки** заманить
 Молчан-**собака** весь дом стережет (замок)
 Черненька **собачка** свернувшись лежит: не лает, не кусает, а в дом не пускает (замок)
 Черная **собачка** весь двор стережет (замок)
 Маленька **собачка** (маленький, пузатенький) весь дом бережет (замок)
 Кривая **собака** в печку глядит (кочерга)
 У нашей хозяйюшки все в работе: и **собаки** посуду моют

Кошка да баба всегда в избе, а мужик да **собака** всегда на дворе
 Два свояка, междуих черная **собака** (чело, труба, дым)
 Купил я гагана, он разнежился и расплакался; кинул я его за окно, никто не берет:
собаки не едят и вороны не клюют (горшок)
 Молод был, людей кормил; стар стал, пеленаться стал; умер, мои кости негодящие
 бросили в ямку, и **собаки** не едят (горшок)
 Был я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре; молод был – людей
 кормил; стар стал – пеленаться стал; умер, мои кости негодящие бросили в ямку, и
собаки не гложут (горшок)
 Свет Кощей, господин Кощей: сто людей кормил, гулять ходил, головку сломил; кости
 выкинули, **псы** не понюхали (горшок)
 Черненька **собачка** вокруг да вокруг (сковорода)
 ДЕВИЧЬИ ГАДАНЬЯ
 Полю, полю снежок, где мой женишок, там **собака** взлай
 Ходят подслушивать на перекресток: где шум, **лай**
 Откуда в кутью (или: в авсень) лай **собаки**, оттуда и свахи будут
 ДЕТИ – РОДИНЫ
 У **суки щеня**, и то дитя
 Слепой **щенок** и тот к матери ползет
 ДОБРО – МИЛОСТЬ – ЗЛО
 За **собакой** палка не пропадет (т. е. припомнит)
 Не дразни **собаку**, так и не укусит
 Сердитая **собака** волку корысть
 Ешь **собака собаку**, а последнюю черт съест (или: а последняя удавись)
 Не из корысти **собака** кусает, из лихости
 Не поваляв куска, **собака** не съест
Собака и хлеба не съест, не порычав
 Кабы ему **песий** хвост, так сам бы себе бока настегал
 Кому надо **собаку** ударить, тот и палку сыщет
 Ешьте, дорогие гости: все одно будет (т. е. надо) **собакам** выкинуть
 ДОКУКА
 Словно **песья** трава лезет в глаза
 ДОСТАТОК – УБОЖЕСТВО
 Заживно живет: и голодной **собаки** выманить нечем
 Богат Мирошка, а животных – **собака** да кошка
 Живет Ермошка (или: Игошка): есть **собака** да кошка
 Не с работы тощает, а от жиру бесится (**собака**)
 И **псу** конурка, и коту печурка
 Легко **псу**, да несытно (или: да неужельно)
 Уедно **псу**, да неужельно
 ДРУГ – НЕДРУГ
 Полюбил его, как **собака** палку
 Люблю, что **собака** редьку
 Как кошка с **собакой** (дружны)
 Кабы волк заодно с **собакой**, так бы человеку и житья не было
 Волка на **собак** в помощь не зови
Собака собаку знает (или: не ест)
 Буде меня любишь, так и **собаку** мою не бей (люби)
 И **собака** к **собаке** не подойдет, не обнюхав ее
 С **собакой** ляжешь – с блохами встанешь
 И от доброй **собаки** блох наберешься

*Не житье с волком и **собаке**
Не житье и **собаке** с волком, а теленку так и продоху нет*
ЕЗДА – ПОВОЗКА
*Выше лошади, ниже **собаки** (седло)*
ЖЕНИХ – НЕВЕСТА
*Пока ветры не обвеяли, да **собака** не облаяла, отдавай*
ЖИВОТНОЕ – ТВАРЬ
***Собака** друг, а лошадь враг
Не ржут други (кони), а **лают**
Лошадь от кошки сохнет, от **собаки** добреет (почему и не берут с собою кошки в дорогу)
Собака человеку неизменный друг
Не бей **собаки**, и она была человеком (обращена во **пса** за прожорливость)
Собака и на владыку лает
Вольно **псу** и на владыку брехать
Кто от **собаки** (после **собаки**) ест, у того горло распухнет
Не пинай **собаку**: судороги потянут
Чтоб **собака** не сбежала, вырвать из шеи клочок шерсти
Чтоб **собаки** не бесились, **щенят** протаскивать сквозь ступицу колесную
Кошка да баба в избе, мужик да **собака** на дворе
У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у **собаки** рыло погано, а шерсть чиста
Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку – наоборот
Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет
Собака обжора, а кошка сластена*
ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ
*Смерть без покаяния – **собачья** смерть
Жил **собакой**, окошел **псом**
Собаке **собачья** и смерть*
ЗАБОТА – ОПЫТ
*Его все знают, как меченый грош (как щербатую деньгу, как рябую **собаку**, как попову **собаку**)
Битому **псу** только плеть покажи
Битый **пес** догадлив стал
Насобачиться, наблошниться (навыкнуть)
Нам бы с рук, а с ног – хоть **собаки** тащи (гложи)!*
ЗАВИСТЬ – ЖАДНОСТЬ
*Захотел от кошки лепешки, от **собаки** блина
Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает
Не вылакает **собака** реки, так всю ночь стоит над рекой да лает
Собака и в море локчет[лакает], да не все же выпьет
Заглядывает, как **собака** в кувшин
Надолго **собаке** блин (только раз глотнуть)
Обрадовался, что **собака** блину
Сколько **собаке** ни хватать, а сытой не бывать
Собака хватает, а сыта не бывает
На **собаку** мяса не напасешься*
ЗАГАДКИ
*Затопали кони в Кириловском поле, залаяла **собачка** на Муромском, заревел медведь на Ивановском (Романовском) (кони – мельничные песты; **собачка** – порхлица; медведь – жернов)
Дудка-дуда, на дудке дыра; дуда затрецит, **собака** бежит (ружье)*

*Пошел по тут-тухту, взял с собой тав-тавту, нашел на храп-тахту; кабы да не тав-тавта, съела б меня храп-тахта (пошел за лошадью, взял с собой **собаку** и нашел на медведицу)*

ЗАЙМЫ

*Ружья, жены и **собаки** на подержание не дают*

ЗВАНИЯ – СОСЛОВИЯ

*Кто попу не сын, тот не **сукин** сын*

*Пьяный солдат перейдет (по льду), а **собака** провалится (былой случай)*

*Казаки обычаем **собаки***

*Казак – глазастая **собака***

*Хоромы кривые, сени лубяные, слуги босые, **собаки борзые***

*Без индейского петуха, без **борзого кобеля** – не помещик*

*Мужичья кость **собачьим** мясом обросла (о дворне)*

*Не мешайся деревенская **собака** промеж городских!*

*Цыц, **собака**, не съешь солдата: солдат сам **собака***

*И мужик знает, кто на него **лает***

Собака**, не тронь бурлака, бурлак сам **собака

ЗДОРОВЬЕ – ХВОРЬ

*Засохнет, как на **собаке***

*И **собака** знает, что травой лечатся*

*Подушку под собой перевернуть – **собака** выть перестанет*

***Псовая** болезнь до поля, женская до постели*

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

***Собака** катается – к дождю и снегу*

***Собака** по снегу валяется – ко вьюге*

***Собака** валяется – к ненастью*

***Собака** траву ест – к дождю*

***Собака** мало ест, много спит – к ненастью*

*В такую пору добрый хозяин и **собаку** не выгонит за ворота*

ИГРЫ – ЗАБАВЫ – ЛОВЛЯ

*Как **собака** мух ловит*

*Рубль бежит, сто догоняет, а как пятьсот споткнется, неоцененный уьется (о **псовой** охоте: заяц, **собака**, лошадь и барин; малороссийск.)*

*Первые **щенята** (**борзые**) царские, вторые барские, третьи псарские*

*Либо дупеля, либо **пуделя***

*Нечего делать **псу**, так хоть под хвостом да лижет*

ИЗУВЕРСТВО – РАСКОЛ

*Кто нюхает табаки, тот брат **собаке***

*Кто нюхает (или: курит) табак, тот хуже **собак***

ИЗУВЕРСТВО – ХАНЖЕСТВО

*Расползлись, как слепые **щенята** от матери (о раскольниках)*

КАРА – ГРОЗА

*Попалися **жучки** в ручки (или: в боярские ручки)*

КАРА – МИЛОСТЬ

*Битому **псу** только плеть покажи*

КАРА – ОСЛУШАНИЕ

*Эту **собаку** надо привязать покороче*

КЛЕВЕТА – НАПРАСЛИНА

***Собака** лает, ветер носит*

ЛЮБОВЬ – НЕЛЮБОВЬ

*Когда меня любишь, и мою **собачку** люби*

Любит, как **собака** палку (редьку)
 И **собачьей** свадьбы не надо портить
Собака гуляла, да и хвост прогуляла
 МЕСЯЦЕСЛОВ
 Первый праздник **псарных** охотников; выезд в отъезжее поле
 Коли в крещенье **собаки** много лают, будет много зверя и дичи (пермск.)
 С Евдокей еще встояч **собаку** снегом заносит
 На Ильин день **собак** и кошек не пускают в избы
 МИР – ССОРА – СПОР
Собака лает, соловей молчит
 Нет, не **собака**, а **сука**. Не **кобель**, а **кобелиха**
 Ни с кем не **лаялся**, а заставляють мириться
 Полай, полай, **собака**, да и оближись!
 Свои **собаки** гложись, а чужие не вяжись!
 Свои **собаки** грызутся, чужая не суйся!
 МНОГО – МАЛО
 Маленька **собачка** до старости **щенок**
 Седло ниже **собаки**, а выше лошади
 Хоть пруды пруди; хоть мосты мости; как **собак** (много)
 Голой кости и **собака** не гложет
 С лихой **собаки** хоть шерсти клок
 МОЛВА – СЛАВА
Собака лает, а владыка едет
 Вольно **собаке** и на небо лаять (на месяц, на владыку)
Собака лает, ветер относит (носит)
 Ворота из-под **собаки** лают
 Об этом уже и **собаки** не лают
 МОЛОДОСТЬ – СТАРОСТЬ
 Старый **пес** не обманет
 Стар **пес**, да верно служит
 Старого **пса** к цепи не приучишь
 Старую **собаку** не волком звать
 Старую **собаку** не батькой звать
 Попову **собаку** не батькой звать
 Старше поповой **собаки**
 Стар, что **собака**, а мал, что **щенок**
 Когда ты слепым **щенком** родился, тогда я к отцу твоему на пир рядился
 Ус не пробился; молокосос; **щенок**, не выкунел; давно ли лакать стал (т. е. сам есть)?
 МУЖ – ЖЕНА
 Баба да кошка в избе, мужик да **собака** на дворе
 Уж лаяла бы **собака** чужая, а не своя
 Грызи меня **собака**, да не своя!
 Ешь меня **собака**, да неведомая!
 Нет досадней, как своя же **дворняжка** на тебя лает
 Хоть родила **суку** да **кобеля**, да не тронь до меня (наказывают мужья из дальних мест
 сродникам своим о жене)
 Своя **собака** лайся, чужая не впрядывай!
 Лучшие бы у **собаки** татарина жена померла, чем у меня (у него две)
 НАДЗОР – ХОЗЯИН
 Каша пригорела, щи ушли; был мосол, да **собаки** унесли

НАЗВАНИЕ – ИМЯ – КЛИЧКА

*У всякой **собаки** своя кличка*

*По шерсти **собаке** кличка*

НАРОД – МИР

*Попал в стаю, **лай** не лай, а хвостом виляй (а то заедят)*

НАЧАЛО – КОНЕЦ

*Первых **щенят** за забор мечут (т. е. **щенят** первого помету)*

*Жил-был царь, у царя писарь, да не было **пса** – и сказка вся*

НЕПРАВДА – ЛОЖЬ

*Правда что цепная **собака** (прибавка: на кого спустят, в того и вцепится)*

*Ворона летела, **собака** на хвосту сидела. **Собака** летела, ворона на хвосту сидела*

ОДИНОЧЕСТВО

*Чужой **собаке** на селе житья нет*

ОДИНОЧЕСТВО – ЖЕНИТЬБА

*Без жены, что без кошки, а без мужа, что без **собаки** (т. е. некому оберегать)*

*Бездетный умрет, и **собака** не возьмет (не взвоят)*

*Сваха ходит **собачьей** тропой (т. е. тайком)*

ОПЛОШНОСТЬ – РАСТОРОПНОСТЬ

*Чужие **собаки** дерутся, а свои не зевай!*

*То-то **собачий** нос: лишь чару на поднос, а его лукавый и принес*

*От семи **собак** на распутье отгрызется*

*Лихи зарецкие **собаки**, а наша одна от семерых отъелась*

*Черт (**пес**) ли нес на худой на мост*

*Прочапил (пролил), так **собаке** корысть*

*Не **собачий** нос – не услышишь*

ОСТОРОЖНОСТЬ

***Собаку** мани, а палку держи!*

Левой рукой мосол кажи, в правой руке плеть держи!

***Собака собаку** с хвоста обнюхивает*

*К **собаке** сзади подходи, к лошади спереди!*

*У **собаки** думка в хвосте, у лошади в ушах*

*Сам по ночам обхаживает да **собакой** влаивает*

*Не ступай, **собака**, на волчий след: оглянется, съест*

ПИЩА

*И **пес** перед хлебом смиряется*

*Какова **псу** кормля, такова ему (его) и ловля*

*С голодьябы и **собака** со двора сбежит*

*Улежно **псу**, да неудно (неудчиво)*

*Без ужина спать – **собачья** стать*

*Первый кус – разбойник. Первый кус – **собакой** в ус*

*Навалился, как бык на барду. Покинь хоть **собакам** что*

*Голодный волк сильнее сытой **собаки***

*На кости мясо слаще. Недаром и **собака** кость гложет*

ПОИСК – НАХОДКА

*Ищи, как **собака** блох ищет (т. е. перебирай по шерстинке)*

*Прячется, как **собака** от мух*

ПОМОЩЬ – КСТАТИ

*Свинья в **собаку** (с **собакой**) не чешется, а в угол*

*Последнего (Отсталого) и **собаки** рвут*

*У них **собаки** посуду моют*

*Куда соваться в волки, коли хвост **собачий***

Починил дед клетку, что и **собаки** лезят
 Толкается, что **собака** на кухне
 Черного **кобеля** не вымоешь добела
 Когда на полешню бежать (на охоту ехать), тогда и **собак** кормить
 ПОХВАЛА – ПОХВАЛЬБА
Собака, чего лаешь? – Волков пугаю. – **Собака**, чего хвост поджала? – Волков боюсь
 Сказывали, (не) богат Тимошка, а у него **собака** да кошка
 ПРАВДА – КРИВДА
 Твой кус **собачий**. Али мне не людская часть?
 Кошкам по ложкам, **собакам** по крошкам, нам по лепешкам
 Черного **кобеля** не вымоешь добела
 ПРИГОВОРКИ – ПРИБАУТКИ
 Сам на кобыле, жена на корове, ребята на телятах, слуги на **собаках**, кошки на
 лукошках
 ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
 И **собака** помнит, кто ее кормит
 И **собака** старое добро помнит
 И **собака** на того не лает, чей хлеб ест
 И **собака** того знает, чей кус ест
 Ближняя **собака** скорее укусит
 ПРИЛИЧИЕ – ВЕЖЕСТВО – ОБЫЧАЙ
 Учися вежеству: где пень – тут челом; где люди – тут мимо; где **собаки** дерутся –
 говори: «Бог в помощь!»
 Привыкла **собака** за возом бежать, бежит и за саньми
 Старую **собаку** приучить к цепи трудно
 Чья бы ни рычала (мычала), а твоя-то бы молчала (корова, **собака**)
 Сами **кобели**, да еще **собак** завели
 Не спрашивай у кошки лепешки, у **собаки** блина
 ПРИЧИНА – ОТГОВОРКА
 Курица-иноходица **пса** излягала
 Хороши были твердыни, да **собаки** изрыли
 Тем море не погано, что **псы** налакали
 ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ
 Не дразни **собаки**, не укусит
 Не замахивайся палкой, и **собака** не залает
 У нас все **борзая**: коли уши вилами, а хвост крючком – поди лови (т. е. нет отговорок)
 Козла выжили, а все **псиной** воняет
 ПРИЧУДА
 Барскому **псу** и мосол не мосол
 Тем море не погано, что **псы** его налакали
 Ей **щенка**, вишь, да чтоб не **сукин** сын
 От жиру и **собака** бесится
 ПРОСЬБА – СОГЛАСИЕ – ОТКАЗ
 Дан **собаке** мосол – хоть ешь, хоть гложки, хоть вперед положи
 ПРЯМОТА – ЛУКАВСТВО
 У **суки** – не без крюка (игра слов: сука, буюк, поплавок, под которым скрыт в воде якорь)
 [здесь сука употребляется в омонимичном значении; ср.: И сука не без крюка, вероятно
 о якорном поплавке [ТСЖВЯ: эл. ресурс]]
 Вильнет умом, как **пес** (как лиса, как сорока) хвостом
 Крутит, как **пес** хвостом
 И гусь от гнезда отводит, **собаку** отманивает (дикий)

*Не бойся **собаки** брехливой, а бойся молчаливой
Не той **собаки** бойся, что громко лает, а той, что исподтишка хватает
Хвостом вертит, а за руки хватает
Руки лижет, а зубы на оскале
Молчан-**собака** из-под подворотни хватает
Молчан исподтишка хватает
Полазчив **пес**, да и лиса хитра*

ПЬЯНСТВО

*Не тот пьян, что двое ведут, третий ноги расставляет, а тот пьян, кто лежит, не дышит, **собака** рыло лижет, а он и слышит, да не может сказать: цыц!
То-то **собачий** нос: как чарку нальешь, так его лукавый несет*

РАБОТА – ПРАЗДНОСТЬ

***Собака собаку** в гости звала. – Нет, нельзя, недосуг. – А что? – Да завтра хозяин за сеном едет, так надо вперед забежать да лаять
Кнуты вьет да **собак** бьет*

РАСТЕНИЕ – ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

*Без черев **собачка**: вяк, вяк (мялица)
Вяк, вяк, старая **собачка** без кишок (мялица)
С году на год **собаки** лают (мялицы)*

РЕМЕСЛО – МАСТЕРОВОЙ

*От козла **псиной**, от скорняка кислятиной (несет)*

РЕМЕСЛО – СНАРЯД

*Без **собаки** зайца не поймашь*

РОД – ПЛЕМЯ

*Отсеки **собаке** хвост – не будет овца
Сын в отца, отец во **пса**, а все в бешеную **собаку**
Собака и в собольей шубе блох ищет
Из **собаки** блох не выколотишь (не выбьешь)
Спит **собака**, а во сне и хвостом вертит и взлаивает
Сер козел, сед козел, а все **псиной** несет
От козла **псиной** несет, а кислятиной от скорняка
Черного кота (**кобеля**) не вымоешь добела
Не съест **собака** не потаскавши, а кошка не поворчавши*

РОДИНА – ЧУЖБИНА

*С родной сторонки и ворона (и **собачка**) мила
На чужбине и **собака** тоскует
И конь на свою сторону рвется, а **собака** отгрызется да уйдет
Своя сторонушка и **собаке** мила
И **собака** свою сторону знает*

РОЗНОЕ – ОДНО

*Применил **собачью** конуру ко Строганову двору
В семидесяти двух – один козий (**песий**) дух
Черная **собака**, белая **собака**, а все один **пес**
Пришить хвост, так настоящий **пес***

РУСЬ – РОДИНА

*Ржевцы: ряпуха тухлая. **Собачники**. Отца на **кобеля** променяли. Козу сквозь забор пряником кормили
Кашинцы – **собаку** за волка убили да деньги заплатили
Калязинцы – свинью за бобра купили; **собаку** за волка купили
Боску съели. Боска, Боска, на тебе костку (кличка **собаки**)
Смоляне – польская кость, да **собачьим** мясом обросла*

СВАТОВСТВО

*Сваха ходит **собачьей** тропой*

СВОЕ – ЧУЖОЕ

*Гложи меня **собака**, да чужая (да не своя; да неведомая)*

*Кто вперед суется, того и **собаки** едят*

***Пес** космат, ему тепло, а мужик богат, ему ж добро*

*Свои **собаки** грызутся, чужая не приставай!*

*Две **собаки** грызутся, а третья не приставай (не впрядывай)!*

СВОЕОБЫЧИЕ

*Каждая **собака** в своей шерсти ходит*

СЕМЬЯ – РОДНЯ

*Родня: наши **собаки** из одного корыта лакали*

*Его **собаки** овсянку ели, а наши на них через тын глядели*

*И добрый сват – **собаке** брат*

*Свекровь на печи, что **собака** на цепи*

*Не для зятя-**собаки**, для милого дитяти (гов. **тесть**)*

*Деверья впереди, что **борзые кобели**; свекровь на печи, что **сука** на цепи*

*Два свояка, а промежих **собака**. Свояки до дележа братья*

*Свояк свояку подарил мертвую **собаку**; что ж, свояк, **собака** твоя не лает? – Оттого, свояк, что тебя крепко знает*

*Не зять бы был, не чертом бы (не **собакой**) и слыл*

СКОТ – ЖИВОТНОЕ

*В избе пирогом, а на дворе калачом (**собака**)*

*Четверо стелют, двое светят, один лежит, никого не пустит (**собака**)*

*Четыре четыреки, две растопырки, седьмой вертун (**собака**)*

*Под ярустом, ярустом капуста бела, вода дорога, **собаки** злые (мед и пчелы)*

*В крутом буераке лютые (злые) **собаки** (улей)*

СМЕЛОСТЬ – ОТВАГА – ТРУСОСТЬ

*Дразни **собаку** на цепи!*

***Собакой** залаешь (на меня), а петухом не запоешь (не победишь)*

*На трусливого много **собак***

*На смелого **собака** лает, а трусливого рвет*

*Мертвый **пес** зайца не нагонит*

*Поджал хвост, что волк на **псарне***

СМИРЕНИЕ – ГОРДОСТЬ

*С жиру **собака** бесится*

*Молчан-**собака** исподтишка кусает*

*Бешена **собака** и все смирна бывает (на вид)*

СОБЛАЗН – ИСКУШЕНИЕ

*На пададь и **собака** бежит*

СОБЛАЗН – ПРИМЕР

*Маленькая **собачка** лает – от большой слышит*

***Сучка** гав, и **щенята** гав*

СОЗНАНИЕ – УЛИКА

*Хоронится, как **собака** от мух*

ССОРА – БРАНЬ – ДРАКА

*Живут, как **собака** с кошкой*

*Лады, что у кошки с **собакой**.*

Один рычит да лает, другая мурлычет да фыркает

*Зев за зев грызться (как **собаки**, став на дыбы)*

*Вольно **собаке** и на владыку лаять*

Собаке и на свой хвост вольно брехать
Собака лает, а бары едут
СТРОГОСТЬ – КРОТОСТЬ
 Куслив был **пес**, да на цепь попал
 Хватлива **собака** была, да волки съели
 Смирную **собаку** и кочет бьет
СУД – ЛИХОИМСТВО
 Брось **псу** кусок, так не лает
СУД – ПРАВДА
 Суд да дело – **собака** съела
СУД – ПРИКАЗНЫЙ
 Пропадай **собака** и с лыком – лишь бы не судиться
 Подъячий – породы **собачей**; приказный – народ пролазный
СУДЬБА – ТЕРПЕНИЕ – НАДЕЖДА
 Ждет, что пьяница сткляницу, что **собака** палицу
 Коли быть **собаке** битой, найдется и палка
СУЕВЕРИЯ – ПРИМЕТЫ
 Гавкни, гавкни, **собачка**, где мой суженый (гадают девки о святках, стуча ложкою в ворота)
 Если **собака**, стоя на ногах, качается, то хозяину выпадет дорога
Собачий вой – на вечный покой
 Ночной **собачий** лай – к покойнику
 Коли **собака** ночью воет, то перевернуть под головами подушку, сказав: «На свою голову!» – и она замолкнет
Собака жметя к хозяину – к несчастью
Собака воет книзу (к земле) – к покойнику; кверху – к пожару
 Коли **собака** крох не ест подле больного, то он скоро умрет
 Черная **собака**, черная кошка и черный петух в доме спасают от грозы и от вора (и наоборот, они опасны во время грозы. Нижегородская губерния)
 Когда **собака** перебежит дорогу, то беды нет, но и большого успеха в лесу не будет
СУЩНОСТЬ – НАРУЖНОСТЬ
 По мне хоть **пес** (черт), только б яйца нес
 По бороде апостол, а по зубам **собака**
 По шерсти **собачке** кличка дана
 Молчан-**собака** да тихий омут (опасны)
 Ус соминый, да разум **псиный**
СЧАСТЬЕ – УДАЧА
Собака есть, да камня нет
Собака есть, так палки нет; палка есть – **собаки** нет
 Одним камнем двух **собак** разогнал
Собака (или: Кошка) на человека потянулась – к корысти
СЧЕТ
 Две **собаки** дерутся (грызутся), третья не суйся!
ТАЙНА – ЛЮБОПЫТСТВО
 Заглядывает, как **собака** в кувшин
ТЕРПЕНИЕ – НАДЕЖДА
 Молчан-**собака** (не лающая) – да и та, терпя, вавкнет
ТИШИНА – ШУМ – КРИКИ
 Не боится волк **собаки**, а боится звяги
 Молчан **собака** исподтишка хватает
 Не говоря худого слова, да хватъ (о кусливой **собаке**, о драчуне)

ТЛЕН – СУЕТА

*В одной шерсти и **собака** не проживет*

ТОЛК – БЕСТОЛОЧЬ

*Дома ль хозяин? – **Собака** дома, а хозяин привязан*

*Дикая **собака** на ветер лает*

*Вольно **собаке** и на владыку брехать*

*Ни **пес**, ни **хорт**, ни **выжлец**[хорт – борзая собака, ловчая, для травли; выжлец – ищейная, гончая собака [ТСЖВЯ: эл. ресурс]]*

*Ни рак, ни рыба. Ни волк, ни **пес**. Ни рыба, ни мясо. Ни пест, ни ложка*

*Когда на охоту (в поле) ехать, тогда и **собак** кормить*

*Как **псу** (мерину) под хвост (без пользы)*

*Наелась **собака** травы, да ненадолго (вырвало)*

*И в Иерусалиме **собаки** есть*

*Щеголь-**собака**: что ни год, то рубаха; а портам и смены нет*

*Добрый **пес** на ветер не лает*

*Пошел на **собаках** шерсть бить*

*Ворота пестрые, **собаки** новые, окна соломенны, крыша волоком*

*Будь хоть **пес** (хоть черт), лишь бы яйца нес*

*Волка на **собак** в помощь не зови (т.е. неприятеля на друга)*

ТОРОВАТОСТЬ – СКУПОСТЬ

*Богат, как Крез, а живет, как **пес***

*Как **собака**, на сене лежит: и сама не ест, и другим не дает*

УБИЙСТВО – СМЕРТЬ

*Надеть пеньковый галстук (или: ошейник; о **собаках**)*

УГОДА – УСЛУГА

*Захотели от кошки лепешки, а от **собаки** блинов (она раствором вылакает)*

УМ – ГЛУПОСТЬ

*Бешена **собака** и хозяина кусает*

*Он в **щенках** заморен (т.е. смолоду глуп)*

*Дикая (Блажн^я) **собака** и на небо лает*

УМЕРЕННОСТЬ – ЖАДНОСТЬ

*Вытряхни крошки из кармана да помани **собаку**, чтоб мосол покинула*

УСЛОВИЕ – ОБМАН

*Не сули **собаке** пирога, а кинь краюху!*

УСЛУГА – ОТКАЗ

*Любишь меня, так люби и **собачку** мою!*

УЧЕНЬЕ – НАУКА

*Зверя травят не **собаками**, выездом*

***Собаку** съел, только хвостом подавился*

*Он на это **собаку** съел*

ЦВЕТ – МАСТЬ

*Черных **кобелей** набело перемывать*

ЧЕЛОВЕК

*Такая красава, что в окно глянет – конь прянет; на двор выйдет – три дня **собаки** лают*

*Эко чутье: этот нос **собакой** натерт*

*Нам только с рук долой, а с ног – хоть **собаки** тащи*

*Хоть дворянский нос, да **песьего** не стóит (по чутью)*

ЧЕСТЬ – ПОЧЕТ

*Старую **собаку** не батькой (не волком) звать*

*Попову **собаку** не батькой звать*

*Стара попова **собака**, да не батькой звать
Старый **пес**, ни волк, ни батька, а все тот же **пес***

*По хозяину и **собаке** честь*

ЩЕГОЛЬСТВО

*У него шубка дом стережет (т.е. сторожковая, **собачья**)*

*Сторожковая да колотковая, а греет не хуже собольей (т. е. шуба **собачья**, кошачья)*

ЯЗЫК – РЕЧЬ

*Взвела **собака** на свою голову*

*Когда он заговорит, то и **собаке** не даст слова сказать*

*Молчан-**собака** не слуга во дворе*

*И **собаку** ласково примолвишь, так хвостом вертит (так не скоро укусит)*

Приложение 2. Опросные листы для изучения представлений о собаке современных носителей русского языка

2.1. Опросный лист для информантов-кинологов

1. Отметьте Ваш пол: муж. жен.
2. Отметьте Ваш возраст: до 25 лет 26-50 лет больше 50 лет
3. Отметьте Ваш статус: курсант _____ курса преподаватель другое
4. Напишите слова (3–5), которые ассоциируются у Вас со словом *собака*.
5. Дайте определение: *собака* – это ...
6. Почему Вы выбрали профессию кинолога?
7. Изменил ли Ваше отношение к собакам опыт профессиональной работы с ними?
 ДА НЕТ
8. При утвердительном ответе на предыдущий вопрос конкретизируйте, что именно изменилось.
9. Отметьте знаками + / – качества собаки, которые отражают Ваши представления об этом животном. Дополните список.

Качества собаки	+ / –
1. Агрессивность, злобность	
2. Внешняя непривлекательность (дурной запах, нечистоплотность, блохастость и др.)	
3. Внешняя привлекательность (экстерьер и др.)	
4. Глупость	
5. Обучаемость	
6. Породистость	
7. Преданность человеку	
8. Прожорливость	
9. Склонность к подлости	
10. Способность выполнять полезные для человека функции	
11. Ум	

10. Назовите качества, которыми должен обладать кинолог для успешного взаимодействия с собаками.

2.2. Опросный лист для информантов-не кинологов

1. Отметьте Ваш пол: муж. жен.
2. Отметьте Ваш возраст: до 25 лет 26-50 лет больше 50 лет
3. Отметьте Ваш статус:
 преподаватель другое
4. Напишите слова (3–5), которые ассоциируются у Вас со словом *собака*.
5. Дайте определение: *собака – это ...*
6. Отметьте знаками + / – качества собаки, которые отражают Ваши представления об этом животном. Дополните список.

Качества собаки	+ / –
1. Агрессивность, злобность	
2. Внешняя непривлекательность (дурной запах, нечистоплотность, блохастость и др.)	
3. Внешняя привлекательность (экстерьер и др.)	
4. Глупость	
5. Обучаемость	
6. Породистость	
7. Преданность человеку	
8. Прожорливость	
9. Склонность к подлости	
10. Способность выполнять полезные для человека функции	
11. Ум	

10. Назовите качества, которыми должен обладать человек для успешного взаимодействия с собаками.

Приложение 3. Антипословицы о собаке из словаря

Х. Вальтера и В.М. Мокиенко «Антипословицы русского народа»

1. Умом Россию не понять, аршином общим не измерить. Зачем же в лодку пса сажать? На выживание проверить.
2. Для бешеной (паршивой) собаки семь верст не крюк.
3. С бешеной (паршивой) собаки хоть шерсти клок.
4. Мужчина не собака, на кости не бросается.
5. Собака – друг человека, если друг оказался вдруг.
6. Собака – друг человека, два сапога пара.
7. Собака – друг человека, но ей от этого не легче.
8. Хорошо, когда собака – друг, но плохо, когда друг – собака.
9. Собака – друг человека / *в словаре рядом*: Женщина – друг человека.
10. Когда собаке делать нечего, она яйца лижет.
11. Точно собака серет, да криво кладет.
12. Жулики спят спокойно: раз деньги не пахнут – собаки не возьмут след.
13. Не суй свой нос туда, куда собака свой х... не совала.
14. Трое в лодке, не стесняясь собаки.
15. Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки.
16. Чует собака, на чье мясо села.
17. Больше всего от собачьих холодов страдают люди.
18. С родной сторонки и собачка (и ворона) мила.
19. Псам закон не писан. А людям?
20. Когда скребет на сердце кошка, повой дворнягою немножко.
21. Дай, Джим, «на лапу» счастье мне...
22. Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей.
23. Встречают по одежке, а провожают как Муму.
24. Дружище Джим, что может проще – со всей страной сидеть в калоше?
25. И волки суки, и овцы суки.
26. Снегири не гири, барсуки не суки.
27. В каждом из нас сидит Обломов, но Герасим глубже.